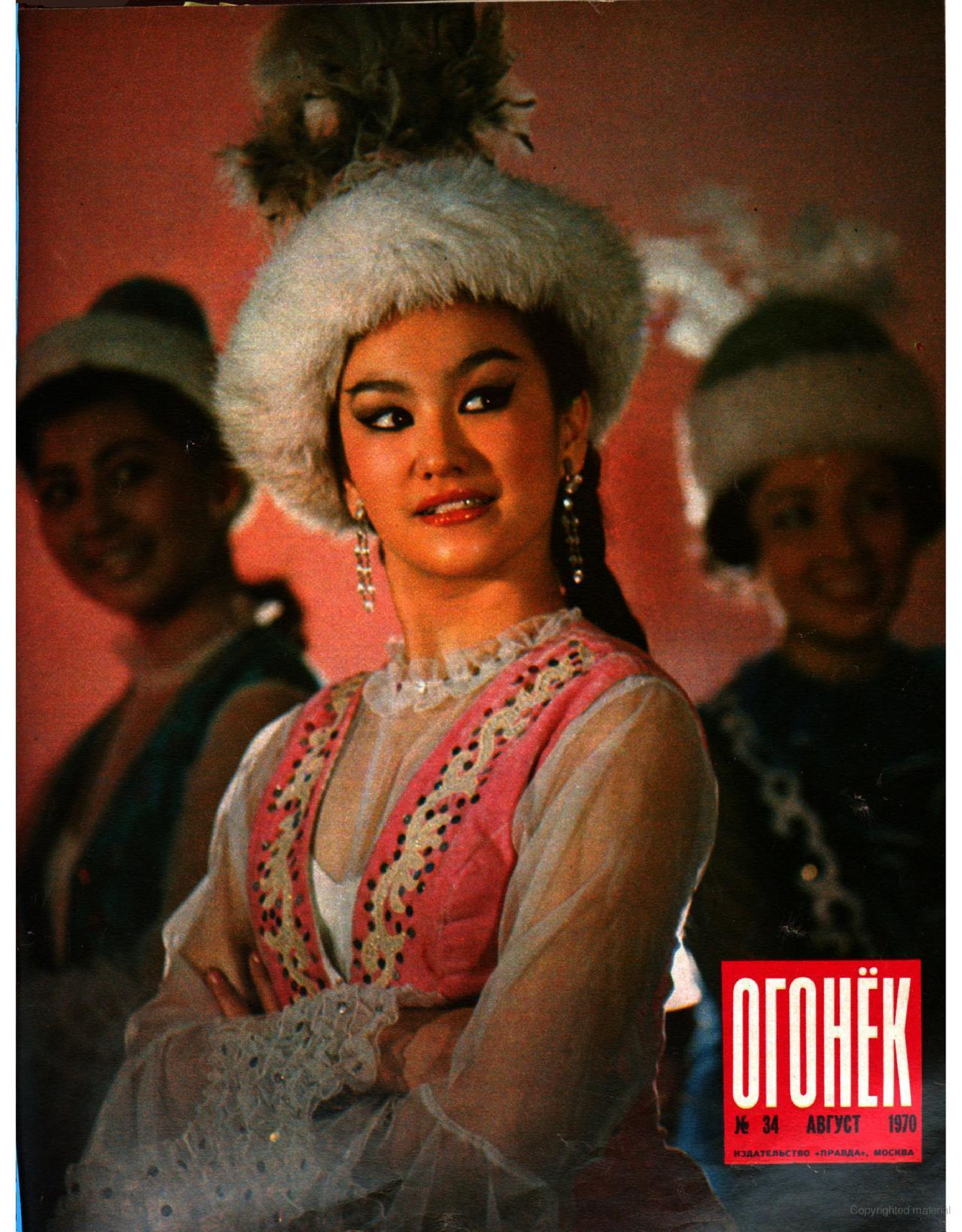

ОГОНЁК
№ 34 АВГУСТ 1970
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
Copyrighted material

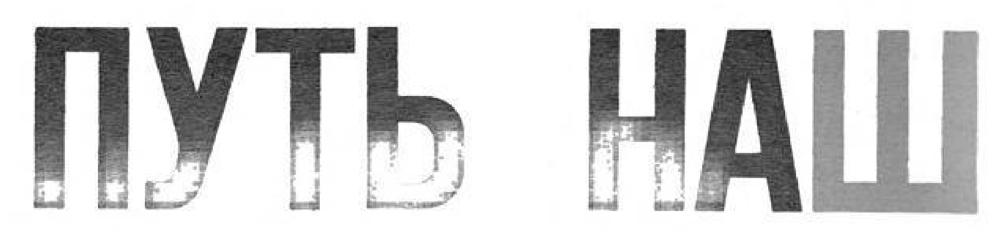
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 34 (2251)

22 АВГУСТА 1970

Основан
1 апреля 1923 года

Столица Казахской ССР Алма-Ата.

Фото Г. Копосова.

СВЕТЕЛ И ЯСЕН

Интервью «Огонька»

Д. А. КУНАЕВ,
кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС,
Первый секретарь ЦК КП Казахстана

ВОПРОС. Какими достижениями встречает республика свой день рождения!

ОТВЕТ. На картах мира страну с названием Казахстан еще полвека назад искать было тщетно. Такого названия не было. Только в мечтах своих видели казахи Жер-Уюк — сказочное царство вечной весны и справедливости, где несметные стада овец и табуны коней пасутся в степях, где поля полны золотом зерна, а в недрах земли столько богатств, что никто не может их счесть, где города живут в достатке, а люди трудятся дружно, как братья. Радость в мечтах и горькая жизнь наяву продолжались века и века. Казахи мечтали, что сказочный конь Тулпар поможет им промчаться через годы и расстояния, чтобы увидеть счастливый край свободных людей. Но наступил Великий Октябрь, и поняли казахи, что счастье им принесет партия коммунистов, что счастье в их собственных руках.

26 августа 1920 года В. И. Ленин и М. И. Калинин подписали Декрет об образовании Казахской республики, и впервые за всю свою историю наш народ получил национальную государственность. Это было первое и главное достижение.

Строительство социализма в Казахстане явилось составной частью социалистического строительства Советского Союза. Оно вылилось во всенародный подвиг, величие которого становится особенно зримым, если вспомнить уровень, с которого трудящимся Казахстана пришлось начинать строить новое общество. Ведь мы шагнули из средневековья сразу в социализм.

Было время — вспоминаешь, и не верится,— когда в казахстанские степи завозились за тысячи километров из Центральной России чугунные казаны для варки пищи, гвозди и конские подковы. Считалось, что в казахской земле нет железа и вообще она бедна полезными ископаемыми. Теперь же республика поставляет свою промышленную продукцию более чем в 70 стран всех континентов мира. На лондонской бирже цветных металлов усть-каменогорский цинк принят как эталон высшего качества. Волочильные станы Алма-Атинского завода тяжелого машиностроения имеют скорость волочения выше, а вес меньше, чем аналогичные машины, выпускаемые в Англии, Швеции и других странах. Казахстан является крупным поставщиком экспортной продукции — хромовой руды.

Геологи Казахстана обнаружили новые, еще в недалеком прошлом неизвестные на земле минералы, в которых сочетаются элементы цветных, редких и рассеянных металлов.

О том, что в недрах нашей республики имеется железной руды значительно больше, чем во всех странах Западной Европы, вместе взятых, даже и не подозревали. Пока у нас разведано около 16 миллиардов тонн железной руды, причем большая часть — в Кустанайской области. Здесь построен и работает на полную мощность крупнейший в Советском Союзе Соколовско-Сарбайский горно-обогатительный комбинат, дающий ежегодно заводам Казахстана, Южного Урала и Западной Сибири 26,5 миллиона тонн высококачественной железной руды. На этом же комбинате введены в действие шесть обжи-

говых печей на фабрике окомкования и впервые в СССР налажено промышленное производство высококачественного металлургического сырья — железорудных окатышей. Это позволило решить одну из задач, поставленных XXIII съездом КПСС.

Всей стране известны металлургические заводы Темиртау, павлодарские тракторный и алюминиевый заводы, Джезказганский и Балхашский горно-металлургические комбинаты, усть-каменогорские свинцово-цинковый и титано-магниевый комбинаты, Лениногорский, Иртышский и Ачисайский полиметаллические комбинаты, экибастузские угольные разрезы, нефть Мангышлака... Всего не перечислить. По объему промышленного производства сегодняшний Казахстан равен 132 дореволюционным. Он прочно выдвинулся на третье место в стране по объему валовой продукции промышленности после Российской Федерации и Украины, он занимает сейчас первое место в Союзе по производству свинца, второе — по производству меди и цинка, третье — по добыче угля, выработке электроэнергии. Каждые сутки промышленность Казахстана производит примерно 161 тысячу тонн угля, 28 тысяч тонн нефти, 3,6 тысячи тонн стали, 5,9 тысячи тонн проката, 13,3 тысячи тонн цемента, почти 100 миллионов квт-часов электроэнергии.

По сути дела, второй революцией в жизни казахского народа стала коллективизация сельского хозяйства, осуществленная на основе ленинского кооперативного плана. В ходе этого исторического процесса свыше миллиона аульно-деревенских хозяйств объединились в колхозы. С освоением 25 миллионов гектаров целинных и залежных земель Казахстан превратился в один из крупнейших зерновых районов страны. В некоторые годы Казахстан давал свыше миллиарда пудов товарного зерна.

Республика располагает развитым животноводством. У нас почти 39 миллионов овец, 5,2 миллиона голов крупного рогатого скота. По производству шерсти и каракуля республика занимает второе место в стране, а по производству мяса — третье. Все большее значение в повышении урожайности приобретает химизация сельского хозяйства. Поэтому стремительно растут и набирают мощности один из крупнейших в мире Чимкентский завод фосфорных солей и джамбулские суперфосфатные заводы, которые используют богатейшее месторождение фосфоритов бассейна Каратау.

Сейчас в Казахстане насчитывается 1 593 совхоза и 422 колхоза. Это, как правило, многоотраслевые мощные хозяйства, хорошо оснащенные техникой. За выдающиеся достижения в деле подъема целинных и залежных земель Казахская ССР удостоена высокой правительственной награды — ордена Ленина.

Мы начинали когда-то с кирки, лопаты и тачки, а сегодня я бы назвал символом Казахстана не только ковш с расплавленным металлом, не только щедрый поток золотого зерна, но и космические корабли, взлетающие к звездам с космодрома Байконур, в самом центре казахской земли.

ВОПРОС. То, о чем вы только что рассказывали, мы чудесным образом сумели увидеть вчера, не выезжая из Алма-Аты. В этом нам помогли дети столицы Казахстана. На площади перед театром Абая шел конкурс детского рисунка на асфальте. И там мы видели все: цветущие сады, степи и горы, каналы и рукотворные моря, нефть Мангышлака и приземление космонавтов, заводские трубы и джигитов на конях, тракторы с надписью «Миру мир!» и танки с надписью «Нет войне!». Но больше всего было новостроек — на целине, в степи, в самой Алма-Ате,— каждый третий рисунок.

ОТВЕТ. А разве это не знаменательно? Весь Казахстан — огромная строительная площадка. На карте республики за годы Советской власти появилось 64 новых города и 174 поселка городского типа. Только за два последних года выросло 20 городов. На месте былых кочевий появились такие крупные промышленные центры, как Караганда, Балхаш, Джезказган, Темиртау, Рудный, Шевченко, Экибастуз. Только за четыре года пятилетки введено в строй около 400 новых промышленных предприятий. Успешно претворяются в жизнь Директивы XXIII съезда партии. На северо-востоке форсированными темпами строится уникальный 500-километровый канал Иртыш — Караганда. Эта искусственная река проходит по пустынным районам Центрального Казахстана, испокон веков считавшимся непригодными для освоения. На реке Или сооружается мощный Капчагайский гидроузел с крупной гидростанцией. Он имеет не столько энергетическое, сколько сельскохозяйственное значение, и очень важное. Создание огромного водохранилища и регулирование стока Или, отличающейся, как все реки ледникового питания, непостоянством водного режима, позволят превратить ее низовья в район возделывания риса — один из крупнейших в стране.

В Кустанае строится крупный комбинат костюмных тканей, в Джетыгаре — асбестовый комбинат, в Ермаке выросли завод ферросплавов и мощная ГРЭС. Поднимаются в разных концах столицы Казахстана первые высотные здания. Огромного размаха, особенно за последнее десятилетие, достигло в республике жилищное строительство. В течение нынешней пятилетки труженики Казахстана получат более 20 миллионов квадратных метров жилья. Так что нет, вероятно, ничего удивительного в том, что каждый третий рисунок на детском конкурсе изображал новостройку.

ВОПРОС. По образованию вы горный инженер, доктор технических наук и начинали тридцатые годы машинистом на Балхаше. Не могли бы вы рассказать, какие качественные сдвиги произошли там и на других подобных предприятиях республики?

ОТВЕТ. Сегодняшний Балхаш можно назвать медным цехом не только Казахстана, но и всей страны. А когда я начинал там работать, он только еще готовился им стать. У нас, разумеется, не было в то время такой великолепной техники, какая пришла сегодня, да и опыта не хватало. Зато хватало энтузиазма и веры в будущее. Сейчас мощность Балхашского комбината выросла в несколько раз, а казахстанская медь — самая дешевая в мире. Это — следствие того, что по уровню технической оснащенности, совершенству применяемых схем технологических процессов, качеству выпускаемой продукции и комплексности использования сырья предприятия цветной металлургии Казахстана являются ведущими в стране.

Возьмем другое предприятие — Усть-Каменогорский свинцово-цинковый комбинат имени Ленина. Построенный в послевоенные годы, он воплотил в себе новейшие достижения отечественной и зарубежной техники и технологии переработки полиметаллических руд. По комплексности производства, что служит главным признаком совершенства технологических процессов в цветной металлургии, Усть-Каменогорский свинцово-цинковый комбинат один из крупнейших на Евразийском континенте. Из сложного полиметаллического сырья здесь извлекается 16 металлов: свинец и цинк, медь и золото, серебро и другие. Для получения только одного килограмма некоторых редких химических элементов приходится перерабатывать чуть ли не целый железнодорожный эшелон руды. Поэтому очень важно, что на комбинате в результате непрерывного творческого поиска за последние годы научились извлекать металлы даже из пыли, газов и шлаков, образующихся при переработке сырья. Здесь во всем величии раскрываются творческие силы и таланты советских людей, таких, например, как рабочий-изобретатель Иван Иванович Котов, создавший в содружестве с коллективом автоматическую машину для разливки цинка...

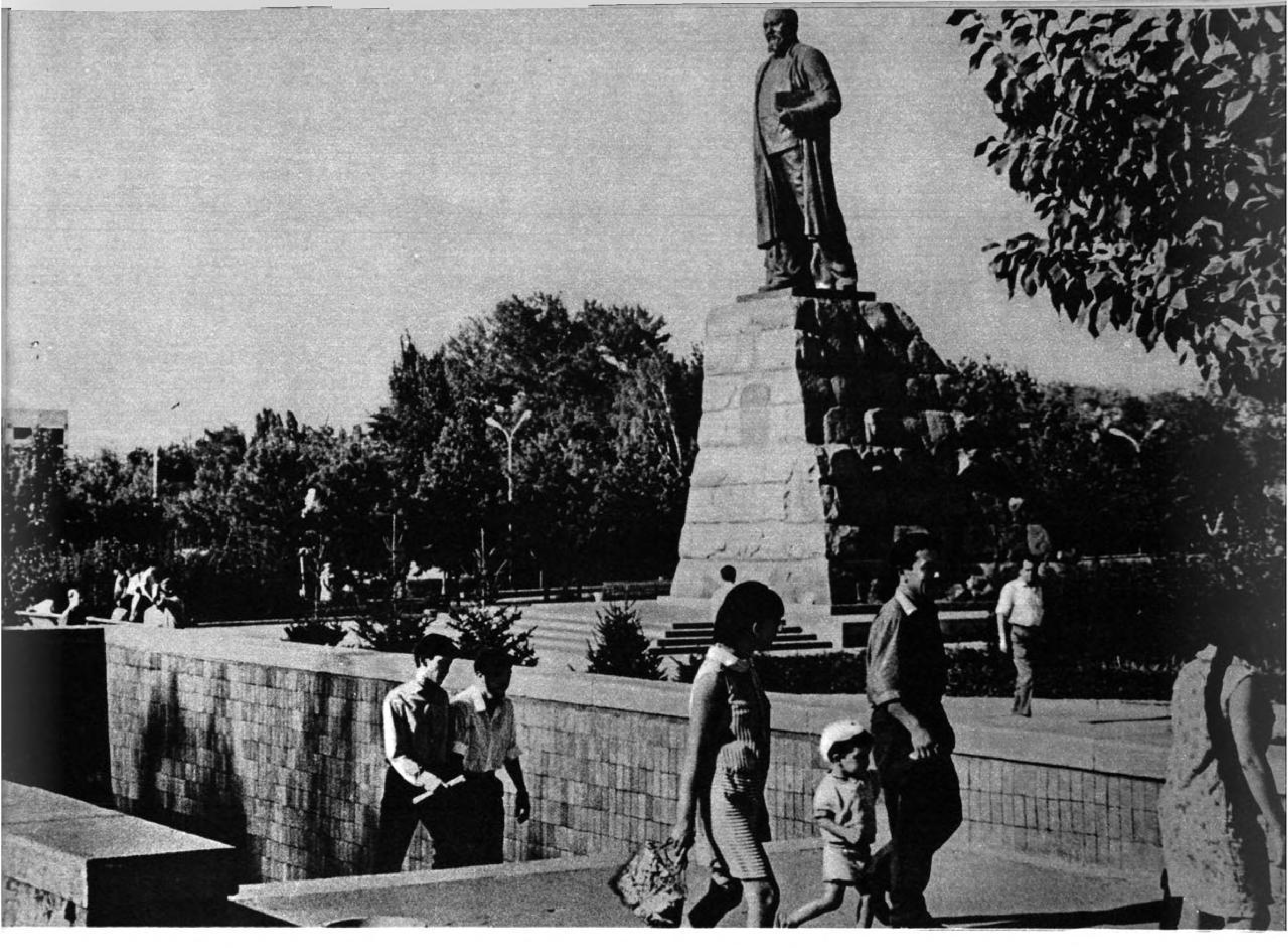

ВОПРОС. Видимо, в этих качественных сдвигах немалую роль сыграла еще одна революция — культурная?

ОТВЕТ. Не то что немалую, а, вернее сказать, решающую. Могла ли появиться национальная техническая интеллигенция без образования? Конечно, нет. В 1908 году официальный «Вестник просвещения» писал, что при тогдашних темпах ликвидации неграмотности в Казахстане и Средней Азии потребуется ни много ни мало... 4 600 лет, чтобы все население стало грамотным. Советский Казахстан такие темпы, понятно, не устраивали, и он разрешил эту проблему за два десятилетия. Сейчас в республике учителей значительно больше, чем прежде было учеников, а учится каждый четвертый житель. В Казахстане, по сути дела, на голом месте возникли советская средняя и высшая школа, наука и культура. Ленинские принципы бережного отношения к народным традициям, чуткость и такт в отношении развития национальной культуры, поддержка народных талантов дали замечательные результаты. Наполнилось новым содержанием народное творчество. Родились национальный театр, симфоническая и камерная музыка, скульптура и живопись. Мировой известностью пользуются книги С. Сейфуллина, М. Ауэзова, С. Муканова, Г. Мусрепова и других. Композиторы Казахстана создали замечательные произведения, прочно вошедшие в репертуар профессиональных театров. Это оперы «Абай» А. Жубанова и Л. Хамиди, «Кыз-Жибек» Е. Брусиловского, «Биржан и Сара» М. Тулебаева, балет «Легенда о белой птице» Г. Жубановой и другие. В крае, где прежде образованный человек встречался так же редко, как колодец в безводной пустыне, из среды народа выросли тысячи и тысячи инженеров, агрономов, врачей, педагогов. Достаточно сказать, что число специалистов с высшим и средним образованием приближается к 700 тысячам человек. Еще 405 тысяч учатся в 43 вузах и 187 техникумах.

Алма-Ата с ее научно-исследовательскими институтами эпидемиологии, микробиологии и гигиены, онкологии и радиологии, охраны материнства и детства, глазных болезней становится одним из важных центров Всемирной организации здравоохранения. Казахстан имеет свою Академию наук, более 160 научно-исследовательских учреждений, где успешно решаются многие важные проблемы современной науки и техники. Далеко за его пределами известны своими фундаментальными работами наши геологи, астрофизики, химики и биологи. Теперь нередко казахских ученых приглашают в Лондон и Варшаву, Прагу и Париж, чтобы они поделились своими знаниями и опытом. Великий просветитель казахского народа Абай в свое время горестно восклицал: «Неужели мы обречены на вечные страдания и отсталость?.. Или придут наконец для казахского народа чудесные дни, озаренные наукой, образованием?» Эти чудесные дни пришли.

ВОПРОС. Наша страна — единая семья народов. В чем проявляется животворная сила единства и дружбы народов в Казахстане?

Алма-Ата. Памятник Абаю.

Фото А. Стрижкова.

ОТВЕТ. Сила птицы — в крыльях, сила человека — в дружбе, говорит наш народ. Эта мудрая казахская пословица неоднократно подтверждалась и будет подтверждаться делом. В Советском Союзе каждая республика работает на всю страну, а вся страна — на каждую республику. Иначе нельзя. В братской дружбе советских социалистических наций, спаянных интернационализмом и плодотворно сотрудничающих между собой,— постоянный источник наших побед в коммунистическом строительстве.

Давняя дружба, крепкие узы братства связывают Казахстан с городом Ленина. Ленинградцы создавали на Алтае первые коммуны, которые, словно маяки, вели здешних крестьян к новой жизни. На электростанциях Казахстана работают ленинградские турбины, а на полях — тракторы-богатыри К-700. Не остается в долгу и Казахстан. Он шлет в Ленинград цветные металлы Рудного Алтая, Балхаша, хлеб целины и рис Кзыл-Орды, яблоки Семиречья и мясо Южного Казахстана. Караганда и Темиртау, Чимкент и Чардара, Актюбинск и Актау, Каратау и Шевченко — все это не просто крупные промышленные центры и стройки. Это осязаемые плоды ленинской национальной политики КПСС, плоды дружбы и братского сотрудничества наших народов.

На строительстве Караганды работали шахтеры Донбасса, Нуринскую плотину, КарГРЭС сооружали ударники Днепростроя, медный гигант на Балхаше воздвигали металлурги Макеевки и метростроевцы Москвы. Со всех концов страны ехали советские люди прокладывать трассу жизни — Турксиб. Можно без преувеличения сказать, что нет в Казахстане ни одного крупного промышленного объекта, в сооружении которого не принимали бы участия посланцы братского украинского народа.

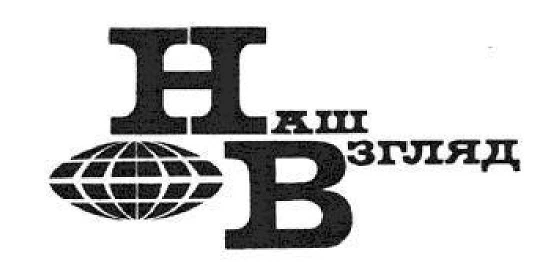
Когда настали грозные военные дни, тысячи казахстанцев ушли на фронт защищать города и села Украины, Москвы, Смоленска, Белоруссии и в конечном счете свои земли и свою независимость. Под стенами Ленинграда старший сержант Султан Баймагамбетов повторил подвиг Александра Матросова, закрыв своим телом амбразуру вражеского дота. Москва никогда не забудет ратный подвиг 28 героев-панфиловцев. После войны казахстанцы участвовали в восстановлении Донбасса. А потом на целину ехали русские, белорусские, украинские, эстонские комсомольцы, и возникали в степи целинные совхозы — Московский, Ленинградский, Минский, Киевский, Таллинский: это символы нерушимой интернациональной дружбы.

Дружбу народов мы всегда будем хранить как зеницу ока. Все потуги идейных врагов извратить и оболгать советский опыт решения национального вопроса отметает сама наша жизнь. Как нельзя облить грязью солнце, так нельзя скрыть правду о Советском Союзе, о любой из его братских республик. И мы говорим: кто хочет видеть, что такое ленинская дружба народов в действии, пусть приезжает к нам в Казахстан, где плечом к плечу живут и трудятся представители свыше ста национальностей.

ВОПРОС. С высоты пятидесяти лет социалистических завоеваний республики открывается волнующая картина достижений казахского народа. Но, видимо, с этой высоты обозреваются и новые дали, перспективы!

ОТВЕТ. Окидывая взглядом пройденный путь, вдумываясь в перспективы нашего движения вперед, казахский народ отдает себе отчет в том, что все его успехи, все надежды и чаяния связаны с руководящей и направляющей деятельностью ленинской партии коммунистов. Нерушимая связь партии и народа, единство их помыслов и действий — основа наших будущих успехов, основа прочности советского общества. Под руководством партии трудящиеся Казахстана настойчиво борются за досрочное выполнение пятилетнего плана и претворение в жизнь Директив XXIII съезда КПСС, за достойную встречу XXIV съезда партии. Впереди новые рубежи. В предстоящем пятилетии на карте республики появятся новые рукотворные реки и моря, плантации риса, новые города, фабрики и заводы. Путь наш светел и ясен.

Советскому Казахстану и Компартии Казахстана 50 лет. Это хороший возраст, возраст зрелости. Но он юн и прекрасен, мой Казахстан, и годы не могут отнять его юности. С каждым годом он молодеет и становится еще прекраснее. Это не парадокс. Это — чудесное свойство нашей социалистической действительности, любой советской республики, и в частности Казахстана.

ПРОДИКТОВАНО ЖИЗНЬЮ

Борис ДМИТРИЕВ

В новой московской гостинице «Интурист» на приеме для западногерманских журналистов, прилетевших с канцлером ФРГ В. Брандтом на подписание Договора между СССР и ФРГ, у меня был разговор с одним из немцев. Этот известный на Западе обозреватель гамбургской газеты говорил, что, приехав второй раз в Советский Союз — первая его поездка состоялась 15 лет назад вместе с канцлером Аденауэром, когда были установлены дипломатические отношения между нашими государствами,— он, как и другие его коллеги, прежде всего думает о тех тяжелых воспоминаниях, глубоких ранах, хранимых обеими странами, и особенно советским народом. Он, мой собеседник, знает, что с такими же настроениями вступил на советскую землю и федеральный канцлер. Только что подписанный Договор, заключил он, призван подвести черту старому, освободить нас от теней и бремени прошлого и положить новое начало в отношениях между Советским Союзом и Федеративной Республикой Германии.

Да, мы, советские люди, может быть, лучше, чем другие, знаем, каково было это прошлое. Знаем мы и то, что в послевоенную четверть века Советский Союз и ФРГ чаще оказывались на противоположных полюсах, чем вместе, при решении жизненно важных для дела мира проблем. А от этого страдало само дело мира и безопасности народов, затруднялось продвижение к разрядке напряженности и установлению сотрудничества и добрососедства.

Документ, который был подписан в Большом Кремлевском дворце 12 августа, призван осуществить поворот в отношениях между двумя государствами. Этот день будет надолго памятным: немного можно вспомнить событий, которые давали бы основание идти к налаживанию мирного сотрудничества наших стран как к достижимой, практической цели. Да и не только к двустороннему советско-западногерманскому сотрудничеству — Договор имеет значение для положения на всем европейском континенте.

В Договоре пять коротких статей. Сейчас, почти две недели спустя после подписания, можно подвести некоторые итоги чрезвычайно широким международным откликам и комментариям к статьям Договора. Прежде всего в комментариях подчеркивается выраженная в документе воля Советского Союза и ФРГ рассматривать поддержание международного мира и достижение разрядки напряженности в качестве важной цели своей политики. Стороны заявляют о стремлении содействовать нормализации обстановки в Европе и развитию мирных отношений между всеми европейскими государствами, исходя при этом из существующего в Европе действительного положения.

Подлинное удовлетворение у всей миролюбивой общественности вызывает зафиксированная в Договоре готовность Советского Союза и ФРГ руководствоваться в своих взаимных отношениях, а также в вопросах обеспечения европейской и международной безопасности целями и принципами Устава ООН и в соответствии с этим решать свои споры исключительно мирными средствами, воздерживаясь от угрозы силой или ее применения.

Не рискуя ошибиться, можно сказать, что наиболее оживленные комментарии за рубежом вызывает статья 3-я Договора, где речь идет о том, что «мир в Европе может быть сохранен только в том случае, если никто не будет посягать на современные границы».

Кто скажет, сколько войн полыхало в Европе из-за споров о границах, требованиях «жизненного пространства», территориальных претензий. Помните, в «Гамлете» войско норвежского короля идет «забрать клочок земли, который только и богат названьем» и за который жаль заплатить несколько дукатов? Вот так порой из-за клочка земли гремели залпы пушек, гибли многие тысячи и миллионы людей. Поэтому особенно горячо европейская и мировая общественность приветствует взятое участниками Договора обязательство неукоснительно соблюдать территориальную целостность всех государств в Европе в их нынешних границах. Стороны заявили, что не имеют каких-либо территориальных претензий к кому бы то ни было и не будут выдвигать такие претензии в будущем.

И наконец, одно из самых существенных положений Договора, зафиксированное в статье 3-й: Советский Союз и ФРГ «рассматривают как нерушимые сейчас и в будущем границы всех государств в Европе, как они проходят на день подписания настоящего Договора, в том числе линию Одер — Нейсе, которая является западной границей Польской Народной Республики, и границу между Федеративной Республикой Германии и Германской Демократической Республикой». Как отмечается в зарубежных комментариях, в частности в заявлении Совета Министров ГДР, впервые ФРГ в этом Договоре взяла на себя имеющие международно-правовую силу обязательства соблюдать неукоснительно территориальную целостность всех европейских государств в их нынешних границах.

Немногие международные документы послевоенного периода приветствовались во всем мире с таким единодушием. Это и понятно. Договор был подготовлен всем развитием европейской действительности, естественным ходом международных отношений. Он продиктован самой жизнью и отвечает долговременным интересам мира.

Август 1970 года стал воистину месяцем мира, поскольку наряду с заключением Договора между СССР и ФРГ в этом же месяце при активном участии Советского Союза был предпринят важный шаг на пути к урегулированию опасного ближневосточного конфликта. В этом конкретные результаты усилий Советского Союза, последовательно выступающего за укрепление всеобщего мира и безопасности народов, ленинской политики мирного сосуществования.

Фото ТАСС.

Москва. Кремль. 12 августа 1970 года. Подписание Договора между СССР и ФРГ.

Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, федеральный канцлер ФРГ В. Брандт и Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин в Большом Кремлевском дворце перед подписанием Договора.

ВО ИМЯ МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ

С 11 по 13 августа 1970 года в Советском Союзе находился с официальным визитом федеральный канцлер Федеративной Республики Германии Вилли Брандт, прибывший в Москву в связи с заключением Договора между Союзом Советских Социалистических Республик и Федеративной Республикой Германии.

Договор был подписан 12 августа от имени Советского Союза Председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным и министром иностранных дел СССР А. А. Громыко, от имени ФРГ — федеральным канцлером В. Брандтом и министром иностранных дел В. Шеелем.

Во время визита состоялись беседа Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева с В. Брандтом и переговоры Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина с главой правительства ФРГ.

В переговорах принимали участие:

С советской стороны — министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, а также посол СССР в ФРГ С. К. Царапкин и член коллегии МИД СССР В. М. Фалин.

Со стороны ФРГ — министр иностранных дел В. Шеель, а также статс-секретари Э. Бар, П. Франк, К. Алерс и посол ФРГ в Москве Х. Аллардт.

Беседы и переговоры протекали в деловой обстановке и были полезными для обеих сторон. По убеждению сторон, как говорится в Совместном Коммюнике, заключенный ими Договор открывает благоприятные перспективы для успешного развития мирного сотрудничества между СССР и ФРГ в различных областях в интересах народов обоих государств. Они выразили уверенность в том, что Договор будет содействовать укреплению безопасности в Европе, решению имеющихся здесь проблем, налаживанию мирного сотрудничества между всеми европейскими государствами независимо от различий в их общественном устройстве. Правительства СССР и ФРГ будут способствовать осуществлению шагов, которые служат этим целям.

Между сторонами состоялся также обстоятельный обмен мнениями по ряду актуальных проблем современного международного положения.

Коммюнике указывает, что оба правительства признали желательным продолжать обмен взглядами по вопросам, представляющим взаимный интерес, на соответствующих уровнях.

Федеральный канцлер ФРГ В. Брандт пригласил Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина посетить Федеративную Республику Германии с ответным официальным визитом. Это приглашение с благодарностью принято. Время визита будет уточнено дополнительно по дипломатическим каналам.

Подписанный Договор закладывает фундамент для дальнейшего развития связей между Советским Союзом и Федеративной Республикой Германии, для упрочения европейской безопасности. Надо надеяться, что за подписанием Договора последуют практические шаги в этом направлении.

Успешное завершение советско-западногерманских переговоров привлекло большое внимание политических и общественных кругов во всем мире. В откликах зарубежной печати справедливо подчеркивается, что значение этого события выходит далеко за рамки двусторонних отношений между СССР и ФРГ, что заключенный договор будет способствовать улучшению политического климата в Европе и может сыграть определенную роль в оздоровлении общей международной обстановки. Звучат среди откликов и голоса недоброжелателей. Но это голоса тех, кому чужд политический реализм, чужда подлинная забота о мирном будущем европейских народов.

ДОГОВОР МЕЖДУ СССР И ФРГ ЯВЛЯЕТСЯ ВАЖНЕЙШИМ РЕШЕНИЕМ. ЭТО ПОЛИТИЧЕСКИЙ АКТ, ПРОДИКТОВАННЫЙ САМОЙ ЖИЗНЬЮ, ОН ОТВЕЧАЕТ ДОЛГОВРЕМЕННЫМ ИНТЕРЕСАМ МИРА.

«БОГАТЫРИ СМОГЛИ БЫ НЕ МНОГИЕ...»

«Созданная по ленинскому плану ГОЭЛРО волей партии, трудом всего советского народа, Магнитка стала поистине флагманом тяжелой индустрии».

Из приветствия Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР рабочим, работницам, инженерно-техническим работникам и служащим Магнитогорского металлургического комбината имени В. И. Ленина.

Есть 200 миллионов тонн магнитогорской стали!

О Магнитке написано много. Ей посвящены поэмы и повести. О ней сложены легенды и песни. Ее имя стало символом трудового подвига советского народа. Не случайно появилось на земле могучее семейство юных Магниток — советских и зарубежных — в братских странах.

Неделю назад на Магнитке был большой праздник.

— Металл сегодня — это не только техника земли, но и космос. 200 миллионов не просто космическая, а сверхкосмическая цифра, которая заставляет задуматься каждого,— так сказал на торжественном собрании, посвященном выплавке 200-миллионной тонны стали, почетный гражданин Магнитогорска и почетный сталевар Магнитки космонавт Павел Попович.

200 миллионов тонн магнитогорской стали... Бесконечная река металла... Лётка, пробитая на мартене № 1 сталеваром Зыковым тридцать семь лет назад — 8 июля 1933 года,— стала ее истоком. 200-миллионная тонна стали, выпущенная коммунистом Анатолием Савченко 15 августа 1970 года,— большая веха на пути этой безудержной реки. Течение ее чем дальше, тем стремительнее. Первую сотню миллионов тонн стали Магнитка выплавила за 29 лет. Вторую сотню миллионов — всего за 9! Завидные темпы!

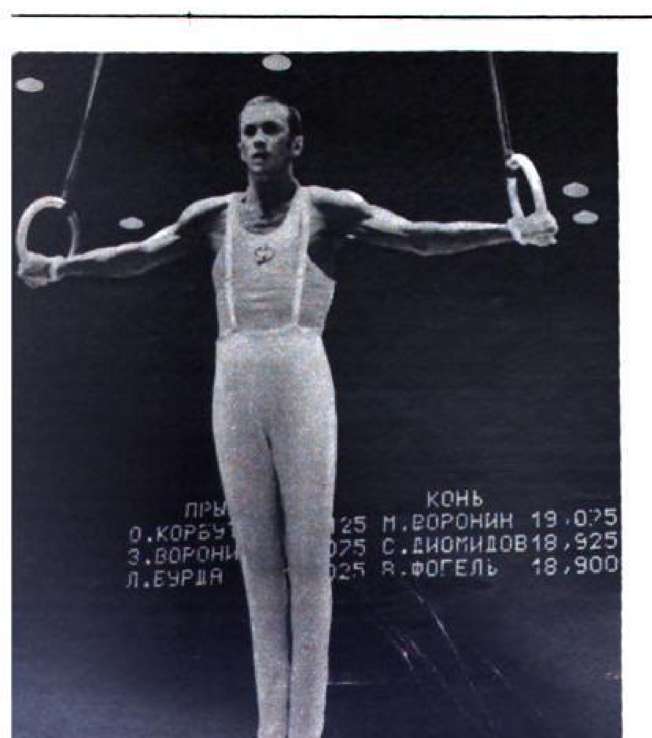
Министр черной металлургии СССР И. П. Казанец дал в тот знаменательный день исчерпывающую характеристику магнитогорской стали: она так же, как и чугун и прокат, самая дешевая в стране. Ее становится все больше. На одного рабочего комбината выплавляется на 15—20 процентов металла больше, чем на металлургических заводах США. В последнее время прирост производства происходит за счет внутренних резервов, увеличения производительности труда. Резервы эти, как много раз доказывали магнитогорцы, неисчерпаемы. Так уж повелось с той самой поры, когда на горе Магнитной заработал рудник. Руда добывалась здесь открытым способом в больших масштабах впервые в стране. Потом из этой руды тоже впервые в стране стали получать офлюсованный агломерат. Впервые здесь во время Великой Отечественной войны стали варить броневую сталь в больших печах. Впервые превратили мартен в своеобразный конвейер — двухванную печь. Эта печь № 29 стала чемпионкой среди мартенов: за полгода дала 559 000 тонн стали.

Ромен Роллан, обращаясь к строителям Магнитки, писал:

Их мускулы не из железных станин,
Не медью скованы ноги их,
Но то, что творят повседневно они,
Богатыри смогли бы не многие...

Строки эти относятся и к сегодняшним металлургам Магнитки.

В радостный и яркий день памятной плавки слетелись со всех сторон к имениннице ее верные

М. Воронин.

ГИМНАСТЫ—НА ВЫСОТЕ

Мы уже привыкли к тому, что наши гимнасты всегда на высоте. Неисчислимы завоеванные ими награды на чемпионатах мира и на Олимпийских играх. И в эти дни многие любители гимнастики хотели знать, готовы ли их любимцы к новому испытанию — чемпионату мира, который должен вскоре начаться в Югославии.

На этот вопрос и должны были дать ответ крупнейшие соревнования — Кубок СССР и чемпионат страны на отдельных снарядах.

И новая встреча с сильнейшими гимнастами не обманула ожидания зрителей. В исключительно яркой борьбе Кубок завоевал сильнейший гимнаст мира Михаил Воронин, но его соседи по пьедесталу почета — Сергей Диомидов и Виктор Лисицкий — мало в чем уступали ему. У женщин обладательницей Кубка стала семнадцатилетняя Любовь Бурда, с которой мы уже успели хорошо познакомиться. Она и в этот раз была в отличной форме — достаточно вспомнить, что спор с ней вели такие замечательные гимнастки, как Зинаида Воронина и Людмила Турищева.

Не менее яркой была борьба за золотые медали чемпионов страны на отдельных снарядах. Очень важно, что вместе с признанными мастерами победу по праву разделила и молодежь.

Михаил Воронин занял первые места в упражнениях на коне и кольцах. Сергей Диомидов оказался лучшим на перекладине и брусьях, Виктор Лисицкий завоевал первенство в вольных упражнениях, а вот чемпионом страны по прыжкам стал Вячеслав Фогель, впервые заявивший о себе на чемпионате страны. У женщин все чемпионки очень молоды. Однако если Людмила Турищева, завоевавшая первенство на брусьях и разделившая первое и второе места с Ольгой Карасевой в вольных упражнениях, нам уже хорошо известна, то шестнадцатилетняя Тамара Лазакович, лучше всех выступившая на бревне, и пятнадцатилетняя Ольга Корбут, новая чемпионка страны по прыжкам,— восходящие гимнастические светила.

Л. Бурд

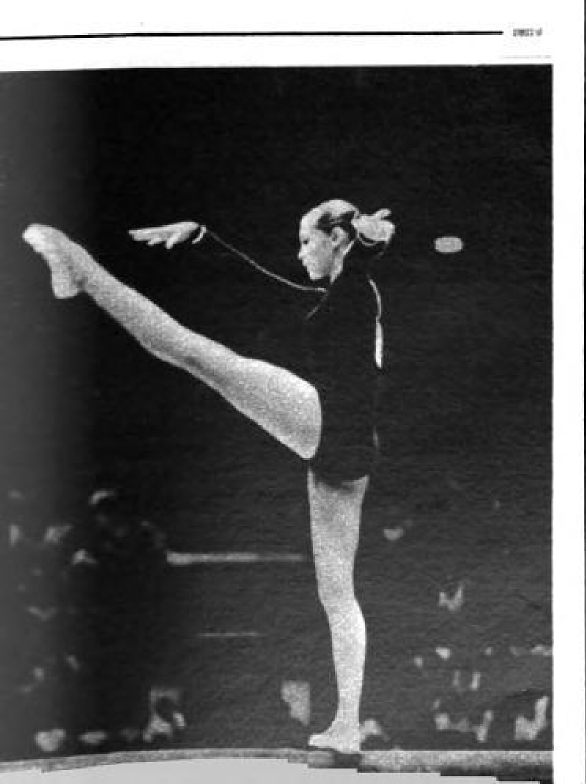
Фото А. Гостева.

друзья — сталевары из разных уголков Советского Союза, гости из Венгрии, Болгарии, Чехословакии, ГДР, Румынии, которые в тот же день выдали интернациональную плавку дружбы. Эта плавка была посвящена двухсотмиллионной тонне магнитогорской стали.

...Когда в обжигающе-ослепительном всполохе устремился в ковш поток металла, коммунист Борислав Минев, сталевар завода имени Ленина в Пернике — Болгарской Магнитке,— сказал Анатолию Савченко:

— Замечательное событие, происходящее сейчас,— и наш большой праздник. Поздравляю тебя с праздником, товарищ!

Г. КУЛИКОВСКАЯ

ПРАЗДНИК СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РУМЫНИИ

Студенты Политехнического института на практике в цехах бухарестского завода «Вулкан».

Фото из журнала «Флакара»

23 августа румынский народ торжественно отмечает двадцать шестую годовщину освобождения своей родины от фашистского ига. В процессе народной революции румынские трудящиеся, опираясь на помощь и братскую поддержку Советского Союза, создавали в стране экономическую и социально-политическую обстановку, которая необходима была для успешного развертывания социалистического строительства. Румынская Социалистическая Республика добилась на этом пути больших успехов — в развитии экономики, подъеме культуры и повышении материального благосостояния трудящихся. Все это явилось убедительным свидетельством преимуществ социалистического строя, плодотворности братского сотрудничества и взаимопомощи, существующих между странами социалистического содружества.

Приветствуя румынский народ в день подписанного недавно между нашими странами Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин сказал: «Дружба, союз и братская взаимопомощь во много раз увеличивают наши силы, ускоряют движение всех наших стран по пути прогресса».

В президиуме пленума. На переднем плане справа налево: председатель Советского комитета ветеранов войны генерал армии дважды Герой Советского Союза П. И. Батов, заместители председателя генерал армии И. В. Тюленев и дважды Герой Советского Союза А. Ф. Федоров, заместитель начальника Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота генерал-полковник М. Х. Калашник.

Фото Н. Ситникова. ТАСС.

ПЛЕНУМ СОВЕТСКОГО КОМИТЕТА ВЕТЕРАНОВ ВОЙНЫ

В Центральном доме Советской Армии состоялся пленум Советского комитета ветеранов войны. Пленум подвел итоги работы Комитета в области военно-патриотической пропаганды и принял решение о ее дальнейшем расширении и совершенствовании.

Председателем Советского комитета ветеранов войны пленум единодушно избрал дважды Героя Советского Союза генерала армии Павла Ивановича Батова.

Яркая радуга жизни

Ю. БЫЧКОВ

Юбилейные выставки в московском Манеже... Праздничный гул тысяч посетителей этих всесоюзных смотров искусства. Горячие споры у живописных полотен, скульптур, графических листов...

Одна грандиозная экспозиция в Манеже сменяет другую. Быстротечное время, избирательный взгляд художественных критиков оставляют, к сожалению, на страницах газет и журналов лишь небольшую часть творений художников, принявших участие в этих больших и ответственных выставках.

Имена многих мастеров, внесших свою достойную лепту и вписавших своими произведениями не одну яркую страницу в историю нашего многонационального искусства, бывают порою несправедливо забыты.

Конечно, одной или двумя статьями невозможно исчерпать или исправить этот пробел. Однако думается, что правильно еще и еще раз вернуться к этим большим выставкам и показать многомиллионному читателю картины живописцев нашей бескрайней Родины, полотна своеобычные, колоритные, современные.

Почерк многих этих холстов может показаться с первого взгляда непривычным. Может быть, иными зрителями декоративная напряженность, острый силуэт и композиционная острота будут восприняты как излишне заостренный формальный поиск. Но думается, что это лишь первое ощущение...

Наше искусство живописи сегодня многолико, многоцветно, как многолика, красочна и празднична наша жизнь. Строгие каноны реалистической живописной школы претворены в творчестве многих мастеров наших республик через призму народного творчества, приобретая новые грани, новые качества, новое мастерство.

Поистине яркой радугой жизни можно назвать искусство наших мастеров, представленных на больших выставках в Манеже. И эта многоцветная радуга зажжена трудом многих и многих живописцев, скульпторов, графиков...

«Огонек» публикует в этом номере всего лишь какую-то тысячную часть живописных работ с выставки, посвященной столетию со дня рождения В. И. Ленина. Но и в этой малой капле сверкает яркая радуга таланта, радости и любви к нашей жизни, к народу, к Родине.

«Звеньевая» Владимира Третьяченко. Молдавский художник создал обобщенный образ молодой женщины-крестьянки. Национальным колоритом проникнута ритмичная орнаментика из плодов, листьев и узоров нарядного костюма девушки. Празднично светлы краски полотна. Горделивая, величавая стать, классически ясная красота лица — все это слито в органический сплав современно решенного полотна.

Живописец заявляет о своем понимании прекрасного. Это новая красота. Художник выражает ее языком современной живописи. Его искусство питают сыновние чувства. В его работе национальное начало идет в ногу с жизнью, а новь — в мажорном цветовом и ритмическом строе картины, в торжественности композиции, в высоком достоинстве изображенного человека.

Дочь молдавского народа, труженица колхоза предстает Хозяйкой земли! Величавая статуарность удивительно уместна. Образ получил особо значимую форму выражения, а чуть загадочная улыбка, цветок у щеки, жемчуга и горделивая осанка рождают великое многообразие ассоциаций, что, несомненно, говорит об успехе художника.

«Мой аул»... Какаджан Оразнепесов — один из многих участников недавней Всесоюзной художественной выставки. Ему двадцать шесть. А между тем образцы, которыми вдохновляется живописец, создавались в давние века. Композиционные приемы восточной миниатюры живо воскресают в памяти при первом взгляде на картину.

Высокие художественные традиции средневековых миниатюристов плодотворно используются мастером для поэтического рассказа о нынешней жизни туркменского народа.

«Мой аул» — многосюжетный рассказ. Он написан на желтом песчаном фоне туркменской земли, в нем отражено свое любопытное видение современной жизни. Коттеджи с телеантеннами на крыше, паутина электрических проводов, протянувшихся между домами и вдоль улицы, мотоциклы и велосипеды вперемежку с выносливыми осликами, майка физкультурника и легкая матерчатая шапочка на голове велосипедиста, а рядом традиционные халаты и шапки из каракуля.

Пластика населяющих холст фигур, созерцательное состояние персонажей, излюбленные красный, голубой и оливковый цвета, стилизованные деревья — все говорит о том, что это искусство глубоко национально.

На вкладках этого номера «Огонька» читатель увидит репродукцию с полотна «На Чарвакской стройке» замечательного советского пейзажиста, народного художника СССР, действительного члена Академии художеств СССР Урала Тансыкбаева. Преобразуемые волей советских людей пустыни Средней Азии — главная и постоянная тема его полотен. Масштабность мышления и колористическая утонченность, прозрачность живописи характерны для Тансыкбаева. Художник открывает перед зрителями захватывающие дух просторы земли. Его композиции построены на ритмах спокойных и уравновешенных. Живописец смотрит на землю как бы с высоты, и эта высота дает ему возможность ощутить и передать средствами реалистической живописи громаду дел советских людей.

Еще одна республика в семье равных, еще одна звезда на небосводе художественной жизни страны — Р. Абдурашитов из Таджикистана. В большую, яркую радугу живописных работ Всесоюзной выставки мастер привнес и свою цветную полоску. Его картина «Целинники» — это ода о хлебе и о тех, чьи руки способны оживить пустыню. Его герои — победители. За их плечами героический труд. Художник выразил спокойную гордость хлеборобов. Он предлагает зрителю декоративное решение темы. Загорелые лица и руки целинников контрастно выделяются на фоне белоснежной скатерти и белых рубах. Словно слитки солнца, сверкают пшеничные лепешки.

Густые краски Сибири в пейзаже иркутского мастера Виталия Рогаля. Величественное раздолье Ангары, безграничье сибирской тайги, суровая красота окрестных гор воспеты художником. Мы словно присутствуем на торжестве, о котором хочется сказать пушкинскими словами: «Здесь будет город заложен...» Романтическая Сибирь движением Ангары, дыханием ветров будоражит наши чувства, когда мы останавливаемся перед его картиной с зовущим названием «Усть-Илим».

Напряженная декоративность, повышенная цветность, обобщенная форма присущи советской реалистической живописи сегодня.

И когда мы как бы совершили путешествие по могучим рекам Сибири и знойным долинам Узбекистана, полюбовались солнечным колоритом Молдавии и побывали в туркменском ауле, то мы еще раз убедились воочию в торжестве ленинской национальной политики. Мы еще раз явственно ощутили расцвет нашей живописи, национальной по форме, социалистической по содержанию...

Но не так просто далась эта победа!

На баррикадах классовой борьбы вместе с русскими пролетариями сражались пролетарии всех народов, населяющих нашу Родину. Новая жизнь, увиденная вами на вкладках этого номера журнала, была завоевана в непримиримой борьбе. Картина рижского живописца Михаила Корнецкого «Пробуждение» напоминает нам о нашем революционном прошлом, о тех, кто бросил вызов эксплуататорам, кто над мраком поднял алое знамя борьбы, чтобы яркая радуга жизни встала над землей.

...Шесть картин с Всесоюзной выставки — и каждая из них, думается, достойна внимания самого широкого зрителя.

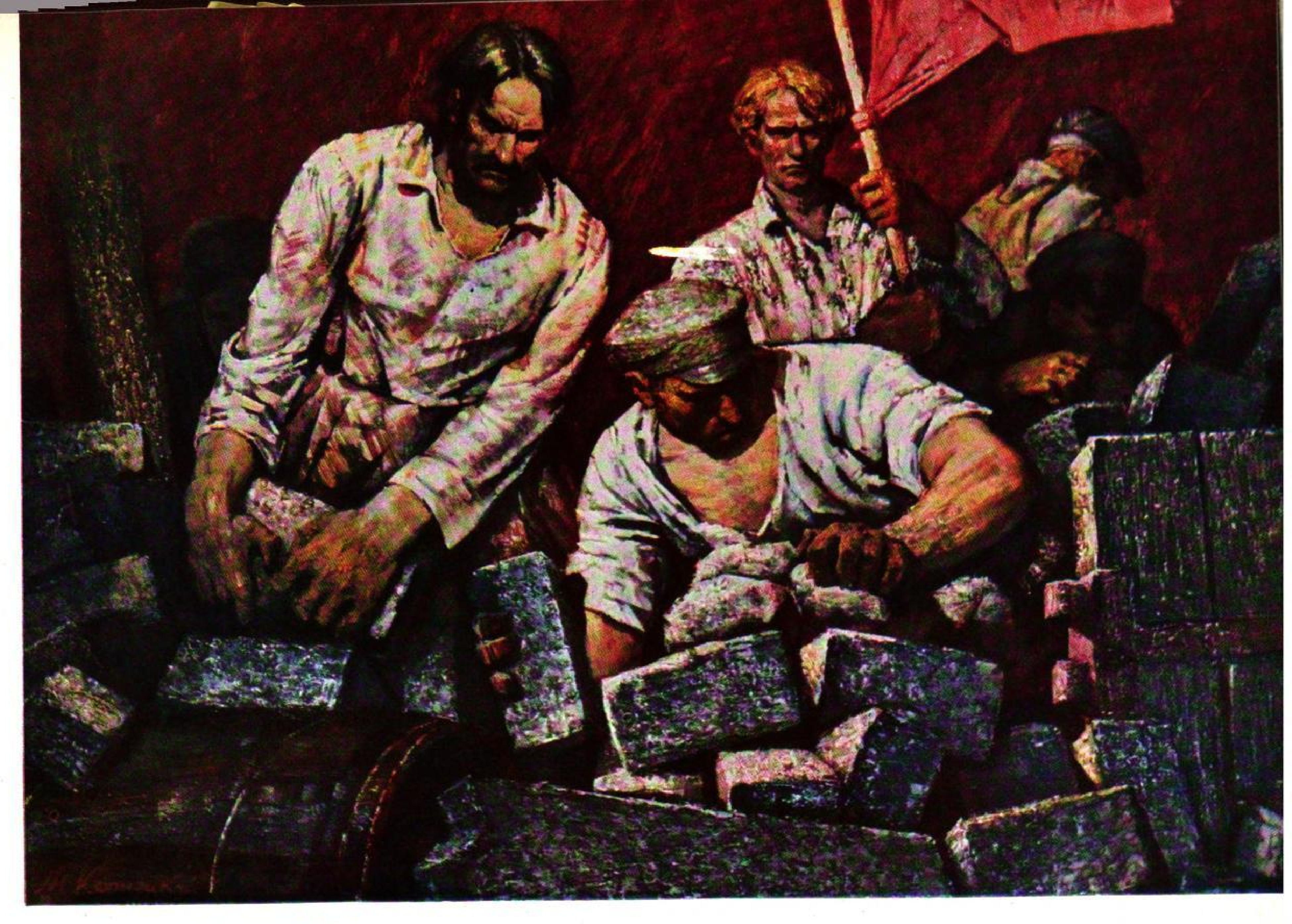
* * *

Стало печальной нормой выпускать каталоги спустя полгода-год после закрытия каждой большой выставки. Почему-то никому не приходит в голову по завершении экспозиции опубликовать альбом, в котором темы и жанры были бы представлены многими качественными цветными репродукциями с обзорными статьями.

Такого издания у нас не было со времени замечательной художественной выставки «Индустрия социализма», память о которой хранит для нас прекрасный альбом.

Наверное, был бы весьма своевременным выпуск серии открыток или альбома — «Всесоюзная художественная. 1970».

Это сделать никогда не поздно!

М. Корнецкий (Рига). ПРОБУЖДЕНИЕ.

Всесоюзная художественная выставка, посвященная 100-летию со дня рождения В. И. Ленина.

В. Рогаль (Иркутск). УСТЬ-ИЛИМ.

К. Оразнепесов (Ашхабад). МОЙ АУЛ.

Всесоюзная художественная выставка, посвященная 100-летию со дня рождения В. И. Ленина.

Из казахской поэзии

Аманжол ШАМКЕНОВ

Признания

Я море долго обольщал,
Чтоб мощь его забрать на помощь,
Кумыс мне силу обещал
И пчелы на цветах урочищ.

Оглядывал степной предел,
Чтобы простор душой запомнить.
В озера пристально глядел,
Чтоб глубиной глаза наполнить.

Чтоб дальше всех я видеть мог,
Взлетел на горные отроги,
Увидел вязь своих дорог,
И дальше —
Дальние дороги.

На состязаниях, в байге,
Других я обгонял жестоко.
За новым днем с камчой в руке
Я мчал, чтобы успеть до срока.

Хотелось тайну жизни взять,
Хотелось силу взять у ветра,
И все, что я хотел узнать,—
Все впереди,
Все снова где-то.

Гоню в морозы и в дожди,
Избрав великих для примера.
А сердце: — Тише, подожди,
Дана и человеку мера.

Не отвечаю я, молчу.
Ну, что ты, сердце, оробело?
Не знаю сколько, но хочу
Жить так,
чтобы в ушах гудело!

В пути

О чем задумалась, чудесница?
В глазах мечтанья не померкли:
В них искорки надежды светятся,
И отсветы,
И пересверки.

Голубизною окруженные,
Зрачки то радостны, то хмуры.
Себя в них вижу отраженным
Немыслимой миниатюрой.

О чем?
Хочу разведать истину,
Гляжу в их глубину агатовую,
Взволнованную и таинственную,
Загадываю
И разгадываю.

Ветра какие в сердце дунули?
Куда возвысились мечтания?
В чем разуверились,
Раздумали?
И отчего снега растаяли?

О чем?
Что в жизни первым встретило?
Обрадовало?
Опечалило?
Когда на свете стало ветрено,
К какому берегу причалила?

О чем задумалась?
Мне хочется
Сказать тихонько:
— Будь же счастлива!..
Беспомощны мои пророчества.
Кому нужны мои участия?

Перевел М. Луконин.

Всё — сегодня...

Когда к тебе придвинется опасность,
Дохнет враждой,— не бегай от нее.
Включи свою стремительность и страстность,
Немедленное мужество свое
И схватку не откладывай с врагом:
Сойдись — глаза в глаза, к лицу лицом.

Нет прошлого, и быстро время мчится,
Обидно будет тратить жизнь для лжи:
Когда с неправдой встретиться случится,—
Не промолчи, а правду всю скажи!
На завтра не откладывай слова.
От храбрости — лишь выше голова.

Бывает так, что влюбишься внезапно
(Случается такое иногда) —
Признанья не откладывай на завтра:
Мгновения слагаются в года,
В запасе не найдется жизнь вторая —
Откройся первым, чувства не скрывая.

А если чья-то ненависть и злоба
С любимою тебя поссорят вдруг,—
Не упирайся в угол мрачнолобо,
Как будто бы все валится из рук,—
Откладывать не надо примиренья,
Теряя драгоценные мгновенья.

Вторгаясь в жизнь и яростно и смело,
Ни мыслей, ни желаний не таи,
И слово не откладывай и дело,
И чувства не замалчивай свои,
И не смотри на вещи прошлогодне.
Живи — сегодня! Делай всё — сегодня!

Перевел М. Львов.

Сердце

Сердце — это локатор:
Все оно чутко улавливает.
К близким — зовет в объятья,
К дальним, чужим — останавливает.

Сердце — это не флюгер,
Ветром изменчивым верченный.
Ветер — это не люди,
И сердцу быть флюгером не к чему.

Сердце всевидяще мудрое,
Сердце — оно такое:
Должность его очень трудная,
Нет ему, сердцу, покоя!

Перевел Виктор Боков.

Турсынхан АБДРАХМАНОВА

Белый луч

Белый луч!
Как я чту тебя, как повезло
Мне в тебе разглядеть все, что в мире светло!
Честность помысла, щедрость души, доброту —
Все вобрать в себя белое чудо смогло.

Белый луч, ты в устах молодого певца,
Приносящего радость в людские сердца.
Саулем [1] — так надежду зовет человек.
Лучезарным твореньям не видно конца.

И когда белый луч на восток упадет,
Из-под полога ночи блеснет небосвод.
Белым ликом красавицы всходит мираж,
Белокрылых лучей провожая полет.

Это свет моей жизни.
Читатель, когда
От казаха услышишь, что, мол, изо льда
Сердце черной земли,
Ты запомни навек,
Что оно от лучей оживает всегда.

В них опора.
И этому свету лучей
Рад улыбки не знающий сумрак ночей,
И земля, по которой скользнули лучи,
Не сама ли от буйных цветов горячей?

Белый луч!
Что ж, его, как награду, храни,
Он откроет дорогу в грядущие дни.
Вот он в космос скользнул, увлекая тебя...
Белый луч!
Это будущих жизней огни.

Перевела Т. Кузовлева.

[1] Саулем — мой луч.

ИДЕТ КАЗАХСТАНСКОЕ ЗЕРНО!

СТАТИСТИКА ОРЫНА

Трактористка Мактым Жексенгалиева — депутат райсовета.

Ю. СИБИРЯКОВ
Фото Г. КОПОСОВА.

Едем по степи. Пшеница без края. Против солнца цвет густо-рыжий, по солнцу — светло-желтый. Вдали, будто связанные веревкой, маячат три комбайна. Главный агроном совхоза имени газеты «Правда» Иван Михайлович Третьяк комментирует:

— Сейчас мы ежедневно сдаем на тока примерно полторы тысячи тонн зерна...

С Иваном Михайловичем интересно. Он знает здесь все и всех, потому что приехал сюда еще задолго до освоения целины. Места эти тогда считались полупустынными, а урожай в 4 центнера с гектара — редкой удачей. И был на этом месте небольшой конезавод.

Третьяк приехал, осмотрелся и написал жене письмо: «Аня, приезжай. Места здесь привольные, домик над рекой и садик...» Анна Алексеевна приехала, но на первых порах привольные места повергли ее в уныние. Домик оказался саманной мазанкой, садик — хилыми кустиками, а река — мелким ручьем. Ни света, ни радио не было. Но они были молоды и деятельны. Третьяк приспособил старый мотор от трактора под электростанцию. Местные жители удивлялись и хвастались перед соседями: «У нас теперь светло, как на улицах Уральска...» На воскресниках начали строить клуб и построили его. Появилось радио. Но главное было впереди.

Третьяк стоял на краю поля и смотрел, как пашут. Плуг едва царапал твердую почву, и агроном понял первую причину неудач: мелкая пахота. Он остановил трактор, приказал положить на плуг тяжелые каменные катки, которыми раньше обмолачивали зерно. Дело пошло веселее. Трактористы втихомолку язвили: «Ай, агроном! Думает, катки зерно ему дадут» — и норовили скинуть груз. Но Третьяк был начеку, безжалостно заставляя перепахивать, если это надо было. Зато осенью урожай собрали, по прежним понятиям, невероятный — 15 центнеров с гектара, хотя год был вовсе не из щедрых.

Вскоре приехал директором старый друг Третьяка — Виктор Игнатьевич Шубин, с которым вместе работали на юге Казахстана. Ежегодно они припахивали все новые куски целины, и к 1954 году, когда над страной пронесся клич «Подымем целину!», тут ее уже подняли, пахали около 30 тысяч гектаров. Конезавод был преобразован в совхоз имени газеты «Правда». Людьми владело удивительное воодушевление. Табунщики братья Гусмановы дружно переквалифицировались на трактористов-комбайнеров. Их отец, 60-летний Гусман, ревниво следил, как работают сыновья. Иногда он и сам становился в полный рост за рычаги трактора.

В 1956 году совхоз получил небывалый урожай. В. И. Шубину присвоили звание Героя

→

Утиное царство.

Страда. Целинный совхоз имени газеты «Правда».

ГУСМАНОВА

Социалистического Труда, а И. М. Третьяка наградили орденом Ленина.

...Мы подъехали к полевому стану. Был обеденный перерыв. Я подошел к стенгазете. Передовица начиналась так: «Уборочная! Вдумайся в это слово и ты поймешь ...»

Рядом со мной стоял Орын Гусманов. Лицо его покрывала густая пыль. Он смотрел вдаль, туда, где по горизонту шли комбайны и ветер гнул тяжелый колос. Потом, обращаясь ко мне, стал подсчитывать. Всего в совхозе земли — 116 тысяч гектаров, из них пахотной — 38 тысяч, а под зерновыми — около 30. Я понял, что Орын любит цифры, и терпеливо ждал, чем это кончится. Он продолжал:

— Комбайнов у нас около сотни. Значит, если я обязался убрать четыреста гектаров и намолотить шесть с половиной тысяч центнеров зерна, то весь совхоз должен справиться с уборкой за восемнадцать дней и выполнить двойной план по сдаче. Понял?— победоносно взглянул он на меня.

Я понял. Я знал, что план у совхоза — 170 тысяч центнеров зерна, значит, два плана — это 340 тысяч.

Комбайнеры братья Гусмановы: Серик, Ораз и Орын.

Читателям предлагается завершающая часть повествования об операции чекистов против английской разведки под кодовым названием «Янтарное море».

В первой книге романа, «Янтарное море», опубликованной в «Огоньке» в 1963 году (см. №№ 1—13, 23—25, 27—29) и вышедшей отдельным изданием, речь идет о судьбе группы английских шпионов, заброшенных на территорию СССР.

Почти полтора года агенты пересылают в своих передачах в Лондон аккуратно составленную дезинформацию, которую им предлагают чекисты.

Заканчивается первая книга тем, что самый активный из шпионов, Вилкс, возвращается в Англию, разумеется, с негласного позволения чекистов. Вместе с ним за рубеж переправляется один из руководителей «лесных братьев», Лидумс (в гражданской жизни — художник Викторс Вэтра). Советская контрразведка поставила перед ним ответственную задачу—изучить систему проникновения английских шпионов в Советский Союз и контролировать эти тайные пути.

О пребывании Лидумса в Англии рассказывает вторая книга романа, «Чайки возвращаются к берегу», начало которой было опубликовано в №№ 43—52 «Огонька» за 1969 год.

В заключительной части романа читатель узнает об обстоятельствах, при которых была завершена зарубежная миссия Лидумса, о дальнейших судьбах шпионов, засланных на территорию Советской Латвии, об окончании операции «Янтарное море».

Роман написан на основании документов: тайнописных посланий, радиограмм, протоколов и дневниковых записей.

Авторы.

ЧАЙКИ ВОЗВРАЩАЮТСЯ К БЕРЕГУ

Николай АСАНОВ,
Юрий СТУРИТИС

РОМАН

Рисунки В. ВЭТРА.

1

Итак, Лидумс внимательно следил за «современной историей» отдела «Норд» английской разведки.

Маккибин был бессменным руководителем одного из самых важных отделов разведки. Правда, он как-то признался мистеру Казимиру, что давно мечтает отдохнуть. Но он должен вырастить свое детище — группу Будриса, вдохнуть в нее подлинную силу, снабдить средствами, организовать вокруг этой группы настоящее подполье националистов. Вот тогда он примет почетную отставку из рук ее величества вместе со званием лорда и крупной пенсией, после чего отправится в свое поместье. На севере Шотландии есть прекрасные реки, в которых водится форель, а рыбная ловля — его хобби! Он как бы упрашивал мистера Казимира позаботиться о том, чтобы отставка его оказалась действительно почетной!

Но с недавних времен военные начали вмешиваться и в дела разведки. Заместителем Маккибина стал полковник Скотт. Скотт, по-видимому, имел «сильную руку» в военном министерстве и не менее «сильную» в министерстве иностранных дел, он понемногу отодвигал своего шефа на задний план, хотя Маккибин и сопротивлялся. Но не считаться с Маккибином было невозможно даже для полковника Скотта,— слишком много он знал...

Для того, чтобы знать, как распределяются силы внутри отдела «Норд», надо было не только узнавать об этом распределении у Норы, но следовало внимательно изучать, кто из «помощников» ходит с постной физиономией, кому удалось добиться крупного куша, какому Жакявичусу, или Ребане, или Силайсу светит сегодня солнце. Правда, Силайсу оно светило целый год, какие бы неприятности ни сыпались с неба. Арест Петерсона? Чепуха! Липовый радист Том? Ерунда.

Конечно, Лидумс знал об этом солнечном сиянии, но помалкивал. Теперь ему надо было еще долго есть английский, довольно горький хлеб, потому что было неясно, когда и как он проберется на родину. И он изучал то, что было под руками.

2

В этот день у Лидумса, как говорится, отбоя не было от гостей. Только он произнес свою клятву — насолить англичанам за то, что они не желают отпустить его домой,— как зазвонил телефон. Нора весело поздравила мистера Казимира с возвращением, а затем церемонно сообщила, что его желает навестить Маккибин. Может ли мистер Казимир принять его?

Разумеется, Лидумс сообщил, что нетерпеливо ожидает этого визита. Не так уж часто шеф отдела «Норд» снисходил до визитов к своим подчиненным.

И вот Маккибин стоял в дверях, и его широкое лицо излучало живейший интерес к мистеру Казимиру, он весь светился мирной добротой, протягивал крупную ширкопалую руку.

Дверь была открыта. В узком дворе Моррис ставил его машину в гараж, чтобы спрятать от любопытных взоров.

О нападении на катер Клозе и гибели пяти человек, как и о смерти Петерсона, Маккибин и не заикнулся: наверно, уже исключил всех этих людей из списков и думал только о том, кого заслать вместо погибших.

— Как вы себя чувствуете, мистер Казимир? — добродушно осведомился Маккибин, входя в дом, где, наверно, был больше хозяином, нежели гостем.— Все ли у вас в порядке?

— В смысле напитков не очень,— отшутился Лидумс.— У меня уже были несколько человек на коктейле. А если вы спрашиваете о здоровье или о настроении, то я чувствую себя как нельзя лучше!

Маккибин погрозил ему пальцем, но от бокала виски не отказался. Англичане из отдела «Норд» пили не меньше, чем ами. А уж эти «чертовы ами» пили постоянно.

Мистер Маккибин, конечно же, сразу обратил внимание на подготовленное Лидумсом письмо Скуевицу, лежавшее на письменном столе рядом с пишущей машинкой.

— А вы, я вижу, не теряете связи с друзьями? — спросил он.

— Только что мне сообщили сразу в несколько голосов, что я еще долго буду нахлебником ее величества королевы,— суховато сказал Лидумс.— Если это так, то надо сделать хотя бы то немногое, что в моих силах!

— Я был абсолютно уверен, что временная задержка не подрежет вам крылья,— мягко сказал Маккибин, хотя тон голоса не вязался с его холодным, внимательным взглядом.— Впрочем, ваше настроение мне понятно! — Тут и голос и взгляд потеплели.— Лучше делать хоть что-то, нежели прозябать в ожидании.— Он оглядел комнату, снова взглянул на Лидумса.— Да, наши вояки причинили нам массу неприятностей! — пожаловался он.— Естественно, что господин Будрис может высказать свое недовольство. Я думаю, вам следует самому объяснить ему ситуацию.— Помолчал, закурил сигару, похожую на ту, с какой неизменно изображался Черчилль, заговорил снова: — Конечно, обсуждавшиеся ранее варианты возвращения через Финляндию или Украину чреваты опасностями. Слишком долог путь. Но мы тут изучаем еще один вариант...— Он опять помедлил.— Из вашей характеристики, которую составили наши психологи, известно, что вы отличный пловец. Что, если мы высадим вас в пяти—десяти километрах от берега Латвии в небольшой резиновой лодке, снабженной мотором? Вы будете в костюме аквалангиста, с достаточным запасом сжатого воздуха. Подойдя как можно ближе к берегу, вы затопите лодку, а затем доберетесь под водой до берега. Ваш шеф, господин Будрис, точнее, его помощники заранее установят на каком-нибудь высоком дереве метрах в ста — двухстах от берега радиомаяк, так называемый беакон, на который сориентируется наш катер. Естественно, что господину Хельмуту Клозе не очень хочется снова забираться в территориальные воды Советского Союза. Русские пограничники довольно изрядно пощипали его. Пришлось капитану бежать в Швецию и отстаиваться там в ремонтном доке. Хорошо еще, что Советы не установили принадлежность судна...

Он недовольно поморщился. Лидумс осторожно заметил:

— Увы, ночи на Балтике становятся все светлее и короче...

— Да, тут вы правы...

Лидумс снова наполнил бокал Маккибина. Торопить его не хотелось.

— Сколько длится ночь в середине апреля? — вдруг неожиданно спросил он.

— Как мне помнится, не больше одиннадцати часов,— осторожно ответил Лидумс.— Но дело даже не в самой ночи... На море начинается весенняя флуоресценция. Если ночь лунная, то луна светит чересчур ярко. Одним словом, плывущий предмет нетрудно обнаружить с берега. После истории с катером в марте это стало ясно. Да еще и рыбаки выходят в это время на весеннюю путину...

— Да, да, да,— рассеянно подтвердил Маккибин.— Это в морском флоте не очень учли...

Маккибин допил свой бокал, поднялся.

— Я изложу ваше соображение адмиралу, с которым вы познакомились по приезде. Он с удовольствием вспоминает вас. А вы начисто презираете отдых? — Он с любопытством взглянул на Лидумса.— Мы собирались отправить вас в Пензанс, на побережье Атлантики, чтобы вы хоть немного отдохнули...

— Я обещал президенту Зариньшу принять участие в работе государственного совета...

— Ну что же, это отвлечет вас от мыслей о родине и займет ваш неутомимый мозг...

Лидумс уловил насмешку, но так как она относилась к «деятельности правительства», то обижаться не стал. Он все ждал главного разговора, так как знал, что не в правилах Маккибина приходить на коктейль только для того, чтобы обменяться с друзьями незамысловатыми шутками.

И вот этот момент наступил. Маккибин уселся поудобнее и, вертя в большой руке бокал, заговорил доверительным тоном старшего:

— Я надеюсь, что день вашего отбытия, мистер Казимир, не отодвинется очень надолго, во всяком случае, мы предпринимаем все необходимые шаги. И мне хочется поговорить с вами о некоторых вопросах, которые касаются вашего будущего. Естественно, ваше собственное мнение меня очень интересует. Например, как вы будете действовать после возвращения в Латвию? Мы хотим, чтобы вы могли продолжать вашу привычную жизнь. Поэтому вы должны тщательно разработать легенду на тот период времени, который вы провели в отряде и за границей. У меня имеется список различных новейших книг, вам его доставят. Если какая-либо из них будет необходима вам для разработки легенды, мы ее раздобудем. Кроме того, если вы пожелаете, мы можем устроить вам встречу с людьми, которые три года назад жили на Кавказе. Может быть, вам удобно будет сослаться на то, что вы жили некоторое время там? Я знаю, что вы отличный художник, и полагаю, что в России художники относительно свободны в передвижениях и смене мест проживания.

Лидумс отвечал медленно, обдумывая каждое слово:

— По возвращении в Латвию я некоторое время не буду показываться в обществе. Сначала я поеду в Москву, где у меня есть много друзей среди художников. Естественно, ни в лесу, ни здесь я работать по-настоящему не мог. Но дома у меня есть довольно много картин, которые неизвестны публике. Их я выставлю в Москве. Друзья оповестят об этом в прессе. После этого я явлюсь в Ригу. Встреча с кавказцами не нужна, так как я приблизительно в то же время сам жил на Кавказе и даже написал там несколько полотен...

— Отлично! — весело воскликнул Маккибин.— Я вижу, вы все предусмотрели заранее! А как объясняет ваше отсутствие семья?

— Ну, об этом заботится жена под руководством группы. Перед уходом в лес я взял командировку в Союзе художников на длительный срок. Следовательно, ей остается только сообщать, что я пишу такие-то картины... А будут ли они написаны или нет, неважно. И хорошие художники часто замазывают свои полотна...

— Будем считать, что с этим вопросом мы покончили. Перейдем к политике. Прежде всего о составе будущего правительства Латвии. Разумеется, мы запросим мнение вашей группы и примем все ваши рекомендации. Но нам понадобятся советники по делам Латвии на этой стороне. Я прошу вас подумать и сообщить, на кого из известных вам лиц, находящихся в эмиграции, мы можем опираться.

— Если вы позволите, я отвечу на ваш вопрос после совета с Будрисом...

— Конечно, конечно, это дело терпит! — согласился Маккибин. Он закурил новую сигару, отхлебнул глоток из бокала и заговорил снова. Теперь он давал советы, тоже тщательно выбирая слова, потому что речь шла о далеком будущем.— Мне хотелось бы,— цедил он негромко,— чтобы члены вашей группы и близко стоящие единомышленники старались при любой возможности продвигаться в обществе вверх по лестнице. Обязательно посылайте своих людей в другие советские республики, снабжая их материалами для тайнописи, чтобы они могли поддерживать связь с вами, а через вас — и с нами. Старайтесь поддерживать преданных людей материально,— средства мы будем перебрасывать вам через наши «почтовые ящики». В своей деятельности старайтесь опираться на лиц, проживающих легально, и планируйте вашу деятельность на много лет вперед. К вам лично у меня имеется просьба: сохранить свои позиции в легальной жизни, постараться выдвинуться в обществе. Работой на рации пока не занимайтесь, свои донесения пересылайте через других радиотелеграфистов группы. Вас лично я попрошу наблюдать постоянно за переменами в советском обществе, его психологической структурой, улавливать возникающие даже мельчайшие противоречия между различными социальными слоями населения и между национальностями, фиксировать такие факты и сообщать мне о них в письмах.

— А не может ли случиться так,— осторожно спросил Лидумс,— что в случае заключения какого-нибудь договора между Англией и СССР англичане откажутся помогать нашей группе и повернутся к нам спиной?

— На этот вопрос я не могу вам сказать ни да, ни нет. Я допускаю, что наше правительство может запретить нам морские операции... Возможно, что на некоторое время прекратится и снабжение. Но тогда мы будем искать другие пути, и ручаюсь, что связь мы будем поддерживать всегда, что бы ни говорили политики. Правительства в нашей стране меняются — английская же разведка остается. Иначе перед нами встанет вопрос, быть или не быть Британской империи...

— Благодарю вас за добрые намерения...— сказал Лидумс.

Как ни странно, этот разговор за сигарами, за бутылкой виски превратился в беседу политиков, пытающихся определить будущее всего мира. Лидумсу становилось все более неуютно. Неужели от таких вот «деятелей», как этот любитель рыбной ловли, или от какого-нибудь директора ЦРУ в Соединенных Штатах зависит жизнь или гибель миллионов людей? А Маккибин, словно уловив смятенное состояние Лидумса, заговорил опять:

— Сейчас я не требую от вас ничего такого, что создало бы для вас трудности или

осложнения. Но когда начнется война, мы потребуем от вас очень многого. Пока мы договоримся на том, что вы не станете обижаться, если я о чем-либо попрошу вас, а я, в свою очередь, не буду обижаться, если вы не сможете выполнить мою просьбу. Вот один из таких случаев: в одном из городов Латвии работает очень ценный для нас человек, который мог бы давать нам весьма интересную информацию. Согласится ли ваша группа помочь нам завербовать этого человека?

— Полагаю, что никто у нас против этого возражать не станет,— ответил Лидумс.— Но вопрос о вербовке связан со временем, и я не могу сказать, как скоро мы сможем чего-нибудь добиться. И нам важно знать, не работает ли этот человек на каком-либо оборонном предприятии. В этом случае вербовка становится весьма опасной.

— Если даже это и покажется опасным, я все-таки попрошу вас помочь нам. Для этой цели вам будут пересланы специальные рекомендации к этому человеку.

— А вы уверены, сэр, что дело это чистое? Не попадем ли мы прямо в объятия ЧК?

— Разумеется, я не могу сказать положа руку на сердце, что дело совершенно чистое. Вы сами знаете, что надо всегда соблюдать крайнюю осторожность. Встречу надо организовать неожиданно для него. Я, со своей стороны, дам вам несколько писем, которые вы должны будете предъявить определенным лицам, чтобы вам поверили. Письма будут без адресов и фамилий. Эти адреса я передам по радио, когда вы снова приступите к работе в Латвии. И еще посоветую вам подумать о средствах и возможностях пропаганды наших идей. Вам уже говорили, что мы разделяем пропаганду на белую, серую и черную. Всеми этими формами пропаганды нелегальная группа заниматься не может. Она может проводить только белую или черную пропаганду. Белой называется такая пропаганда, которую группа ведет от своего имени. Черной — от имени какого-нибудь государственного учреждения или от имени какого-нибудь ответственного лица. Серую пропаганду, которая предусматривает обработку общественного мнения через прессу и радио, могут время от времени проводить легально проживающие члены организации. Этот путь вам будет доступен, когда вы вернетесь к общественной жизни и восстановите свои старые связи с деятелями культуры. Но вам самому лучше оставаться в стороне на случай партийного или государственного преследования инакомыслящих.

Разговор, напоминавший тщательно отработанный инструктаж, понемногу подходил к концу. Лидумс, как гостеприимный хозяин, еще раз наполнил бокалы, но Маккибин не торопился пригубить. Он словно бы о чем-то размышлял. Затем вдруг сказал:

— Дорогой Казимир, мне необходимо посоветоваться с вами по одному крайне неприятному делу... Прошу вас извинить меня, но вы один можете разрешить мои сомнения...

— Я к вашим услугам...

— Мы получили странную телеграмму от Эгле. Вот она...— И передал Лидумсу документ.

Радиограмма с условным знаком Эгле, адресованная Силайсу, звучала так:

«Получил некоторые сведения о своих геройских подвигах. Должен констатировать, что мы во многом друг друга не понимаем. Выражаю тебе величайшую благодарность за все, что ты делал в мою пользу. Отменяю также все ограничения, которые я, твердо не продумав, дал тебе. Но и сам буду стараться оправдать доверие, которое ты оказал мне. Со своей стороны, никогда не думал порочить или портить твою работу. Надеюсь, что мы поймем друг друга...»

— Что это может значить? — с брезгливой миной спросил Маккибин.

— По-видимому, только то, что Будрис был прав, когда сообщил, что Эгле не выдержал долгой жизни в лесу и страдает психическим расстройством. Надо запросить Будриса о состоянии Эгле. Сумасшедший человек в подпольной группе может натворить много бед...

— Запрос Будрису мы передали, и он ответил, что Эгле действительно стал опасным для окружающих. Но вместе с тем Будрис требует, чтобы мы эвакуировали Эгле при первой возможности.

— Что же вы предлагаете?

— Мы не имеем права возиться с каким-то сумасшедшим! — резко ответил Маккибин.— Я поручил Силайсу ответить Будрису именно в этом духе, но Будрис отклонил его предложение избавиться от больного... Что вы думаете по этому поводу?

— Я считаю, что Будрис прав, не согласившись с Силайсом. Этот смертный приговор ни в чем не повинному человеку возмутил бы наших людей. У Эгле здесь отец и мать, жена и дети, которых он боится никогда больше не увидеть. Отчасти это и послужило одной из причин умственного расстройства, ну и, конечно, ощущение постоянной опасности и лишения, которые приходится переносить, находясь на нелегальном положении. Я бы просто предупредил Будриса в таком аспекте.— Он взял бумагу, написал несколько строк и передал Маккибину. Тот прочитал:

«С эвакуацией Эгле согласен в том случае, если он будет безопасен для всех на берегу. Я только что получил от него телеграмму, которая, несомненно, указывает на его неблагополучное психическое состояние. Необходимо, чтобы он в связи с планируемой операцией и болезнью немедленно передал вам все свои средства связи и оружие. Желаете ли вы, чтобы мы информировали Эгле сами?»

Маккибин задумчиво пожевал губами, медленно сложил лист пополам и сунул его в карман пиджака. После длинной паузы заговорил обычным доверительным тоном:

— Но почему он сошел с ума? Я видел этого Эгле несколько раз, и он казался мне вполне уравновешенным парнем. Что происходит с ними т а м ?

Лидумс пожал плечами и сказал:

— Причины могут быть разные: или плохой человеческий материал, или постоянное ощущение опасности, которое может надломить и сильного человека. Кто знает, как это происходит? И где границы человеческих возможностей? — философски закончил он.

— А кого из наших людей вы возьмете в спутники?

— Я предпочел бы Биля и Альвираса, если вы не выберете кого-нибудь сами. С этими людьми я все-таки довольно долго делил пищу...

— Кого хотите, дорогой Казимир. Мы предложим вам десять — двенадцать кандидатов, а вы отберете пять-шесть, в том числе и тех, кого назвали.

Только теперь, в знак того, что все деловые разговоры окончены, он встал с бокалом в руке и начал внимательно рассматривать развешенные по стенам и приставленные к стене эскизы и картины. Он медленно переходил от картины к картине, наконец остановился среди комнаты и с сожалением сказал:

— А ведь все это вам придется оставить...

— Они и написаны для того, чтобы подарить их друзьям, которых я покидаю здесь!

— Тогда я первый претендент!

— Выбирайте!

Маккибин выбрал пейзаж в духе раннего Тернера: легкий туман в городе, темные здания чуть вырисовываются на переднем плане. Лидумс мысленно похвалил его вкус. Этот джентльмен умел не только плести международную сеть шпионажа или ловить рыбу, но понимал толк и в живописи...

Затем Маккибин сказал:

— Перед вашим отъездом на родину я, если вы позволите, устрою вам прощальный ужин. И пусть это случится поскорее, я вижу, что вы уже рветесь к новым действиям! Соберутся только ваши друзья. Биля и Альвираса не приглашайте, так как нам надо поговорить без посторонних. Хозяйкой ужина будет мисс Нора. Полагаю, что вдвоем с миссис Пегги они справятся отлично...

Он взял упакованную Лидумсом картину и пошел к машине. Лидумс вышел проводить его.

А перед концом рабочего дня позвонила Нора. Она попросила Лидумса никуда не выходить. Она еще не знала, когда освободится, но в голосе звучало такое нежное пение, что Лидумс понял: она все равно освободится!

3

«Полномочного министра и посла» Карла Зариньша английская разведка сделала чем-то вроде религиозной реликвии. Лидумс знал, что любого шпиона, отправляемого в Латвию, разведчики из «Норда» обязательно приводили к Зариньшу, как под благословение. И шпион сразу вырастал в своих собственных глазах, он уже становился «политическим представителем своего заграничного правительства». Не избежали этой участи и Вилкс, и Петерсон, и все другие шпионы, которые сейчас «паслись» в Курляндских лесах под тщательным присмотром «Графа», заменившего Лидумса на посту командира, и под строгим руководством Будриса.

Еще весной прошлого года Будрис, надеясь на скорое путешествие Лидумса в Лондон, предупреждал его, что недурно было бы снять позолоту с этой иконы. Несмотря на то, что подачки английской разведки и правительства ее величества были довольно скудными, Зариньш и Скуевиц продолжали игру в правительство: назначали послов взамен «скончавшихся по воле божьей» старых политиканов в те страны, которые под давлением Англии и США еще оказывали приют этим самозваным послам, писали какие-то протесты в ООН, пытались сколотить воедино латышскую эмиграцию, расползавшуюся во все стороны и разъединявшуюся на мельчайшие осколки. Лидумс видел и то, что его заявление об интересе группы Будриса к Зариньшу пришлось англичанам по душе, они готовы были потирать руки, убежденные, что буржуазно-националистическое движение в Латвии не только существует, но и будет плясать под их дудку. А старый Зариньш будет на этой дудке играть.

Скуевиц откликнулся на письмо Лидумса сочувственным посланием. Этот бывший директор департамента министерства финансов и сам хотел бы занять «пост» Зариньша, когда тот «волею божьей помре», и, уж во всяком случае, желал бы пока что получить должность министра. А поскольку англичане так носились с мистером Казимиром, то с ним следовало быть в ладу. Так началась серия заседаний у Зариньша, которые должны были объединить эмигрантское правительство в Лондоне с мифической «национально мыслящей группой Будриса»...

Всего этих заседаний было проведено семь. И Лидумс тщательно выполнял еще одну роль — роль дипломата, посланца «национально мыслящих» латышей.

Лидумс понимал, что до начала работы государственного совета — так предложил Зариньш называть это совещание — Скуевиц да и сам Зариньш забегут «посоветоваться» в английскую разведку, и терпеливо ожидал, когда Маккибин благословит и его. Эмигрантское правительство следовало обычному лакейскому правилу: из чьих рук ешь хлеб, на того и поглядывай! Сам он забегать за инструкциями не собирался.

За ним заехала Нора. Она привезла газеты «Правда» и «Циня» за все время, пока Лидумс был в ФРГ. Он не должен отрываться от жизни в Советском Союзе, а для этого надо следить за событиями на родине и за их освещением в прессе. Но газеты были только предлогом.

— Милый, это правда, что ты крупный судовладелец? — ошарашила она Лидумса.— Пожалуйста, не скрывай! Я сама наводила справки по поручению Маккибина. Я только не знала, что речь идет о тебе!

А ты промолчал! — упрекнула она. — Неужели ты не видишь, что я живу только тобой!

Он усмехнулся и пожал плечами.

— Почему ты молчишь? — чуть не со слезами воскликнула она. — Ведь это чудесно! Теперь тебе совсем ни к чему возвращаться в Латвию!

— Я, моя дорогая, солдат! — сухо ответил он.

— Но я уверена, что Маккибин с удовольствием заменит тебя кем-нибудь другим! Он приглашает тебя заехать сегодня и, как я понимаю, будет говорить именно о том, чтобы ты остался здесь. Ты будешь членом совета министров латвийского правительства в Лондоне, ну, а потом, когда Латвия будет освобождена, можешь въехать в Ригу хоть на белом коне. А пока мы будем вместе... Разве ты не хочешь этого?

— Не следует заставлять Маккибина ждать! — напомнил он.

— Но вечером ты приедешь ко мне! — потребовала она.

Он не поехал в ее автомобиле, этот «будуар на колесах» чересчур пропах ее духами, и Маккибин может подумать черт знает что.

Маккибин тоже взирал на него с удивлением и даже нежностью. Встретил в дверях, усадил не к письменному столу, а за маленький столик у окна, сразу создавая обстановку интимности.

По-видимому, он не знал, как начать разговор. Достал из кармана визитную карточку, написал что-то на ней и подал ее Лидумсу. На карточке было написано: «Викторс Вэтра?»

Лидумс молча кивнул.

Тогда Маккибин отобрал у него карточку и приписал под фамилией «562, 440». Лидумс прочитал цифры, объявляющие его состоятельным человеком, и молча разорвал карточку на мелкие кусочки, затем рассеянно поднес зажигалку к пепельнице и поджег.

— И это все? — тихо спросил Маккибин.

— Пока да.

— Но мы имеем возможность подтвердить вашу личность!

— Если это вас не затруднит, сделаем это несколько позже!

— Хорошо, мистер Казимир! — с какой-то даже грустью сказал Маккибин. Но тут же перешел на деловой тон: — У меня были Скуевиц и посол Зариньш. Не здесь, конечно, а на моем четверге. Чрезвычайно сожалею, что вы не знаете о моих четвергах. Собираются очень интересные люди. Обычный английский файф-о-клок. Послеобеденный чай. В следующий четверг мисс Нора доставит вас, я позабочусь. Посол Зариньш очень рад, что вы вернулись в Лондон, и хотел бы продолжить беседы с вами. Скуевиц подготовил черновые наметки для консультации с вами о будущем государственном устройстве Латвии. Я думаю, — тут Маккибин улыбнулся, — что вы не станете настаивать на участии коммунистов в будущем правительстве вашей страны?

— Постараюсь не тревожить господ Скуевица и Зариньша.

— Государственный совет решено составить из четырех человек. Председатель — Карл Зариньш, секретарь — Янис Скуевиц. Заместитель председателя — вы. Непременный член — Силайс. Но каждый участник совещания имеет право назвать еще несколько кандидатов. Однако для приглашения необходимо единогласное решение.

— Вы, как всегда, точны! — любезно ответил Лидумс, выслушав этот совет-приказ.

— Скуевиц позвонит вам завтра.

— Благодарю.

— Так вы все-таки не хотите стать частным лицом и пожить в Англии?

— Я как-то уже привык спать с заряженным пистолетом под подушкой и гранатой в изголовье постели. И мне не хочется подводить друзей...

— Но мы можем хотя бы представить вас руководителям «Ллойда» [1].

— Боюсь, что тогда я перестану быть частным лицом в нашем с вами понимании. Обязательно найдется какой-нибудь журналист, который напишет о появлении нового судовладельца или, чего доброго, еще и сфотографирует такового. А чекисты тоже читают газеты всего мира...

— Да, пожалуй, вы правы. Но как интересно было бы рассказать эту романтическую историю! И вы — в роли героя!

— По-моему, лучше быть живым, хотя и безвестным, нежели мертвым, пусть даже героем прессы...

— Придется принять и это замечание! — философски заключил Маккибин, провожая Лидумса. Но в дверях все-таки еще раз протянул: — А жаль, очень жаль!

На следующий день приехал Скуевиц. Его «заметки по государственному устройству свободной Латвии» оказались точной копией «устройства» фашистской ульманисовской Латвии. Но Лидумс не стал оспаривать эти проекты. Он в отличие от Зариньша, Скуевица и Силайса знал, что эти проекты никогда не будут претворены в жизнь.

Первое заседание нового совета было назначено на следующий день.

Все было устроено чрезвычайно чинно.

Четыре члена совета собрались в кабинете Зариньша. Первый вопрос — о кооптации других деятелей эмигрантских кругов — решился просто: стоило кому-нибудь назвать имя такого деятеля, как все остальные яростно нападали на новую кандидатуру. Так были отведены бывший министр общественных дел Альфред Берзиньш, лидер социал-демократической партии Бруно Калниньш, лидер крестьянского союза Кливе, председатель организации «Даугавс Ванаги» Янумс, католический епископ Ранцан. О них вспоминали и говорили с подлинной ненавистью.

Новое решение о государственном устройстве Латвии вырабатывалось довольно медленно. Едва прочитывали один абзац, как кто-нибудь из членов совета просил перерыва «для обдумывания». В сущности, шла игра в «государственную» деятельность. Лидумсу было ясно, что все наметки Скуевица, с которыми он согласился заранее, пройдут беспрепятственно, но «членам совета» было приятно напускать на себя таинственность.

В конце концов преамбула стала выглядеть весьма внушительно. Кроме, так сказать, легальных членов совета, в список участников включили и Лидумса. Он именовался представителем «группы национально мыслящих» латышей, существующей тайно в Латвии (группа Будриса), и заместителем председателя государственного совета.

Еще важнее был первый пункт решений:

«Временное правительство Латвии создает организованное движение сопротивления Латвии».

Этот пункт определял, что группа Будриса принимает непосредственное участие в решении «государственных дел».

Но самым главным стал шестой пункт:

«Сообщение для латышского народа о сформировании временного правительства и о его составе подписывают Чрезвычайный и Полномочный Министр Зариньш. Карлис (или его заместитель) и представитель группы Будриса. Это сообщение должно быть передано через радиостанции свободного мира в соответствующий момент, который определит группа Будриса».

Дальше дело пошло живее. Был принят тайный манифест, не упомянутый в «решениях». Его сочинили поклонники «железного Ульманиса» Скуевиц и Силайс. Он был краток и суров:

«...Коммунистическая партия со всеми ее организациями запрещается.

Учение коммунизма и коммунистическая агитация являются антигосударственными.

Распространение коммунистической литературы и других печатных изданий запрещается.

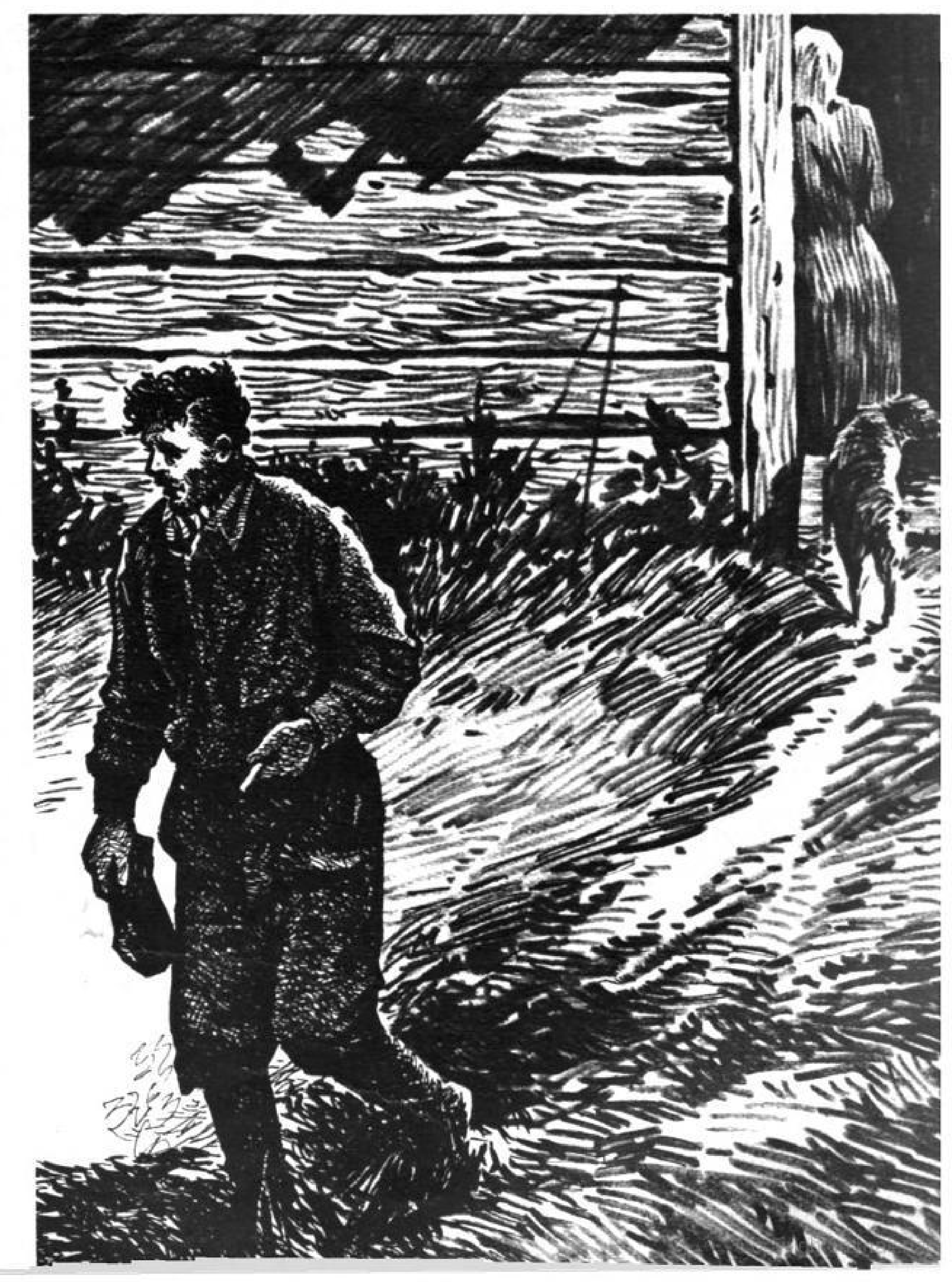
Руководящие работники коммунистической партии и ее учреждений должны быть арестованы.

Коммунистически настроенных граждан от руководящих государственных, хозяйственных, культурных и других сколько-нибудь важных постов отстранить.

В стране объявляется военное положение на 6 месяцев. В период военного положения вводится смертная казнь...»

Члены совета приняли и подписали постановление о вступлении в силу их решений. Постановление приготовили в трех экземплярах: один остался у Зариньша, второй получил для хранения Скуевиц, третий — Лидумс для передачи Будрису.

Продолжение следует.

[1] «Ллойд» — объединение страховых компаний и страховых маклеров Англии.

ТРУДОВЫХ, ГЕРОИЧЕСКИХ ЛЕТ

Корреспонденты «Огонька» продолжают рассказ о воплощении в жизнь Директив XXIII съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР.

«Казахская Советская Социалистическая Республика:

Закончить в основном строительство Карагандинского металлургического завода...»

Из Директив XXIII съезда КПСС.

Алма-Ата. На переднем плане — площадь В. И. Ленина.

ПОТОМУ ЧТО НЕ МОГУТ ИНАЧЕ...

Ю. ЛУШИН

Фото Г. КОПОСОВА.

Специальные корреспонденты «Огонька»

Учитель

Он появлялся на стройке почти ежедневно. Придет, сядет в холодке на бетонную плиту и смотрит, как бригада работает, как поднимаются корпуса конверторного цеха. Сидит и молчит. Странно действовало его присутствие на каменщиков. У бригадира Иванова кирпичи начинали прямо порхать в руках, а каменщик Ленька подтрунивал над подносчицей Валей.

— Слышь, Валька, наверное, старик в тебя влюбился, не иначе,— и дурашливо гоготал, довольный своей силой и молодостью. А Валя радостно смущалась...

Однажды они и не заметили, как старик возник на лесах, выхватил из рук оторопевшего Леньки мастерок и по-хозяйски потребовал: «Раствор!» Бригадир пытался слабо протестовать:

— Дядя Укен, да мы сами справимся.

И все удивились: оказывается, Иванов знал этого старика. Впрочем, удивляться было некогда. Старик начал действовать, да так, что они втроем едва успевали подносить ему кирпич и раствор. Простенок рос на глазах, выложенные ряды получались какими-то особенными, чувствовалась рука большого мастера. Швы шли как по ниточке. Ленька только изумленно вскидывал брови, а Иванов, поглядывая на него, думал: «Эх, парень, видел бы ты этого волшебника, когда он был помоложе. Вот тогда...»

Тогда в вечерней школе появился новенький. Не заметить его было невозможно. Школьнику лет 50, а в столь древнем, по мнению рабочих парней, возрасте учиться просто не имело смысла.

— Э-э, сынки, учиться никогда не поздно,— отвечал тот добродушно.

Иванов мог бы поклясться, что до этого он не встречался с ним, но лицо новичка казалось ему знакомым. «Откуда я его знаю?» — мучил он себя вопросом целый урок, а на перемене, увидев на его пиджаке депутатский значок, все вспомнил. Конечно, это он, Укен Турмагамбетов, заслуженный строитель и депутат Верховного Совета Казахской ССР. Это его портреты совсем недавно были расклеены по всему городу ко дню выборов — вот почему знакомо его лицо. Это за него Иванов голосовал. Депутат вечерами учился в школе рабочей молодежи, а днем строил город, второй в своей жизни. Первый, выросший еще до войны, был давно известен всей стране, да и миру тоже. В том городе выплавляли самую дешевую медь...

Когда-то отец Укена с семьей кочевал по этим местам. Степи глухо шумели ветрами и качали безбрежные ковыли от Арала до Балхаша и от Балхаша до Кургальджинских озер и еще дальше, куда они со своим кочевьем не заглядывали. Отец втолковывал сыну, что доля бедняка везде одинакова — паси байских овец, ищи по степи для них хорошую траву, а не найдешь, сам умрешь с голоду. Укена такая жизнь не устраивала, и однажды ночью он исчез из кочевья, захватив отцовское седло и саблю.

Минуло больше десяти лет, прежде чем Укен смог повесить седло и боевую саблю на стену своего мирного дома, а домом этим стала землянка, вырытая на берегу Балхаша. Здесь в начале тридцатых годов разворачивалось строительство первого казахского медеплавильного завода. Укен вспомнил, как однажды отец уронил на землю чугунный казан для варки пищи и тот треснул. Казан был еще дедовский, новый стоил пять баранов. Пришлось трещину заклепывать, и за медные заклепки Укен долгую зиму гнул спину на местного купца тут же, на берегу Балхаша. И вот теперь на этом самом месте начал строиться завод, который, по слухам, будет давать тысячи тонн меди. Невозможно было представить, сколько заклепок получится из этих тонн. «Надо идти строить завод»,— сказал себе Укен.

Он стал землекопом. А когда ему шел уже четвертый десяток, попал в учение к каменщику Хакимжану Мусину. Это был странный учитель. Денег за учение не брал, но щедро раскрывал секреты своего ремесла. Вскоре Укен уже обгонял своего учителя, имя его стало известно всей стройке, а бригаду его бросали на самые трудные участки. Но ученик и учитель остались друзьями. В год начала войны Укен Турмагамбетов стал коммунистом, рекомендацию ему дал Мусин.

Трудные наступили дни. Завод строился и давал медь. Но стране нужна была еще и сталь — для танков, пушек, снарядов. В центре казахстанских степей, в ауле Самарканд, под Карагандой, решили построить один из первых в республике металлургических заводов. Укен без колебаний снялся с обжитого места, и снова его встретили палатки, землянки, бараки.

Меньше чем через два года — срок рекордный и по нынешним временам,— в конце 1944-го, мартены Казахского передельного завода уже выдали первую плавку. Тут же в цехе собрался митинг. Багровые отсветы пламени делали лица людей какими-то суровыми и в то же время торжественными. На трибуне появился Укен Турмагамбетов. Сталевары его хорошо знали, потому что сами еще несколько дней назад работали на стройке под руководством Укена. Его встретили аплодисментами. Не успел он начать говорить, как кто-то из задних рядов пробрался к трибуне и передал ему записку. Укен машинально развернул ее и запнулся. В записке коротко: «У вас родился сын. Поздравляем». Укен молчал, и люди в зале тоже молчали. Наконец он вспомнил о них, лицо его просияло, и он неожиданно для самого себя выкрикнул в зал:

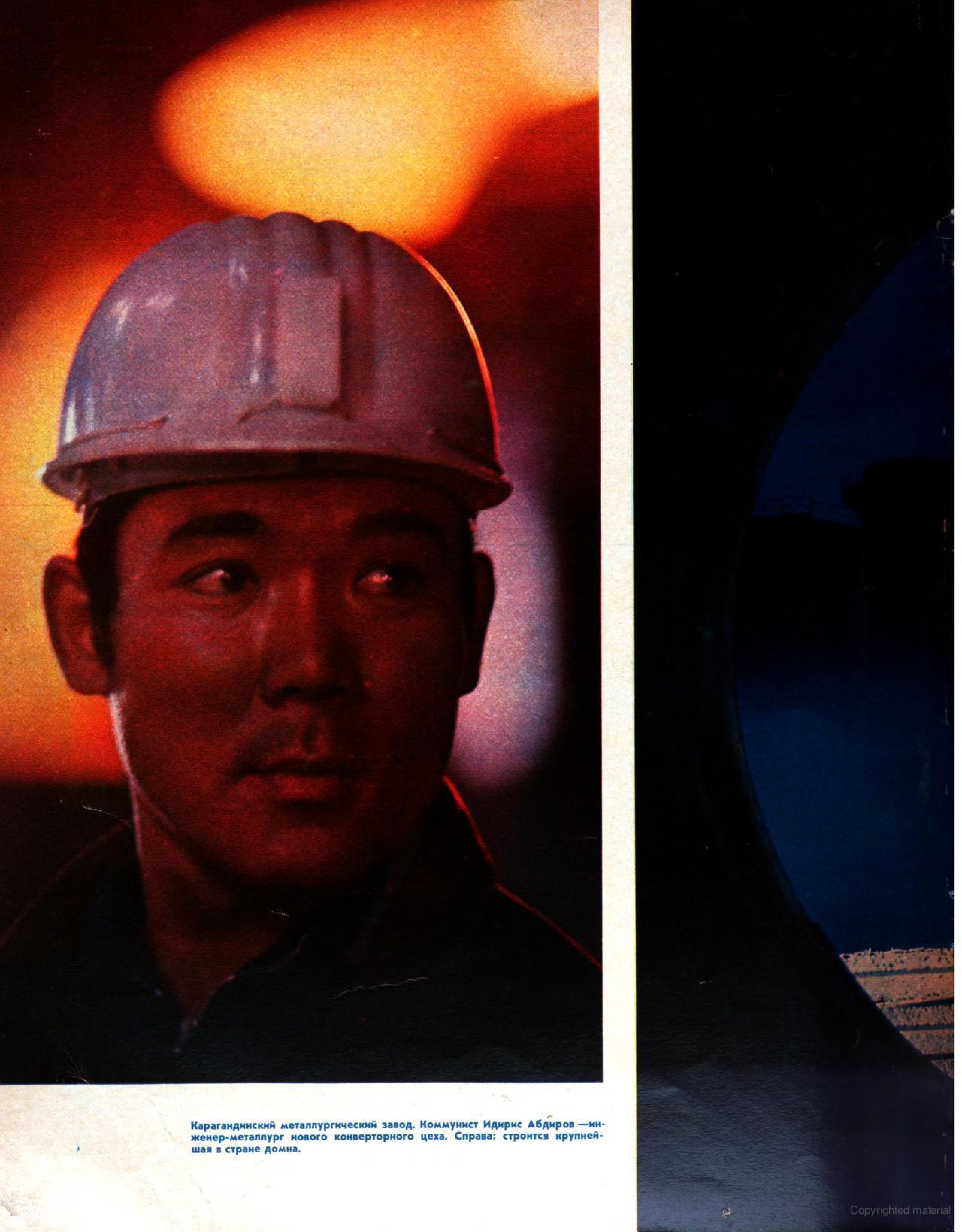
— У меня большая радость — сын родился. В честь нашей первой плавки даю ему имя — Булатбек.

Зал ответил громом аплодисментов, потому что и русские, и белорусы, и украинцы, и татары, и люди всех национальностей, пускавшие цех,— все они хорошо понимали казахский язык. Они знали, что Булатбек в переводе значит счастливая сталь.

В судьбе сына Укен был уверен. Мир снова пришел на землю его страны, воины становились строителями, сталеварами, врачами и учителями. Укена наградили орденом Ленина и избрали в Верховный Совет республики, а поселок Самарканд переименовали в город Темиртау. Улица Металлургов в нем построена целиком бригадой Укена Турмагамбетова. И не только она — еще дворцы культуры, школы, детсады, корпуса завода синтетического каучука и цеха нового металлургического завода, который здесь по праву все называют Большим. В сущности, его можно назвать огромным университетом металлургов всей нашей страны. Много нового появляется и опробуется здесь — пущен мощный прокатный стан «1700», строится одна из самых больших домен, варят сталь самые мощные в стране 250-тонные конверторы, построены первые коксовые батареи новой конструкции. Разве не интересно строить Большой завод? Укен жалел только, что не успеет его закончить: годы давали себя знать, на пенсию давно было пора. Оставалась надежда, что Булатбек примет из его рук мастерок. Но сына влекли тайны стали, и, оправдывая свое имя, он окончил техникум, поступил в заводскую лабораторию слитка. Дочери тоже не пошли по стопам отца. Люба стала инженером по автоматике в Каратау. Галя — кандидат химических наук в Ленинграде, Клава преподает во втузе Большого завода, а Мария там учится, Валя тоже работает в лаборатории. Но Укен воспитал сотни учеников, и на любой стройке города его знают...

На стройке он появляется почти ежедневно. Придет, сядет в сторонке и смотрит, как работают его ученики. Иногда не вытерпит, поднимется на леса, выхватит у когонибудь мастерок и требовательно молвит: «Раствор!» А потом, скрывая усталость, выпрямится, положит мастерок на стену и скажет: «Так и работай, сынок» — и пойдет вниз. А за спиной его на

Алма-атинские ребята мечтают о космосе. Запуск ракеты на «Малом Байконуре».

Карагандинский металлургический завод. Коммунист Идирис Абдиров — инженер-металлург нового конверторного цеха. Справа: строится крупнейшая в стране домна.

удивленный вопрос молодого каменщика Леньки: «Кто это?» — бригадир Иванов ответит: «Мой учитель».

Его «Ковровец»...

Самая длинная в Темиртау — улица Димитрова, а первый в городе крупноблочный дом зовут просто — болгарский дом. И улицу и дом возводили юноши и девушки Болгарии, приехавшие по комсомольским путевкам на Казахстанскую Магнитку.

Как раз в то время закладывалась на Большом заводе первая доменная печь, и лучшие из лучших добивались права участвовать в ее строительстве. У экскаваторщика Владимира Конева конкурентов не было. Никто не мог вынуть столько земли из котлована за смену, сколько вынимал его «Ковровец». У себя на родине он работал на таком же в точности советском экскаваторе, был признан первым экскаваторщиком Болгарии и награжден двумя орденами Георгия Димитрова. Конев дал слово, что не уедет с этой стройки до тех пор, пока домна не начнет давать чугун. Работал он легко, артистично и вдохновенно. Красиво работал. И никто даже не догадывался, что у этого парня нет ноги. Только случайно узнали его историю...

Произошло это в Болгарии. Работы на строительстве плотины имени Александра Стамболийского завершались. Утром, как обычно, Владимир Конев сел за рычаги «Ковровца», но машина что-то закапризничала, и он, выключив двигатель, полез проверить, что там стряслось. Когда он заканчивал осмотр, его молодой и неопытный помощник нечаянно включил мотор. Случилось непоправимое... Очнулся он только в больнице. Без ноги на экскаваторе делать нечего — он это понимал, но не мог представить для себя другой работы. Друзья утешали его, инженер Атанасов обещал спокойную должность кладовщика, и эта будущая тихая должность почему-то более всего возмущала Конева. Из Софии прислали протез, он начал заново учиться ходить, а ночами в который раз перечитывал «Повесть о настоящем человеке». У него зрел план, в котором он боялся пока признаться даже самому себе... Однажды, спустя несколько месяцев, он вновь появился на строительной площадке у своего «Ковровца», долго смотрел, как работает бывший его сменщик, и вдруг решился.

— Дай-ка попробую...

— А сможешь? — с недоверием спросил тот, но место освободил.

Конев привычно поставил ноги на педали и быстрым движением выжал сцепление. Жгучая боль пронзила его всего, в глазах стало темно, он чуть не закричал, но заставил себя резким толчком передвинуть рычаг, включить передачу, и ковш мягко и точно поплыл к кузову самосвала. Боль притупилась, спряталась куда-то внутрь, и Конев снова и снова повторял знакомые движения, увлекся, забыл об изумленном сменщике и вспомнил о нем только к концу дня. Оказалось, он выполнил задание, предназначенное для двух таких машин. А утром принял экскаватор, и все пошло по-старому, будто и не случилось ничего. Он стал лучшим машинистом республики...

Когда в Темиртау узнали эту историю, фамилия Конев перестала существовать. Все звали его болгарским Маресьевым — только так, и он старался не уронить этой чести. На закладке домны он вместе со всеми бросал монеты под фундамент, весело приговаривая по старинному обычаю: «Стой века, кати чугун, как воду матушка-река». А когда горновой Асхат Набиулин выдал на первой доменной печи первый чугун, экскаваторщик Конев — болгарский Маресьев мог собираться домой. Он выполнил свое обещание.

Прошло не так уж много времени, и строители сдали в эксплуатацию вторую домну, а сейчас полным ходом завершаются работы на третьей, самой большой домне, объемом в 2 700 кубометров. По плану она должна вступить в строй в конце этого года, а монтажники привыкли выполнять свои планы. На сооружении домны работает прорабом болгарин Денко Господинов, от него мы и услышали историю о болгарском Маресьеве.

Братья

Война разъединила их, разбросала по свету. Пришла похоронная на отца, а мать слегла, не выдержав горя, да так и не встала. Родственников у них не было, и сироты попали в разные детские дома, учились в интернатах, приобретали профессии. Старший из них, Дюсен, приехал по комсомольской путевке на строительство Казахстанской Магнитки. Он не знал, разыскивают ли его братья. Сам он делал неоднократные запросы, но постоянно получал в ответ: «Нет, не знаем», «Адрес неизвестен».

Дел на строительстве по горло, бетонщики в большом почете, и скучать Дюсену не приходилось. Десятки машин одна за другой подвозили бетон. Монтажники наступали на пятки, требовали быстрее закончить фундамент домны. Пришел очередной самосвал.

— Эй, парень, кому бетон? — кричит смуглый молодой казах в заячьей шапке.

— Туда, Барамбаеву, — указывают ему в сторону Дюсена.

— Так и я тоже Барамбаев, — взволновался вдруг шофер, и бегом к Дюсену.

Дюсен оглянулся на зов, и что-то знакомое почудилось ему в глазах шофера. Нет, это невероятно, не может быть, уверял он себя. Такие глаза только у одного человека — его отца, фотография которого сохранилась у Дюсена. А этот такой же молодой, только в плечах поуже и ростом не так высок. Неужели... Он шагнул к шоферу и неуверенно спросил:

— Кенес?

Вместо ответа тот бросился ему в объятия.

— Братишка!

Работа приостановилась. Стали подходить люди, спрашивали, что случилось, а узнав, улыбались и уходить не спешили. Оказывается, братья уже два года работали на одной стройке, ничего не зная друг о друге. Сейчас Дюсен и Кенес стояли в центре круга и ничего не замечали.

Решили теперь вместе разыскать третьего брата. Снова пошли запросы в разные концы республики, и наконец одно из писем принесло долгожданную весть: «Ораз Барамбаев воспитывается у нас. В настоящее время оканчивает десятый класс в школе-интернате». К письму был приложен адрес школы. А вскоре и Ораз появился на стройке. Братья шутили: «Теперь дело пойдет быстро». И оно действительно пошло быстрее... Начал выдавать прокат мощный стан «1700», рос корпус конверторного цеха, уходили в небо новые заводские трубы. Бетонщик, шофер и плотник — три брата, десятки и сотни их друзей строили Большой завод. Это как песня, исполняемая мощным хором. Отдельные голоса выделить невозможно, а мелодия растет и набирает силу. Так и завод строится, так и пятилетний план претворяется в жизнь...

Идет кипящая...

В июле по заводу разнеслась весть, что экспортную сталь марки «Кипящая-08» теперь получают в конверторе и что по качеству она даже лучше мартеновской. Значит, окончательно уходил в прошлое миф о невозможности давать высококачественную сталь в конверторах. Я пошел расспросить, как это делается.

— Случилось так, — рассказывал сменный мастер Алексей Дедуренко, — пришли мы на смену, а оба крана стоят: авария. Что делать? Вызвали аварийщиков, а сами все же решили работать. Привезли на чугуновозах слябы, приготовили добавки и стали загружать конвертор заливочным краном. Неудобно, конечно, и медленно, но все-таки пять плавок выпустили да еще другую бригаду металлоломом обеспечили. Вот и все. А сталь получилась «Кипящая-08». Та самая...

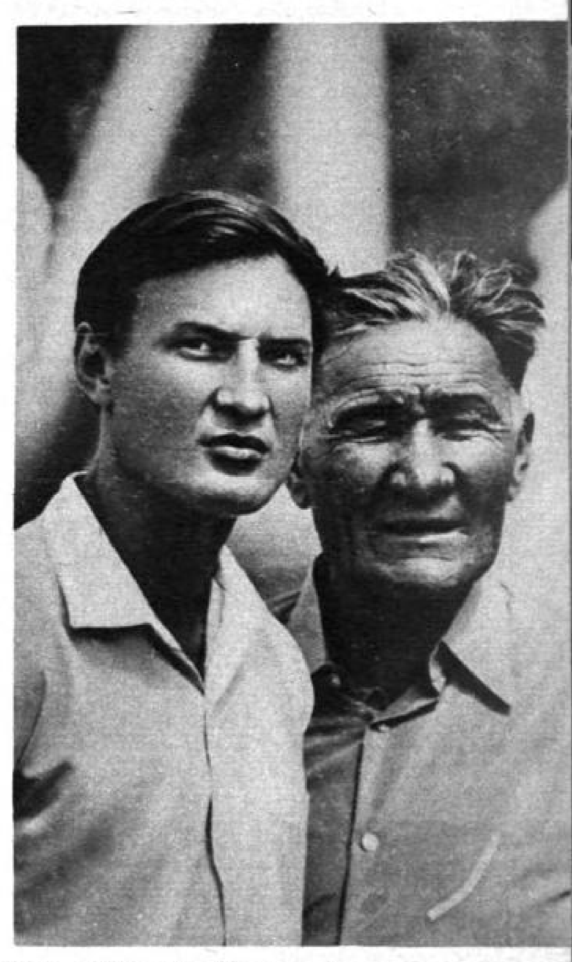
Всегда вот так. Все просто на словах у этих сталеваров. А посмотришь... Плавка в конверторе стремительна. Ты должен быть смел, сталевар, но спокоен, способен пойти на риск и в то же время быть осторожным, должен быть творцом, но ни на йоту не отступать от правил. Вот какая это плавка. А их за смену обычно 7—9, и каждая требует предельной собранности, потому что только с виду они похожи друг на друга, эти плавки.

Конвертор — это живой вулкан, готовый ежесекундно выбросить лаву из своего жерла. Любая минута грозит неожиданностью. Вот подошел самый ответственный момент — продувка ванны кислородом. Медленно опускается фурма в горловину конвертора. И вслед за этим рев, гул, рвутся огненные смерчи, мечутся по сторонам и исчезают в куполе котла-утилизатора. Конверторы требуют кислорода высокой чистоты и в очень больших количествах. Когда в мировой практике не было ни того, ни другого, возник миф о невозможности варить качественную сталь в конверторах. Сейчас у нас есть сверхмощные кислородные станции. В нашей стране самая крупная из них здесь, в Темиртау. К тому же конвертор дает в несколько раз больше стали, чем такая же по мощности мартеновская печь. Это и понятно. Там плавка длится 6—14 часов, в конверторе — 40—50 минут. Три экономических кита — выше мощность, выше производительность, меньше капитальных вложений — «проголосовали» за строительство конверторов. Причем таких же мощных, как здесь, 250-тонных, а потом и еще мощнее...

Продувка кислородом заканчивается. Пламя в конверторе становится прозрачным, сквозь него отчетливо вырисовывается остов фурмы — значит, плавка завершена. Теперь слово за экспресс-лабораторией, и через пять минут конверторщик Алтынбек Дарибаев выпустит сталь «Кипящая-08». Ту самую...

Гавань космонавтов

Тихо. Деревья скупо роняют листья. За деревьями — небольшой чистенький двухэтажный коттедж. Казалось бы, что общего может иметь этот тихий домик с ревущими ракетами Байконура? Но обойдите его вокруг, и вы увидите, что весь главный фасад буквально увешан памятными мраморными досками с именами космонавтов. Почти все они после приземления приезжали в эту скромную гостиницу на окраине Караганды для короткого отдыха. Титов и Терешкова, Николаев и Попович, Береговой, Волынов, Хрунов, Елисеев... Они приезжали сюда, усталые после космической вахты, и с радостью узнавали об успехах своих земных братьев. Их волновало и радовало все: пуск домны, кон-

Укен и Булатбек Турмагамбетовы.

верторного цеха или прокатного стана, рекорды шахтеров и сдача нового дома строителями. И они понимали, что эти успехи делают в конечном итоге и их космические корабли лучше, надежнее.

Под этими тихими деревьями особенно остро чувствуешь стремительность нашего времени. Старики еще помнят, как разбитый казан вызывал трагедию в семье кочевника. А теперь из этих же степей стартуют могучие ракеты, и мы уже за чудо их не считаем, как не считаем чудом гигантские заводы, выросшие в глухих местах, хотя их появление — тоже своего рода космический взлет. Но человек славен тем, что вечно неудовлетворен собой и достигнутым. Если, конечно, он настоящий человек. А мы встречались в Казахстане с настоящими людьми. Поэтому поднимутся в степях еще новые города и заводы, будут новые космические старты. А пока у космической гавани под деревьями тишина. Но места на фасаде для новых памятных табличек еще много.

◀ Дворец имени В. И. Ленина в Алма-Ате.

НА РИМСКОМ ФОРУМЕ

В. Г. СОЛОДОВНИКОВ,
член-корреспондент АН СССР,
руководитель советской делегации на Международной конференции в поддержку народов португальских колоний

Триста шестьдесят представителей ста семидесяти семи национальных и международных организаций шестидесяти стран мира собрались недавно в Риме, чтобы выразить свою солидарность с борьбой патриотов Анголы, Гвинеи (Бисау) и Мозамбика, которые самоотверженно сражаются против кровавого португальского колониализма. Они уже добились больших успехов: созданы боеспособные армии, которые в состоянии вести боевые действия одновременно на многих фронтах против многотысячной португальской армии, оснащенной самым современным оружием. Патриоты освободили обширные районы, создали там свою гражданскую администрацию, строят мирную жизнь. Только в Гвинее (Бисау) освобождено около трех четвертей всей страны.

Однако португальский колониализм развернул войну в огромных масштабах, и ему еще удается удерживать свои позиции в Африке.

По нашим приблизительным подсчетам, жертвами португальской колониальной войны в Анголе и Мозамбике за последние пять лет стали сто тридцать восемь тысяч человек. Португалия, чтобы удержаться в колониях, содержит в Африке армию численностью 122 тысячи человек, оснащенную самым современным оружием, на что ежегодно расходует более 320 миллионов долларов. Португалия воюет на средства, которыми ее снабжают союзники по агрессивному блоку НАТО.

Последовательными союзниками национально-освободительных движений в португальских колониях с самого начала были и остаются социалистические страны и международное коммунистическое и рабочее движение.

Решающую политическую, военную и экономическую помощь патриотам португальских колоний оказывает Советский Союз и страны социалистического содружества. Они помогают политическим партиям — Народному движению за освобождение Анголы (МПЛА), Африканской партии независимости Гвинеи и островов Зеленого Мыса (ПАИГК) и Фронту освобождения Мозамбика (ФРЕЛИМО) — вести вооруженную борьбу против португальских колонизаторов, которые всегда отличались своей жестокостью. Португальцы вели на Африканском континенте хищническое разграбление богатств этого континента и торговлю рабами. Свою экономическую отсталость правящие классы Португалии пытаются компенсировать ограблением колониальных народов. Хотя даже экономически более сильные империалистические державы вынуждены применять в настоящих условиях неоколониалистские методы, Португалия продолжает всеми силами защищать колониальную форму эксплуатации.

Правительство Португалии отказалось выполнить Декларацию ООН от 1960 года о предоставлении независимости всем народам, томящимся в колониальной зависимости. Оно отказалось вести переговоры с представителями народов португальских колоний о предоставлении им свободы. И народы Анголы, Гвинеи (Бисау) и Мозамбика начали освобождение своих стран вооруженным путем.

Мне вспоминается заседание Совета Безопасности ООН, посвященное рассмотрению жалобы 32 африканских государств на нарушение Португалией самых элементарных человеческих прав на территориях, находящихся под управлением Португалии. Я участвовал в заседании в качестве представителя СССР и поэтому хорошо помню, как оно протекало. Это заседание продемонстрировало солидарность всех независимых стран Африки с национально-освободительным движением в португальских колониях. Созванное по решению первой всеафриканской конференции глав государств и правительств в Аддис-Абебе, оно заложило основы Организации африканского единства (ОАЕ). Делегация СССР полностью и бескомпромиссно поддержала требование африканских государств о предоставлении независимости народам португальских колоний.

Принятая Советом резолюция требовала «немедленно признать право народов территорий под португальским управлением на самоопределение и независимость» и предложила, чтобы «все государства впредь воздерживались от оказания португальскому правительству всякой помощи, дающей ему возможность продолжать проведение репрессивных мер против народов территорий под его управлением, и принять меры для того, чтобы предупредить продажу и поставки оружия и военного оборудования португальскому правительству для указанной цели». Не имея смелости голосовать против этой резолюции, США и Англия «воздержались» при голосовании, что означало, по существу, одобрение политики Португалии. Таким образом, еще в 1963 году ясно определились позиции международных сил в отношении ликвидации португальского колониализма в Африке.

Я в своем выступлении на заседании Совета по мотивам голосования подчеркивал, что «советская делегация хочет отметить огромное политическое значение дискуссии по колониальному вопросу в Совете Безопасности, которая, несомненно, продемонстрировала возросшее единство антиколониальных сил, и теперь всем ясно, что колониальный режим Португалии в Африке отвергается подавляющим большинством».

Страны — члены НАТО игнорируют все решения ООН о запрещении оказания помощи Португалии до тех пор, пока она не выполнит требований Декларации ООН о предоставлении независимости народам своих колоний.

Поэтому главной целью Римской конференции было заставить правительства западных стран считаться с резолюциями ООН о запрещении поставок вооружения и предоставления другой помощи Португалии на ведение колониальной войны в Африке, заставить правительства западных стран прекратить прямое или косвенное соучастие в кровавой колониальной войне против народов португальских колоний.

В конференции приняли участие представители самых разных политических сил Европы и США — от коммунистов до социал-демократов и католических организаций.

Все выступления делегатов носили ярко выраженный антиколониальный характер. Они резко осуждали свои правительства за соучастие в колониальной войне. В то же время лидеры национально-освободительных движений в португальских колониях, предста-

---

Слон, везущий «Зуб Будды».

ФЕЙЕРВЕРКИ ПЕРАХАРЫ

Владимир БАЙДАКОВ

Из всех цейлонских городов, где я побывал, самым красивым я назвал бы Канди — старую столицу сингальских королей. Горные гряды со всех сторон окружили небольшую, почти идеально круглую лощину, подступили вплотную к городским окраинам, суровыми, безмолвными стражами встали на пути ветров и нежеланных гостей. Сколько раз эти горы спасали Канди! Легионы завоевателей нашли свой конец на подступах к древнему центру Цейлона. Почти три века огнем и мечом утверждались здесь португальцы и голландцы. Долго штурмовали Канди английские солдаты. Они вошли в город только тогда, когда среди цейлонских вельмож нашлись такие, кого блеск английского золота заставил предать родину.

С тех пор прошло полтора века. Выросли на Цейлоне города больше и богаче Канди. Но славу его по сей день с гордостью хранит в памяти сингальский народ. Ежедневно приходят сюда поклониться древним святыням сотни паломников. А иностранный турист может считать, что он не видел острова, если не посетил Канди. Исторические реликвии, богатейший ботанический сад, экзотическое купание слонов в реке Махавели Ганга, буддийский храм Далада Малигава (храм священного зуба Будды) и рядом с ним современные корпуса университета.

Но все это древнее и нынешнее великолепие несравнимо с совершенно фантастическим превращением, которое претерпевает Канди в дни религиозного праздника Перахара, когда город возвращается по крайней мере тысячи на полторы лет назад. Сингальцы свято хранят старинные обычаи, ритуал праздника почти не изменился, и его величие, блеск, широта поражают, захватывают.

Я приехал смотреть Перахару вместе с художником Вадимом Трофимовым. Из Коломбо до Канди путь недлинный — мы добрались быстро и буквально утонули в захлестнувшем город человеческом море. Все центральные улицы Канди были заполнены такой массой людей, что, не встреть нас совершенно случайно директор местного колледжа, президент Лиги цейлоно-советской дружбы города г-н Имбулана, мы бы не увидели праздника Перахара. Имбулана помог нам протиснуться сквозь толпу, и вскоре мы стояли на балконе второго этажа гостиницы «Куинс». «Исторический балкон,— сказал служащий гостиницы, открывая нам дверь.— С этого балкона в декабре 1961 года выступал на митинге цейлоно-советской дружбы Юрий Гагарин».

вители африканских и западных государств высоко оценили вклад социалистических стран в борьбу за независимость народов португальских колоний. Это нашло свое отражение в Декларации Римской конференции. Конечно, были среди делегатов и такие, которые хотели бы умалить роль социалистических стран в поддержке национально-освободительного движения. Однако подавляющее большинство участников конференции, и прежде всего сами лидеры **МПЛА, ПАИГК и ФРЕЛИМО**, ясно дали понять, что социалистические страны являются решающей силой в поддержке народов португальских колоний.

Советский Союз последовательно и твердо проводит политику поддержки борьбы народов за свою независимость, против всех форм расового и колониального угнетения, решительно выступает за немедленное и безоговорочное прекращение террора и колониальных войн в Анголе, Мозамбике и Гвинее (Бисау), за вывод всех португальских войск из колоний и полную ликвидацию империалистических баз в Африке.

Наряду с оказанием моральной и политической поддержки Советский Союз поставляет патриотам Анголы, Мозамбика, Гвинеи (Бисау) военное имущество, различное вооружение и боеприпасы, средства транспорта и связи, обмундирование и снаряжение, необходимые для боевых действий против колонизаторов. Одновременно для населения освобожденных районов Анголы, Мозамбика и Гвинеи (Бисау) направляются продовольственные и промышленные товары, ткани, одежда, обувь, школьно-письменные принадлежности, а также оборудование для госпиталей, медикаменты.

Необходимо отметить, что политические партии, кроме коммунистов, профсоюзы и религиозные организации в ряде западных стран мало оказывают помощи народам португальских колоний, не проводят политических мероприятий, которые ограничили бы поддержку Португалии со стороны их собственных правительств. В связи с этим конференция призвала создавать национальные комитеты, проводить митинги солидарности с народами португальских колоний, объявлять бойкот португальским товарам и тем компаниям, которые хозяйничают в колониях, добиваться исключения Португалии из международных организаций.

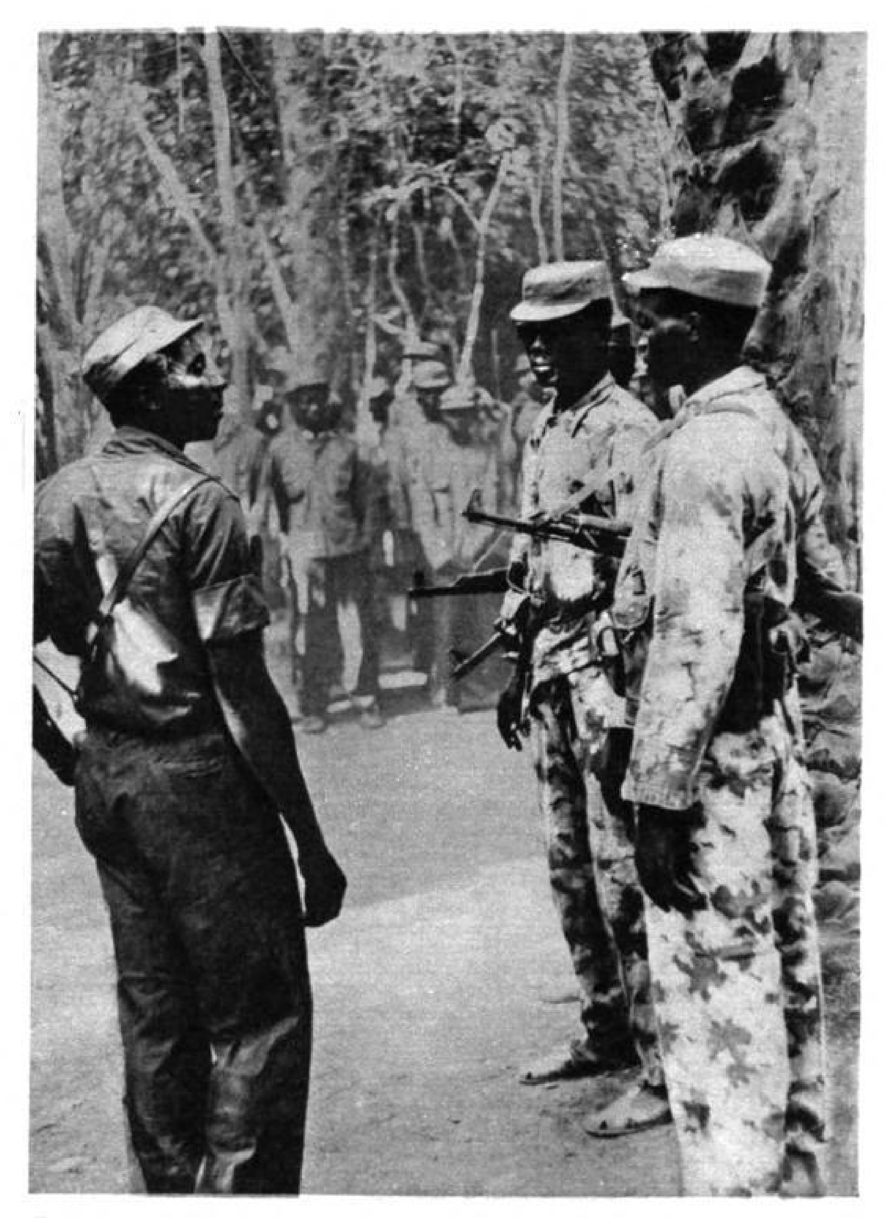
Какие выводы следует сделать из работы Римской конференции? Пожалуй, самым важным итогом является тот факт, что налицо имеется широкий антиимпериалистический фронт различных политических сил, объединенных общей целью — добиться скорейшей ликвидации португальского колониализма.

Самая большая опасность для национально-освободительного движения — это попытки натовской и португальской агентуры, напуганной успехами патриотов, расколоть единый антиимпериалистический фронт. Эти силы пытаются протащить идею о «старых» и «новых» союзниках народов португальских колоний.

Конечно, привлечение новых союзников, новых сил на международной арене, которые могут оказать помощь в борьбе с сильным и коварным врагом,— дело нужное и необходимое. Но при этом требуется величайшая бдительность, чтобы под видом союзников не проникли в национально-освободительное движение враги, которые будут вести подрывную деятельность изнутри. В послевоенной истории национально-освободительного движения правые силы не раз играли роль неоколониалистской агентуры в некоторых странах. Но можно не сомневаться в политической зрелости руководителей патриотических движений в португальских колониях, руководителей, которые сумеют отличить подлинных друзей от мнимых.

Теперь борьба народов португальских колоний вступает в новый этап, на котором большое значение имеет солидарность со всеми прогрессивными и демократическими силами, выступающими против политики империализма, колониализма и расизма. Единство всех антиимпериалистических сил, взаимная поддержка народов, борющихся против кровавого империализма в Азии, Африке и Латинской Америке,— это необходимое условие победы над международными силами империализма, колониализма и неоколониализма.

Народы португальских колоний могут не сомневаться в том, что советские люди всегда были и будут на их стороне, окажут им широкую и всестороннюю поддержку в борьбе за свою национальную независимость.

В освобожденном районе «португальской» Гвинеи. Политкомиссар отряда Бенджами д'Акунья беседует с бойцами.

Фото АПН.

Над городом быстро опускалась тропическая ночь. От Далада Малигава все громче и громче доносился барабанный бой. Оставшийся с нами Имбулана рассказывал историю Перахары.

Перахара — торжественное шествие. Проводится оно в честь Будды и буддийских божеств. В древнейшей хронике Цейлона «Махавамса», относящейся к V веку н. э., уже можно найти упоминание об этом празднике. Но вполне вероятно, что Перахара существовала и в добуддийское время и символизировала просто победу добра над злом. Во всяком случае, многие обряды говорят об этом.

Праздник не имеет постоянной даты; он проводится в июле — августе, начинаясь обязательно в новолуние.

Канди — главная арена праздника. Здесь он особенно пышен, особенно широк. Его начало определяют по положению звезд астрологи. Обряды строго расписаны по важности между служителями храмов. Все величественно, традиционно и немного грустно.

Начинается Перахара с обряда, заключающегося в срезании молодого, еще не плодоносившего деревца молоуста. Служители храма Натха особым образом перерезают ствол деревца и расщепляют его на четыре части, которые передаются храмам четырех различных буддийских божеств. Служители храмов, получив «кар» — так называется ставшая священной часть дерева,— завертывают его в новую белую ткань и устанавливают в одном из углов во дворе храма. Перед «каром» начинаются ритуальные обряды, которые продолжаются неделю, но за пределы храма не выходят. Только на восьмой день переносятся они на улицы города, где превращаются в народное празднество, в настоящий фестиваль сингальской музыки и танца. Этот фестиваль продолжается также неделю, точнее — семь ночей. С каждой ночью увеличивается число музыкантов, танцоров и слонов. Да, в Перахаре участвуют и слоны.

Мы смотрели последнюю, заключительную ночь Перахары.

Первыми от Далада Малигава появились знаменосцы. Сразу же за ними проследовал на огромном слоне герольд. На вытянутых руках он с благоговением держал книгу из пальмовых листьев, завернутую в ткань. В этой книге содержались наставления по проведению фестиваля, указывался точный маршрут шествия.

Следом за герольдом, и тоже на слоне, проплыл одетый в золотистую парчу служитель храма — обладатель пышного титула хранителя королевских слонов. В руках у хранителя серебряное стрекало, олицетворяющее власть и силу.

Небольшой разрыв в процессии — и появляется еще один служитель храма, видимо, рангом повыше, хотя он и не на слоне. Его сопровождает немалый отряд музыкантов, а по бокам, вытянувшись в две линии, движутся танцоры. Бронзовые, мускулистые тела, сверкающие в свете факелов цветные камни, позолота образуют замечательный подвижный орнамент, в центре которого важно шествует «безлошадный»: его слон шел за ним с двумя меньшими по размеру. Этот слон нес на себе несколько необычный символ власти священнослужителя — большой меч. Позже мы узнали, что меч этот играет важную роль в заключительной части фестиваля.

Появляется еще несколько десятков музыкантов. Опять вытянулись в две линии танцоры. Между ними, кажется, не идут, а плывут служители храмов, совершавшие обряды в первую неделю Перахары. Несколько особняком идет главное лицо фестиваля — служитель, носящий звание начальника королевских купален.

Все эти «начальники» и «хранители» одеты в костюмы, разукрашенные так, что невозможно определить, какого они цвета и из какой ткани сшиты. Костюмы дополнены саблями в дорогих, инкрустированных ножнах, тяжелыми ожерельями, браслетами, многочисленными кольцами. Шляпы-четырехуголки с золотыми метелками по углам похожи сверху на подушечки для булавок. В грохоте барабанов, в стремительных движениях танцоров этот поток кажется сверкающей рекой.

Наконец, наступает кульминационный момент Перахары — от Далада Малигава шагает расцвеченный — двадцатый век все-таки вторгся в древний праздник! — маленькими электролампочками старый слон с длинными бивнями. На его спине установлен балдахин, под которым лежит накрытая семью золотыми колпаками священнейшая реликвия — зуб Будды.

Слон, видимо, уже не один десяток лет исполняет высокую миссию носителя священного зуба и вполне осознал важность своего груза. Он невозмутимо и величественно шагает по расстилаемой перед ним полотняной дорожке, не обращая ни малейшего внимания на дождь цветочных лепестков, которыми осыпают его служители, едущие на слонах «сопровождения носителя».

Стоило пройти этому слону, как праздник словно переключается на другую скорость. Все быстрее музыка, неистовей танцы, больше слонов, а над всем этим море факелов, которые несут факельщики — полуобнаженные юноши. Не любой участник или зритель Перахары зажжет факел: здесь с огнем надо быть трижды осторожным. Отвались от факела кусочек тлеющей копры и попади под ноги слону — праздник сразу превратится в трагедию. Наступивший на огонь слон мгновенно выходит из-под контроля проводника, шарахается в сторону, увлекая за собой других слонов. Все это происходит в считанные секунды, и люди, плотной массой заполнившие улицы, не успевают заметить опасность. Тогда приходится вмешиваться полиции и убивать слонов из винтовок. В истории Перахары таких случаев было немало.

Но праздник, который мы наблюдали с балкона гостиницы «Куинс», прошел благополучно. Техника безопасности была, что называется, на высоте. Мы с интересом смотрели, как члены специальных отрядов, сами факельщики сразу же затаптывали и даже заливали водой отвалившиеся от факелов куски копры, и не сразу заметили, как что-то изменилось в ритме Перахары. На улице появилась женская процессия. Только женщины, пояснил нам Имбулана, могут сопровождать изображение богини Паттини. Эту богиню считают защитницей от всех болезней и бедствий.

Последним промелькнул перед нашими глазами большой палантин с установленными на нем несколькими кувшинами. В них вода, взятая из реки Махавели Ганга во время прошлогодней Перахары. Сейчас кувшины снова отнесут на берег, поставят в лодку и отвезут на середину реки. Начальник королевских купален поднимет ритуальный меч, который мы видели, и рассечет им воду. Служители опрокинут кувшины, и вода, взятая с этого же места год назад, вернется в реку. Кувшины заполнятся свежей и будут храниться в храмах до следующей Перахары, символизируя полные запасы, достаток воды, а значит, и хороший новый урожай.

НЕОБЫЧНОЕ ЗАБОЛЕВАНИЕ КАПИТАНА ВИГГИСА

Мерли РОБЕРТС

Рассказ

Рисунок Е. ШУКАЕВА.

Пароход «Вандеру» готов был выйти в море из Лондона, своего порта приписки, с обычным грузом в Калькутту и ждал лишь прилива да своего шкипера, отбывшего в город сказать жене слова прощания. Тюки с грузом были уложены, люки задраены, а оба помощника курили возле трапа. Боб Кемп, первый помощник, приходился «старику» племянником и сейчас просвещал своего подчиненного относительно некоторых сторон характера капитана Виггиса.

— Бедный старикан думает, что он болен,— говорил Кемп,— на самом же деле он здоров, как бык. Живет бедняга на порошках и изнуряет себя диетой. Его преследует навязчивая идея, что у него какая-то роковая болезнь, которую никто не в состоянии определить. Швыряет кучу денег на докторов, а сам ругает их на чем свет стоит. Признаюсь вам, человек он тяжелый, и место его в сумасшедшем доме. До того, как окончательно связать себя с морем, я сам долгое время увлекался медициной, но такого пациента мне видеть не приходилось. Дядюшка мой — настоящая диковина!

— А с ним ладить легко? — спросил Том.

— Все идет как по маслу до тех пор, пока вы не скажете ему, что он хорошо выглядит,— сказал Кемп.— Стоит же хоть раз об этом заикнуться, он вам до самой смерти не простит. А уж коль хотите быть со стариком на короткой ноге, как завидите его, делайте мрачное лицо и врите, что он ужасно выглядит. О, этим вы его просто покорите.

Едва первый помощник закончил посвящать в эту тайну второго, как они увидели идущую по причалу леди. Та, казалось, отыскивала какое-то судно.

— Так это же она!— Боб даже присвистнул.— Моя тетушка. Хэлло, тетя!— окликнул он леди.— Что вас сюда занесло? А где дядя и как он там?

— О, Боб, то же самое я могла бы спросить и у тебя. Твой дядя пришел домой, покрутился минут десять, а потом помчался за лекарствами и медицинскими книгами, на которые выпускает все свои деньги. Боб, дорогой, у меня сердце разрывается, когда я вижу, какие на это летят деньги! Я, Боб, решила повидаться с тобой, потому что ты сам был студентом-медиком. Хочу спросить, не мог бы ты за время вашего плавания сделать что-нибудь такое, что могло бы отучить его от этой привычки? Ведь он тает буквально на глазах, а мы в конце концов все попадем в работный дом.

С причала послышался бас шкипера, требующего, чтобы ему помогли внести на борт какие-то огромные чемоданы.

— А, это ты, Мария,— мрачно произнес он.— Лучше б ты не раздражала меня своим появлением. Поосторожней с этими чемоданами. Им цены нет. Не знаю, что бы я без них делал.

— А что в них, дядюшка? — поинтересовался племянник.

— Схемы и предписания по уходу за здоровьем в плавании,— объяснил шкипер.— А это, так сказать, бальзам для успокоения таких старых развалин, как я. Осторожно, здесь в основном пузырьки и пакетики, а еще точные весы для взвешивания моей пищи. Надеюсь перенести это плавание нормально. Если же нет, похороните меня в открытом море.

— Джеймс, Джеймс, как ты можешь говорить такие вещи! — воскликнула жена.

— Я, Мария, смерти не боюсь. Другой раз страдания мои таковы, что я даже не думаю о тебе и о детях. Немедленная смерть принесла бы мне лишь облегчение.

Миссис Виггис зарыдала.

— Я уйду, если ты скажешь еще что-нибудь вроде этого,— простонала она.

— Ты и так сейчас уйдешь, моя дорогая, что бы я ни сказал.— Голос Виггиса звучал решительно.— У меня уйма дел, а завтра утром с первым приливом мы должны выйти в море. К тому же я придерживаюсь мнения, что столь долгое прощание губительнейшим образом отзывается на моем здоровье. Если ты пробудешь здесь еще минут пять, я весь покроюсь холодным потом, что, как правило, случается со мной, когда корабль приближается к берегам смерти.

Миссис Виггис сошла на берег. Ее последние слова, обращенные к мужу, очень удивили второго помощника:

— Пусть Боб и сам когда-то был медиком и

разбирается в этом отвратительном докторском деле, надеюсь, ты, Джеймс, никогда не воспользуешься его советом относительно твоего здоровья. Я люблю его, как и подобает любить сына родной сестры, но мнению его не доверяю, что и говорю ему прямо в глаза.

Услыхав это, Виггис онемел от изумления и замотал головой. Потом, перегнувшись через поручни, дал понять, что это — его дело и что если даже захочется внять совету корабельного кока, ему никто не помешает это сделать.

— Хотя Боб и здесь, все равно я скажу, что он очень чуткий молодой человек,— не унимался Виггис.— Ведь это он накануне моего последнего приступа предсказал мне, что я заболею, а ты между тем ничего не заметила. «Дядя, вы ужасно выглядите»,— сказал он, и я еще до наступления ночи и на самом деле почувствовал себя очень скверно. Итак, прощай, Мария, и позаботься о наших детях.

— Почему, сэр, после всего того, что нам тут говорила ваша тетушка, она так оскорбила вас? — спрашивал у Боба второй «гризер», когда миссис Виггис удалилась, а шкипер спустился вниз расставлять свои пузырьки и книги.

— Почему? Да потому, что она отлично знает старика,— отвечал Кемп.— Притворяясь, что хочет настроить его против меня, она тем самым достигает обратного. И, уж будьте уверены, и недели не пройдет, как он обратится ко мне за советом.

— И что же вы ему посоветуете, сэр?

— Поживем — увидим. Все надо еще хорошенько обмозговать. Я только вот что вам скажу, мистер Гэмбл: я хочу выдумать для дяди абсолютно новую болезнь. Ведь он опечален не столько тем, что болен, сколько тем, что не может найти такого доктора, который бы признал, что у него очень редкостное, непонятное и затяжное заболевание, представляющее колоссальный интерес для науки.

Второй помощник пожал плечами.

— Сэр, хоть он вам и дядя, да к тому же еще и наш капитан, все-таки, мне кажется, он дурак.

— Вы недалеки от истины,— согласился Кемп.

На этом их разговор и закончился, ибо в течение последующих дней ни у того, ни у другого не было времени размышлять о роковых болезнях, изнуряющих их старшего офицера.

Прошло две недели. Во время путешествия по Средиземному морю шкипер страдал всеми лихорадками и говорил, что только потому не скончался, что они сами друг друга истребили. Разумеется, тут сказалось и его умение пользоваться лекарствами.

— На сей раз мой организм мужественно справился со скарлатиной,— торжествующе изрек шкипер, когда они были неподалеку от Мальты.— Фенацетин, мои патентованные пилюли, доза резоркина — верная погибель для микроба. На сей раз, Боб, я заставил скарлатину с воплем удрать прочь.

Боб заявил, что рад это слышать, однако считает, что скарлатина — сущий пустяк по сравнению с таинственным, все еще не разгаданным заболеванием его дядюшки.

— Мне это известно, мой мальчик,— сказал Виггис.— Уж я-то знаю. Да, я горжусь тем, что мне удалось одолеть скарлатину, однако что толку волноваться по поводу столь ничтожного заболевания, если таинственный смертельный недуг, которому никто даже названия найти не может, прикладывает все силы, чтобы сделать твою тетушку вдовой. То, как переживает за меня эта женщина, иной раз до слез прошибает. Боб, а ты не думал, что же все-таки со мной?

Боб чистосердечно признался, что только об этом и думает.

— Милый мальчик,— вздохнул дядя.— Должен тебе сознаться, мне так хотелось, чтобы ты был моим помощником. Ведь если я вдруг надумаю умереть, под рукой у меня окажется человек, способный описать все мои предсмертные муки. Возможно, я до самого конца буду в состоянии помогать тебе найти правильное название моей болезни, но когда я не смогу говорить, тебе придется во всем разбираться самому. Я хочу, чтоб ты все записал, а вернувшись домой, отнес эти записки врачам, тем самым дав им понять, что они упустили, когда в невежестве своем твердили мне, что я здоров. Я, Боб, везде побывал, ибо полон был решимости дать им все карты в руки. О, Боб, это такая самодовольная шайка! Они не могут определить редкостной болезни, но она у них под носом. Один мой приятель, с которым мы когда-то вместе плавали, нашел в себе какую-то странную болезнь. Так, знаешь, он чудесно проводил в больнице время, как сыр в масле катался, и доктора высшего класса выполняли малейшие его прихоти. К нему они даже из Парижа приезжали, все выстукивали и осматривали, чтобы сравнить свое мнение с мнением англичан. Я же тут в открытом море один-одинешенек и в муках своих предоставлен самому себе. К тому же та болезнь была описана во многих книгах, я же уникум, обо мне нигде ничего не сказано. О Боб, как горько, страдая, не видеть к себе ни малейшего интереса со стороны других!

Боб похлопал «старика» по плечу и посоветовал ему не унывать. И то, что он ему сказал, в самом деле звучало утешительно.

— Дядя, как-то в больнице мне довелось встретить одного человека, и мне начинает казаться, что его болезнь чем-то напоминала вашу.

— Но ведь это была не совсем такая болезнь, как у меня, Боб! — вспылил Виггис.

— О, нет, не в такой тяжелой форме, и таких мук, как вам, тому больному не довелось испытать,— поспешно заверил Боб.— У нас в больнице был один очень умный врач, который прямо-таки чудеса творил. Сейчас я делаю все, что в моих силах, чтобы восстановить в памяти свой старый опыт и применить его к вам, дядя.

— Все это так, мой мальчик,— вздохнул Виггис.— Я-то знаю, ты сделаешь все, что в твоих силах. Но что толку от твоего опыта в таком уникальном случае?

— Ну, а положим, раньше был один такой случай, да и то много лет назад — что бы вы на это сказали, дядя?

Виггис был полон сомнений.

— Ты говоришь, Боб, только один?

— Да, дядя, всего один.

— В таком разе я не возражаю,— сказал Виггис.— Но можешь ли ты дать моей болезни название?

— Я еще не так далеко продвинулся, дядя,— ответил Боб.— Однако, надеюсь, в скором времени это смогу сделать. Ведь сейчас я стараюсь восстановить в памяти все то, что когда-то знал. В больнице были очень опечалены, когда узнали, что я расстаюсь с медициной. Весь штат считал, что у меня природный дар ставить диагнозы. Ведь даже в тех случаях, когда ошибался сам сэр Вильям Гамби, я нередко восстанавливал истину.

Виггис вздохнул.

— Осмелюсь предположить, Боб, что все оно так и было. Но если тебе вдруг захочется освежить свою память, ты в любое время можешь обратиться к моим книгам.

Воспользовавшись этим предложением, Боб унес к себе целую охапку книг, среди них два трактата по теории и практике медицины, два толстенных тома по хирургии. Когда Виггис крепко уснул (а спал он пятнадцать из двадцати четырех часов в сутки), Боб все эти книги показал второму помощнику.

— Уберите, сэр,— взмолился Гэмбл,— иначе я тоже заболею. Я не выношу одного их вида.

— Скоро вы не сможете взглянуть на них, если даже захотите,— сказал Кемп.— Уверяю вас, недалек тот час, когда все они пойдут за борт просвещать рыб.

— Но ведь капитан с ума сойдет, если вы это сделаете.

— Еще до того, как мы минуем Аравийское море, он сам швырнет их все за борт,— ответил на это Кемп.— Кажется, я его вылечу.

Задача была не из легких. Однажды Боба разбудили посреди ночи, причем самым бесцеремонным образом.

— Ну, что еще там? — сердито спросил он шкипера.

— Близится мой конец,— сказал дядя.— Вдобавок к этому моему глубоко засевшему недугу у меня еще и паралич. И тут не помогают ни лауданум, ни лошадиные дозы хинина и фенацетина. На сей раз, Боб, твоя тетушка наверняка станет вдовой, вот я и хочу, чтобы ты записал все симптомы.

— Дядя, а не подождать ли нам до утра?

— К утру, мой мальчик, меня уже не будет,— полным величественного отчаяния голосом изрек шкипер.— Вот я и хочу, чтоб ты в интересах науки понаблюдал за мной в последние минуты. У меня жуткие судороги.

Тут уж Боб окончательно проснулся и проследовал за «стариком» в его каюту. Там он увидел пузырьки и коробочки с лекарствами всевозможных названий. Ими была уставлена вся каюта.

— У меня нет такого лекарства, которое бы помогало от этой болезни, Боб,— мрачно сказал дядя.— Я все испробовал. Вот оно, приближается... Я сейчас лягу, а ты будешь за мной наблюдать. Если будет агония, вот лауданум, а здесь порошки свинца. Не жалей ничего, если увидишь, что твой бедный старый дядя страдает. Дай мне, Боб, руку, и я лягу. Завещание вон в той жестяной коробке в углу. Из него ты узнаешь, что тебе я оставил все свои книги и графики с указанием опубликовать полный отчет о моей болезни в «Ланцете». Кажется, это вполне респектабельная газета, получше «Медицинского журнала», редактор которого в грубых выражениях отказал напечатать мои симптомы даже на правах объявлений.

Он лег и уже секунды через три крепко спал. Боб, тряхнув дядю за плечи, рассмеялся. Он приподнял веки «несчастного» и убедился, что лауданум свое дело сделал.

«Надеюсь, он не перебрал дозу»,— решил Боб. И, швырнув за борт лекарства, покинул пациента.

Второму помощнику не терпелось узнать, что же сделает шкипер, обнаружив, что стало с его морской аптечкой.

— А вдруг он разбушуется, сэр?

Боб Кемп в задумчивости зажег трубку и после трех затяжек сказал:

— Кажется, я придумал.

— И что же вы, сэр, придумали?

— Болезнь. Название болезни, которую хочу для него изобрести. О, это первоклассная болезнь, и дядюшке моему, надеюсь, придется по душе больше, чем наследство богатого родственничка.

— Что же за болезнь? — любопытствовал Гэмбл.

Но Кемп не стал говорить. Он спустился в каюту, чтобы обдумать все как следует и сделать для себя кое-какие заметки.

— Придумал! — полчаса спустя снова воскликнул он.— Я скажу, что у него особенная, редко встречающаяся, необычная форма хронического кифозиса, основные симптомы которого совпадают с его симптомами.

Он улегся спать с чувством того удовлетворения, которое приносит моряку решение трудной проблемы, связанной с кораблевождением.

Шкипер проспал почти до полудня, а проснувшись, увидел в своей каюте племянника.

— Как, я еще не умер, мой мальчик? — удивился он.

Боб сказал, что еще жив, но произнес таким меланхолическим тоном, что шкипер встревожился даже больше, чем если бы узнал о своей смерти.

— Боб, говори правду,— потребовал он.— Мои муки таковы, что я спокойно выслушаю все самое страшное.

— Что ж, я скажу вам правду,— начал Боб, который и в больнице-то был всего лишь однажды...— Я скажу вам всю правду, а вы выслушаете ее, как подобает мужчине. Дядюшка, я понял, что с вами.

— Говори всю правду, Боб, ничего не утаивай. Что, болезнь моя и в самом деле неизлечима?

Боб сжал могучую руку своего дяди.

— Нельзя сказать, чтоб она была неизлечимой, дядя, однако исход ее целиком зависит от вас. Что касается ее распространенности, то зарегистрирован всего один случай.

— И что, того... вылечили, Боб? — спросил «старик».

— Должен вам сознаться, нет,— со вздохом отвечал Боб.— Однако сэр Вильям Гамби сказал, что в роковом исходе виновен сам пациент. Он был упрямым до крайности и не слушался ничьих советов.

— Так, значит, сэр Вильям Гамби определил заболевание? А ведь я как-то стоял у него прямо под дверью и уже хотел было войти, да

так и не решился. Боб, и он смог дать ему название?

— Да,— кивнул Боб.— Он назвал его хроническим кифозисом.

— Хроническим кифозисом! Здорово звучит, мой мальчик, но слишком уж коротко для такого редкостного неизлечимого заболевания.

— Это всего лишь сокращенное название,— поспешно поправился Боб.— У него очень запутанные осложнения. Как правило, это патологическая телеангиектатическая боулимия и так далее.

— Не говори так, Боб!— взмолился дядя.— Уж слишком это страшно.

— Да, согласен с вами, страшно звучит,— поддакнул Боб.— Однако не волнуйтесь, дядя. Хоть тот человек, у которого было обнаружено это заболевание, и скончался и вообще смертность составляет все сто процентов, однако я даю пятьдесят процентов гарантии, что вы выздоровеете, если у вас хватит мужества.

Шкипер потянулся за своей трубкой и набил ее плиточным табаком, способным убить любого здоровяка.

— Тебя послушаешь, Боб, так выходит, все шансы против меня,— изрек он, выпустив облако дыма, от которого закашлялся даже такой закаленный человек, каким был его племянник.— Однако мне не терпится узнать, как ты определил, что это именно...

— О, это чистейшая случайность. А все благодаря тому, что я был минувшей ночью при вас. Если б этого не случилось, вам бы с каждым днем становилось все хуже и хуже и вы бы в конце концов попросту скончались. Но тут я вдруг обнаружил симптомы, по которым и установил роковую правду.

Виггис вздрогнул.

— Не называй ее роковой,— взмолился он.— Ведь ты сам сказал, что у меня есть шансы.

— Есть-то они есть, да все зависит только от вас, и я, признаться, сомневаюсь, хватит ли у вас силы воли подчиниться тому строгому режиму, который, по словам сэра Вильяма Гамби, единственное в данном случае спасение.

— Силы воли у меня хватит,— с раздражением заметил Виггис.— Я бы попросил тебя не намекать, что у меня ее нет. Подумай о своей бедной тетушке. Мой долг вылечиться, и, если только это возможно, я непременно вылечусь. Теперь же не теряй времени и скажи мне, как ты определил, чем я страдаю.

— Сейчас,— ответил Боб и вытащил записную книжку.

— А это еще что? — удивился Виггис.

— Заметки о ходе вашей болезни и о болезни того бедняги, который умер в страшных муках, сжимая в одной руке медицинский словарь, а в другой пустую кварту из-под экстракта лауданума, бутылку из-под мышьяка и стрихнина,— торжественно пояснил Боб.

— От этого хоть кто в муках помрет,— с беспокойством заметил Виггис.

— Да, вы правы, но только не больной хроническим кифозисом,—возразил Боб.— Помрет при всех других заболеваниях, но только не при кифозисе. А еще, дядя, там фигурирует медицинский словарь.

— Да, верно.— Виггис отложил трубку и окинул взглядом свою библиотеку.— И впрямь фигурирует.

— И в вашем случае и в случае этого бедняги налицо один и тот же симптом,— сказал Боб и вытащил из кармана пузырек с надписью «Лауданум».— Дядя, он пуст!

— Кто же его выпил?

— Вы, дядя. Минувшей ночью,— ответил племянник.— Целую пинту лауданума, и ничегошеньки не случилось!

— Да что ты! Как же я, должно быть, страдал!— воскликнул шкипер.

— Но дальше еще хуже.— И Боб извлек из кармана другой такой же пузырек.—Вот, взгляните, пожалуйста! И этого лекарства вы выпили целую пинту! Дядя, бедный мой дядя! Этого хватило бы, чтобы убить меня, Гэмбла и всю команду, вместе взятых. И все бы мы умерли в страшных муках. На вас же, дядя, оно не оказало никакого действия!

Виггис в бессилии упал на подушку.

— Как все это, Боб, ужасно и в то же время удивительно! Может, я пил что-нибудь еще? Боб, знаешь, помнится, я глотал какие-то пилюли.

Боб взревел и в ужасе воздел руки к небу.

— Пилюли, дядя! Да здесь по меньшей мере четырнадцать пустых коробок! О, теперь не остается и тени сомнения! Эта ужасная способность глотать смертельные дозы пилюль без каких бы то ни было последствий указывает на то, что у вас кифозис в самой его наитяжелейшей форме!

— Сопровождающийся телефонической эротической булямией! — задыхаясь от гордости, докончил Виггис, будто хотел особо подчеркнуть каждый слог.— Но, Боб, какая же роль в этой ужасной драме принадлежит книгам?

Боб сказал, что до сих пор все это окружено полнейшим мраком, и сам сэр Вильям признавался ему, что еще не докопался до этого. Однако сей прославленный врач придерживается мнения, что книги провоцируют особую форму церебральной гиперемии, которая ведет к гипертрофии мозговых центров, что влечет за собой экономию циркуляции воротной вены и страшный спленкник.

— В результате всего этого,— заключил свое выступление Боб,— пациент тянется к медицинским книгам и, находя в них временное утешение, внушает себе, что не может без них жить, и даже берет их с собой в постель.

При этих словах шкипер побледнел и, сунув руку под подушку, извлек «Хирургию» Ослера и трактат о тифозной лихорадке.

— Я положил их только для того, чтоб голове было повыше,— оправдывался Виггис.

— О дядя!

— Клянусь тебе, я их и до конца не дочитал,— слабо защищался Виггис.— Но давай же рассказывай, как протекает заболевание, если его не лечить.

— Если пациент не обладает выдержкой, он с каждым днем принимает все больше и больше лекарств, пока аптека не становится для него обычной закусочной, у него пропадает аппетит...

— У меня тоже пропал,— захныкал Виггис.

— Я это заметил,— сказал Боб, который знал, что «старик» ест за троих.— Постепенно исчезает сон...

— Я просто глаз не смыкаю,— скулил Виггис.

— Сила его мускулов слабеет...

— Я не подниму больше трех центнеров [1], пусть даже лопну от натуги,— жаловался шкипер.— Боб, кажется, на сей раз ты и в самом деле поставил диагноз! У меня хронический кифозис и сложная телеграфическая эмфатическая буляремия! Бедная твоя тетушка! Скажи ей, что я умер как мужчина. Пусть и редактор медицинской газеты это сообщит.

Он откинулся назад и чуть было не зарыдал. Бобу даже стало жаль его.

— Не сдавайтесь, дядюшка,— сказал племянник.— Самые хорошие новости я приберег под конец.

— Мой мальчик, не пробуждай во мне несбыточных надежд, прошу тебя. Уж коль суждено мне умереть, что ж, я умру. И все-таки меня не покидает чувство удовлетворения, когда я подумаю, какая же у меня необыкновенная болезнь, с такими безумными осложнениями!

— Да, в этом что-то есть,—согласился Боб.— Мне всегда казалось вопиющей несправедливостью умирать от такой примитивной и распространенной болезни, как обыкновенная простуда. Однако, дядя, сэр Вильям без устали внушал мне мысль, что большинство заболеваний поддается лечению, если только больному создать соответствующие условия. На следующий день после того, как тот бедняга умер от кифозиса, он сказал, что пациент этот мог бы поправиться, если б его можно было изолировать от всех лекарств и медицинских книг. «Кемп, мой мальчик,— сказал он,— если б я только мог отправить его в плавание!»

— Великий боже, так и сказал, Боб?!

— Так и сказал. Ведь если у человека, находящегося в открытом море, забрать все его медицинские книги, он не сможет пойти и купить себе другие. Лекарств ему тоже негде достать, а ведь именно эти две вещи и питают болезнь. Я повторяю вам то, что сказал мне сам сэр Вильям Гамби: если вы откажетесь от лекарств и ото всех ваших книг, у вас появятся шансы на выздоровление. Может, всего один шанс, но и его стоит испытать. Если же не откажетесь, то так со временем ослабнете, что и один центнер поднять не сможете. Вас заберут в больницу, где изолируют от книг и лекарств и где вы и умрете никому не известным. Подумайте, дядя, над этим, я же пойду сменю на мостике Гэмбла.

Он оставил шкипера погруженным в глубокие раздумья, а сам поднялся на мостик и рассказал второму помощнику, какой оборот приняло дело.

— Уж теперь я его вылечу,— поклялся великий ученик великого целителя сэра Вильяма Гамби, являющегося большим авторитетом по хроническому кифозису со всеми его наводящими ужас осложнениями.

Капитан был под башмаком у своего племянника и не осмеливался ни есть, ни пить, ни спать, не испросив на то его разрешения. Свои книги он отдавал с такими стонами, будто у него выдирали зубы.

— Можно, я хоть одну у себя оставлю, а, Боб? — умолял «старик».— Ну, хотя бы одного Ослера. Я и читать его не буду, Боб. Пусть только он лежит у меня под боком. Уже одно это принесет мне громадное утешение.

Боб был непреклонен и «старику» ни в чем не уступал.

— Дядя, именно в этом вопросе сэр Вильям был необычайно суров. Он, бывало, говорил мне: «Мой мальчик, если тебе доведется встретиться с подобным случаем, будь беспощаден и суров. Не давай бедному пациенту испытывать то чувство, которое он называет утешением. Напротив, нужно заставлять его делать то, что ему меньше всего по душе, забрать у него все книги и изъять все лекарства, а его ослабленный разум обратить к занятию, которое он больше всего ненавидит. Только на это, Кемп, вся надежда». Вот что говорил сэр Вильям, дядя. Итак, Ослер идет за борт.

Прошло какое-то время, и Боб снова проявил свою власть над шкипером.

— Дядя, мне нужен ваш градусник,— потребовал он, когда слева по борту тянулся пустынный остров Перим. «Старик» от удивления рот раскрыл.

— Откуда ты знаешь, что у меня есть градусник? — шепотом спросил он.

— Это симптом, дядя. Сэр Вильям говорил, что градусник, как правило, забирают в последнюю очередь.

Виггис, испустив глубокий вздох, вытащил термометр. Но Боб не уходил.

— Ну, что тебе еще? — вспылил шкипер.

— Еще градусник, дядя,— спокойно ответил наставник.

— Откуда ты знаешь, что у меня еще есть градусник? — удивился бедняга.

— Потому что и это симптом, дядя,— отвечал его неумолимый племянник.— Вам, дядя, меня не провести. Вы разве не видите, что я для вас делаю?

— Я вижу только то, что ты заставляешь меня испытывать всякого рода неудобства. Вот он, бери. Больше ты ничего не получишь! У меня ничего больше нет!

— О дядя, сэр Вильям...

— Будь проклят твой сэр Вильям!— завопил «старик».

— Что ж, дядя, коль вы хотите умереть в страшной агонии, зажав во рту градусник, я вам это обещаю,— с печалью в голосе сказал Боб.— В вашем солнечном сплетении возникнет сложная параплегическая спастическая неврастения, которую, о ужас, я уже предвижу.

Виггис подал еще три градусника.

— Клянусь тебе, это все,— сказал он, напуганный болезнью, угрожавшей его солнечному сплетению.— А у того, что помер от моей болезни, их много было?

Боб сказал, что, если ему не изменяет память, у того рокового пациента было всего три градусника.

Затем Боб приступил к обсуждению вопроса об алкоголе. Как оказалось, Виггис употреблял спиртное в небольшом количестве. Боб снизил это количество до минимума, а когда они достигли южной части Цейлона, его дядя уже сидел на трех рюмках в день. Боб и за его диетой следил и, по словам шкипера, буквально морил голодом. Однако всем, кроме самого Виггиса, было ясно, что благодаря беспрестанной заботе ученика сэра Вильяма Гамби «старик» стал совсем другим человеком. Его

[1] Английский центнер равняется 50,8 кг.

желтоватые щеки покрыл золотистый загар, и он хоть раз в день обязательно смеялся. Однако, как говорил Боб, сам целитель не извлек никакой для себя выгоды. И лишь когда они были уже на самых подступах к Калькутте, Боба вдруг осенило.

— Клянусь Юпитером! Как это мне раньше не пришло в голову!— воскликнул он. Спустившись вниз, Боб с озабоченным лицом подошел к дяде.— Надеюсь, дело идет на поправку. Дайте мне ваш пульс и покажите язык.

К тому времени старый шкипер стал послушным, как ребенок. Он безропотно протянул запястье и высунул язык. Закончив осмотр, Боб похлопал дядю по спине.

— Я убежден, кифозис поспешно отступает,— сказал он.— А вы, дядя, все еще испытываете потребность в книгах и лекарствах?

— Это нельзя назвать потребностью,— осторожно начал Виггис,— но бывают такие минуты, когда мне кажется, что один вид Ослера или коробки из-под пилюль принес бы мне какое-то нездоровое удовольствие. Но я изо всех сил с этим борюсь, и, должен тебе признаться, мне день ото дня становится лучше. Язык мой стал таким чистым, будто его вычистили пемзой, да и пульс, кажется, в порядке.

— В такие минуты, дядя, вы не должны оставаться наедине с собой, иначе кифозис вернется,— решительно заявил его племянник.— Сейчас у вас кризис, я вижу это по цвету ваших щек. Все идет хорошо, но не совсем так, как нужно. Сэр Вильям говорил, что в этот период пациенту лучше всего заняться работой, чтобы у него не было времени думать о своем здоровье. Тогда и солнечное сплетение восстановит свою деятельность. Но, дядя, все дело в том, что необходимо найти такое занятие, которое вам меньше всего нравится.

— Это еще почему? — удивился Виггис.

— Я не могу ответить на этот вопрос, так же как и на вопрос, почему стрихнин убивает любого, кроме кифозитика,— с глубокомысленным видом изрек Боб.— Могу вам только сказать, что сэр Вильям особый упор делал на то, что пациент должен выполнять ту именно работу, которую меньше всего любит. Итак, дядюшка, что вы любите меньше всего?

Виггис отказался отвечать на его вопрос. Он считал это в высшей степени несправедливым и уступил только тогда, когда Боб засыпал его страшным потоком медицинских терминов.

— Ладно,— наконец согласился он,— ты ведь не хуже меня знаешь, что больше всего на свете я ненавижу навигацию и математику.

— Прекрасно!— воскликнул Боб.— Итак, с настоящего времени и до самого конца нашего плавания я слагаю с себя эти обязанности, хоть и обожаю их. За меня их будете нести вы. А еще будете присматривать за Гэмблом, который не очень-то силен в этих плюсах и минусах. Может, еще что-нибудь вспомните?

Виггис поспешил заверить своего племянника, что любит все занятия на судне. Боб на это ответил, что так быть не может и что он этому не верит.

— Как раз сейчас болезнь ваша достигла той стадии, к которой сэр Вильям относился с особой серьезностью. «Кемп, мой мальчик,— говорил он,— если на твою долю выпадет удача столкнуться с другим таким случаем, не забывай ни на минуту, что пациент может легко протянуть ноги именно тогда, когда тебе кажется, что он выздоравливает».

— Неужели так и сказал? — удивился Виггис.

— Да, так и сказал,— кивнул Боб.— Еще он добавил, что больные кифозисом, как правило, протягивают ноги между полуночью и четырьмя часами утра, причем делают это во сне. Вздохнут лишь — и все.

Виггис был весьма встревожен.

— Как все это ужасно, Боб. Я теперь не рискну спать во время ночной вахты.

— И правильно сделаете,— отвечал целитель.— Для вас этот сон может оказаться роковым. Однако я очень опасаюсь, как бы вы вопреки своему желанию не заснули, и тогда мне придется сообщить тетушке дурные вести. Но если вы придумаете, как вам не заснуть, вы в полной безопасности. Сэр Вильям говорил, что существует всего один выход.

Он с тревогой взглянул на своего дядюшку.

— Все, что я могу придумать,— после долгого молчания сказал Виггис,— так это самому нести ночную вахту до тех пор, пока ты не скажешь, что опасность миновала.

Боб потер от удовольствия руки.

— Клянусь Юпитером, дядя, вы нашли очень мудрое решение! Я бы никогда не осмелился вам это предложить. Да, разумеется, это единственный выход. Я скажу Гэмблу, что нам с ним придется отказаться от наших восхитительных ночных вахт. Но какое это имеет значение? Лишь бы вам стало лучше. Через месяц к вам вернется ваш аппетит и сон, и снова вы сможете поднять добрую тысячу фунтов. Как только мы войдем в дельту Калькутты, я напишу тетушке.

К тому времени, когда они зашли в Калькутту, «старик» стал человеком. Он никогда больше не задумывался о своем здоровье, а лишь рассказывал товарищам-шкиперам, как чудом исцелился от одной редкостной болезни, о которой нигде не написано. Он называл эту болезнь такими длинными словами, что слушатели проникались к нему глубочайшим уважением и лишь диву давались, как это ему удается благополучно выговорить такие названия. Успех, которым пользовались его рассказы, льстил ему чрезвычайно, «старик» был всем доволен, Боб Кемп тоже, так как весь обратный путь он был избавлен от ночной вахты.

Перевела с английского
Н. КАЛИНИНА.

Л. Пашкова и Е. Велихов в роли супругов Васиных.

Знакомы ли вы с «соседями»?

Не так это просто — завести новое интересное знакомство. Каждый со своими делами и заботами, со своими судьбами, и подчас недостает у нас времени, чтобы внимательно присмотреться друг к другу, может быть, чему-то поучиться друг у друга... А именно такую задачу — познакомить и подружить людей — поставили себе создатели телепередачи «НАШИ СОСЕДИ». Уже несколько вечеров приглашались телезрители в гости к москвичам-новоселам Васиным, которые запросто, весело и остроумно рассказывают нам о себе, о событиях своей жизни.

Что же это за события?

...Выстроен еще один новый дом. Ждут новоселов строители, пока не ушедшие с площадки; ждут не без тревоги: ведь в одну из квартир должен въехать фельетонист Васин — кому же хочется попасть ему на зубок.

Сейчас в две квартиры приехали жильцы, и — о, ужас!— все Васины. Соседи весело знакомятся, а потом у них начинаются свои — и приятные и не очень приятные — заботы: то выскочивший кафель, то отставший плинтус, то незакрывающийся кран... Но проходит время, и жизнь обитателей нового дома начинает входить в колею. И вот уж Григорий Михайлович и Мария Васильевна Васины приглашают гостей. Первым пришел дядя Федя, на правах родственника затеявший всевозможные переделки в новой квартире. В результате все перевернуто вверх дном, а в самый разгар переполоха появляются все новые гости... Во всей этой суете и неразберихе не теряют присутствия духа лишь бабушка Серафима (баба Си) и ее внук Андрей. У бабы Си все дела на кухне спорятся, а у Андрея в руках — гитара, и он порывается спеть гостям...

Вообще Андрей — человек очень симпатичный, только вот взял да бросил учиться: не по душе оказался выбранный родителями институт, хочет сам искать свою дорогу в жизни!

Авторы телевизионной передачи «Наши соседи» рассказывают нам с телеэкрана вроде бы про самую обыкновенную человеческую жизнь. Однако в самой этой обыкновенности существует нечто такое, что заденет за живое всякую семью, заставит каждого из нас посмотреть на себя со стороны, словно в зеркало.

Это-то и нравится зрителям.

В редакцию телевизионного театра приходят письма.

«В течение нескольких месяцев я не пропускала ни одной передачи телевизионного театра «Наши соседи». Тема жизненна, поучительна... Я настолько сблизилась со всеми героями, что будет жалко с ними расстаться, когда эти передачи закончатся... С комсомольским приветом Созинова Валентина, г. Челябинск».

«...Нас, родителей, очень интересует дальнейшая судьба Андрея. Мы хотим, чтобы авторы помогли ему столкнуться с жизнью, чтобы он понял, как необходимо человеку образование, как непроста теперь и «простая» рабочая профессия. Ведь Андрей по природе неплохой парень — добрый, музыкальный, только немножко легкомысленный, увлекающийся. Ему обязательно нужны трудности, чтобы, преодолевая их, он учился бороться и стал настоящим человеком. Всего доброго, успехов вам! С уважением, «соседи» из Свердловска».

Главное то, что телезрители хотят продолжать новое, интересное знакомство. Хотят снова вместе подумать над проблемами воспитания детей, над взаимоотношениями в семье; посмотреть, как складываются человеческие судьбы и в чем залог человеческого счастья.

Н. ЗЫБИНА

CARA MIA РОССИЯ!

Пограничный город Чоп встречает гостей из Италии, прибывших в СССР с поездом дружбы... Среди толпы гостей и встречающих обращаю внимание на седовласого итальянца. Он нагнулся и набрал полную ладонь земли. Позднее, когда поезд взял курс на Киев, я нашел его в одном из купе. Звали его Луиджи. Разговорились, вспомнили Чоп, и Луиджи сказал:

— Вы не представляете, что значит для меня Россия, ее священная земля! Поверьте, я не сентиментален. Я смотрел смерти в глаза, сражался с фашистами у себя на родине. Во время войны потерял отца и мать. Всегда, когда было трудно, меня поддерживала мысль, что мы не одни, что русские парни бьют врага, защищая каждый клочок своей земли. Вам было во сто раз тяжелее, я знаю, но вы не дрогнули, и это помогало нам тогда. У нас в отряде было несколько русских, бежавших из концлагерей. Они хорошо дрались. Глядя на них, мы понимали, что такое русский солдат... Вот почему в Чопе я взял горсть русской земли, сказав про себя: Cara mia Россия! (дорогая моя Россия)...

В купе заходили друзья Луиджи, садились рядом, стояли в дверях. Многие из них тоже участвовали в движении Сопротивления.

— В годы войны наш городок Луго был полностью разрушен,— вспоминает Лоренцо Величчи.— Он расположен на живописной равнине, между реками Сенио и Сантерно. Шел 1944 год, и чувствовалось, что близок конец войне. Преступников ждала расплата, и от этого они зверели еще больше. У меня был друг, семья которого помогала партизанам. Однажды вечером фашисты окружили его дом. Они вырвали у моего друга ногти, раздробили суставы и забили гвозди в руки и челюсти, а на рассвете следующего дня расстреляли его. Я думал тогда только о мести. Но это было не так просто. За каждого убитого фашиста каратели сразу же расстреливали десять мирных жителей. Я нашел другой путь: доставал оружие партизанам, перерезал связь, взрывал железнодорожные мосты, расклеивал листовки.

А потом посыпались вопросы о нашей стране, о том, как мы живем, как работаем. Итальянцы расспрашивали обо всем, начиная с политики и кончая ценами за проезд в трамвае. Это продолжалось до поздней ночи.

— Почти на каждой улице у вас,— обратился ко мне Волпи Джованни,— можно увидеть объявление: «Требуются на работу...» Неужели так легко поступить на завод?

— Конечно,— ответил я.

— На работу требуются люди, какие же вы счастливые! У каждого есть работа. А у меня ее нет,— вздохнул Джованни.— Я фрезеровщик и работал на американской фабрике электронно-вычислительного оборудования. Двадцать лет подряд трудился на хозяев, и вот в 1968 году меня уволили. За что? Я был секретарем профсоюза и, естественно, вел политическую работу среди служащих. Хозяева узнали и выгнали меня с работы. Когда они объявили об этом, рабочие устроили забастовку. Тогда меня обвинили в коммунистическом подстрекательстве, и вот уже два года я не могу найти работу.

— Мы давно мечтали увидеть вашу страну своими глазами,— сказал мне по окончании поездки Фонтанно Аделио.— С поездом дружбы мы побывали в Киеве, Москве и Ленинграде. За десять дней Советский Союз стал для нас еще более близким и родным. Мы видели грандиозные новостройки, чистые города с зелеными улицами, где чувствуешь себя человеком, а не придатком машины. У вас все делается для человека. Мы видели спокойные лица советских граждан, которым не надо бояться, что они могут потерять работу.

С добрыми чувствами покидали итальянские друзья нашу страну, увозя с собой теплые воспоминания о встречах с союзниками по классу.

Ю. РОДИОНОВ

●

Георг Отс в роли Кола Брюньона

Народному артисту СССР Георгу Карловичу Отсу исполнилось 50 лет.

Георг Отс в расцвете творческих сил. И, как всегда, он любим поклонниками всех музыкальных жанров: оперы и эстрады, оперетты и романса, советских и народных песен.

— Чем знаменателен для вас нынешний год?— спросил артиста Георга Отса корреспондент «Огонька».

— Как коммунист я стремился отметить столетие со дня рождения Ленина наиболее яркими художественными работами. Одной из них оказался для меня образ Мересьева в опере Прокофьева «Повесть о настоящем человеке». Мне также интересно было готовить партию Порги в опере «Порги и Бесс» Гершвина, центральные роли в «Риголетто» и «Джиоконде»... С удовольствием пел я и в эстонских национальных операх. Особенно люблю роль Олава в опере Эвальда Аава «Викерцы»...

— А ваши главнейшие планы?

— Их много. Самой интересной и знаменательной я считаю заглавную роль в опере Кабалевского «Кола Брюньон».

Работа шла вместе с композитором. Мы оба испытываем чувство большого увлечения. Атмосфера творчества обогащает душу, и я уже чувствую себя Кола Брюньоном, полным жизнелюбия и чувства дружбы к людям.

П. ЛУГОВСКОЙ

К СВЕДЕНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ

ПРИЛОЖЕНИЯ К «ОГОНЬКУ» НА 1971 ГОД

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ А. С. МАКАРЕНКО В 5 ТОМАХ

Том первый. Педагогическая поэма, части I и II.

Том второй. Педагогическая поэма, часть III. Марш тридцатого года.

Том третий. Флаги на башнях.

Том четвертый. Книга для родителей. Рассказы.

Том пятый. Честь. Статьи о литературе. Переписка А. С. Макаренко с А. М. Горьким.

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ А. С. ГРИБОЕДОВА В 2 ТОМАХ

Том первый. Драматические сочинения.

Том второй. Стихотворения. Статьи и заметки. Путевые записки. Письма.

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В. Г. КОРОЛЕНКО В 6 ТОМАХ

Том первый. Рассказы и очерки.

Тома второй, третий и четвертый. Повести и рассказы.

Тома пятый и шестой. Очерки.

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ А. А. БЛОКА В 6 ТОМАХ

Тома первый, второй и третий. Поэтические произведения разных лет.

Том четвертый. Драматические произведения.

Том пятый. Очерки, статьи, речи.

Том шестой. Из дневников и записных книжек 1901—1921 гг.

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ГЮСТАВА ФЛОБЕРА В 4 ТОМАХ

Том первый. Госпожа Бовари.

Том второй. Саламбо. Искушение св. Антония.

Том третий. Воспитание чувств.

Том четвертый. Кандидат. Легенда о св. Юлиане Страннопримце. Простая душа. Иродиада. Бувар и Пекюше.

ДАНИЭЛЬ ДЕФО — один том: Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо.

Собрания сочинений будут иллюстрированы.

Кроме того, выйдут в свет 24 книги советских и иностранных писателей в малой «Библиотеке «Огонек».

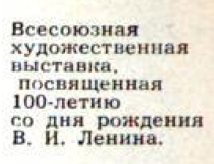
Подписка на журнал «Огонек» и литературные приложения к нему принимается в городских отделениях «Союзпечати», конторах и отделениях связи, а также уполномоченными на заводах и фабриках, шахтах, промыслах, стройках, в колхозах и совхозах, учебных заведениях и учреждениях.

Редакция журнала «Огонек» и издательство «Правда» подписку не производят.

В. Третьяченко (Кишинев). ЗВЕНЬЕВАЯ.

Всесоюзная художественная выставка, посвященная 100-летию со дня рождения В. И. Ленина.

Всесоюзная художественная выставка, посвященная 100-летию со дня рождения В. И. Ленина.

Р. Абдурашитов (Душанбе). ЦЕЛИННИКИ.

У. Тансыкбаев (Ташкент). НА ЧАРВАКСКОЙ СТРОИКЕ.

Лев ФИЛАТОВ

ПРАВДА — В АТАКЕ

ЗАМЕТКИ ЖУРНАЛИСТА О ЧЕМПИОНАТЕ МИРА ПО ФУТБОЛУ

Оперативные репортажи с места спортивных событий нередко заканчиваются фразой: «Итоги соревнования еще будут подробно изучены и обсуждены». На первый взгляд может показаться, что это отписка, выдающая либо некомпетентность, либо нерешительность журналиста. Между тем повременить с обобщениями и выводами бывает полезно. Спортивное зрелище имеет два плана. Первый лежит на поверхности, он эмоционален и азартен, наблюдатель не в силах не стать соучастником, болельщиком, он радуется, сердится, впадает в отчаяние, порой преувеличивает значение мелких эпизодов и ошибок. И малo толку, если в таком состоянии он начнет то рубить сплеча, то возносить до небес. Но проходит время, оседает муть пустяковых обстоятельств, и тянет разобраться в глубинном смысле событий, в их подоплеке. Ведь как бы ни были причудливы, нечаянны, удачливы или, наоборот, досадны и нелепы возникающие в ходе борьбы всевозможные происшествия, общая картина неизменно остается логичной, и любое так называемое «невезение» имеет свое обоснование. Так возникает второй план.

Двуплановость восприятия особенно очевидна в таком соревновании, как чемпионат мира по футболу, где поначалу на счету каждый невозвратимый промах и где в конечном итоге торжествует игровая справедливость.

Поскольку какое-то время уже прошло, хотелось бы спокойно поговорить о смысле мексиканского турнира.

Давно уже принято судить о состоянии футбола, о тенденциях его развития в зависимости от итогов чемпионатов мира, разыгрываемых раз в четыре года. Хотя в этом промежутке проводится немало других больших турниров как для сборных, так и для клубов, все равно никто не спешит с выводами до чемпионата. На мой взгляд, эта особая роль отведена ему по той причине, что в матчах чемпионата уровень игры проверяется уровнем борьбы. Ни в одном другом турнире так высоко не котируется победа, нигде не проявляются так контрастно разные истолкования футбола.

Мексиканскому чемпионату предвещали неудачу, опасались, что жара и высокогорье смажут общую картину, помешают разглядеть, чем же живет сейчас мировой футбол. Кое-что и в самом деле было искажено. Издевательством над футболистами и пренебрежением к интересам игры выглядело то, что несколько важных матчей начинались в полдень, когда нестерпимо палило солнце. Однако в целом чемпионат удался и создал представление не только о расстановке сил, но и о генеральной линии футбола наших дней.

Чрезвычайно любопытна и в своем роде драматична судьба команды Италии. В ней, как мне кажется, отразилось главное противоречие, существующее сейчас в мировом футболе. В высоком классе этой команды сомневаться не приходится: в 1968 году она стала чемпионом Европы, теперь же как бы подтвердила свое звание, оказавшись второй вслед за сборной Бразилии. Но, не расшифровав ее успехов, мы мало что поймем. В 1968 году итальянцы сначала сыграли 0 : 0 с нашей сборной и вышли в финал по жребию. Затем сыграли 1 : 1 с командой Югославии, сравняв счет за 9 минут до конца, и лишь в повторном матче (2 : 0) стали чемпионами континента. На мексиканских стадионах путь сборной Италии выглядел так: выигрыш 1 : 0 у сборной Швеции, две нулевые ничьи со сборными Уругвая и Израиля, 4 : 1 — у сборной Мексики, 4 : 3 — у сборной Западной Германии и поражение от бразильцев в финале 1 : 4.

В групповом турнире, после того как на 10-й минуте первого матча со шведами Доменгини забил гол, итальянцы фактически больше ни к чему не стремились, они свято верили в непроницаемость своей обороны, сознательно практично шли на нулевые ничьи, подсчитав, что они гарантируют им нужное количество очков.

В матче с командой Мексики итальянцы пропустили гол. И тут, будучи приперты к стене и поняв, что стыдно проигрывать весьма средней команде, они взялись атаковать и легко победили. В полуфинальном матче со сборной Западной Германии, рано забив гол, итальянцы добровольно выбрали глухую защиту, игру в одни свои ворота, надеясь, что гола им будет достаточно. Их соперник получил полную инициативу, и только чудо спасло итальянцев. Лимит на чудеса был исчерпан на последней минуте, когда Шнеллингер сравнял счет. В дополнительное время немцы забили второй гол. И тут, как и в матче с мексиканцами, оказавшись в отчаянном положении, итальянцы отступили от своих привычных канонов, пошли на азартный обмен атакующими ударами и были вознаграждены победой, которую скорее всего следует признать самой эффектной на чемпионате. В решающем же матче с бразильцами итальянцы вновь, как черепаха, спрятались под панцирем обороны, что и обрекло их на беспросветное прозябание.

Всю эту историю можно было бы и не восстанавливать в памяти, если бы ее мораль состояла только в том, что сборная Италии исповедовала футбол оборонительного плана. Но дело обстоит несколько сложнее. Дважды мы становились свидетелями пробуждения этой команды, ее готовности и умения сыграть в открытом атакующем плане. Откуда же это бралось?

Уверен, что сборная Италии могла сыграть гораздо сильнее и оставить о себе не противоречивое смутное воспоминание, а вполне четкое и яркое. В ее метаниях от 0 : 0 с примитивной командой Израиля к 4 : 3 с мощной сборной Западной Германии выразились вовсе не игровые, чисто футбольные качества. В них проявилось отсутствие ясной собственной линии поведения на поле, какое-то непонятное неверие в свои силы, если хотите, спортивная беспринципность.

По своему техническому уровню, по международному опыту, по набору «звезд» (Альбертози, Бургнич, Факкетти, Маццола, Доменгини, Ривера, Рива) сборная Италии не уступала никому, в том числе, пожалуй, и бразильцам. Но впечатление, несмотря на турнирный успех, оставила не блестящее: уж очень ей недоставало смелости. Если команда Уругвая, боевые порядки которой тоже были перекошены в сторону обороны, ни разу не показала себя способной атаковать и забивать голы, то команда Италии, напротив, дала понять, что она умеет делать эту веселую футбольную работу. Но, увы, от случая к случаю, при крайней необходимости.

В этом двуликом облике второго призера мексиканского чемпионата выпукло выразилась борьба старого и нового в футболе.

Было время, когда вера в незыблемость обороны, в то, что счет 1 : 0 должен гарантировать победу, а 0 : 0 — тоже неплохо, поскольку прибавляет турнирное очко, начала было завоевывать умы сначала руководителей команд, а потом и футболистов. Кстати говоря, в Европе в этом смысле «шли впереди» как раз итальянцы. Но эта глухая пора обязана была пройти, потому что она противоречила и законам игры, где на каждое ухищрение обязательно находится ответный ход, и противоречит естественному самовыражению нового поколения игроков, жаждущих заявить о себе голами, и, наконец, интересам зрителей.

В общем-то так и вышло. Еще на предыдущем чемпионате англичане защитили идею общей высокой подвижности игроков, идею атаки крупными силами с участием защитников. Чемпионы этого года, бразильцы, приняв и утвердив эту идею, придали ей исполнительский блеск. Не будем вдаваться в подробности, исследовать отличие игровой манеры бразильцев и, скажем, команд Англии и Западной Германии. Отметим главное, то, что было у них общим: все они выходили на поле для того, чтобы вести наступление. У ведущих команд атака была делом не выдвинутых вперед двух нападающих, как у итальянцев (Рива, Бонисенья) и уругвайцев (Кубилла, Эспарраго), а всех игроков. Прежнее разделение задач между разными линиями становится все более условным, вперед идет каждый, как только обстоятельства это ему позволяют. И полузащитники и защитники ведут наступательную работу с полным знанием дела, тактически грамотно, технично. Это уже не выпады и не рейды, как бывало раньше, а постоянное обязательное участие всех в наступлении.

Короче говоря, на мексиканском чемпионате стрелка барометра показала «атаку». Четыре года назад в Англии было забито 89 голов, на этот раз — 95. Чемпионы, сборная Бразилии, в 1958 году забили 16 мячей, в 1962-м — 14, а нынче — 19. Пусть разница не столь уж разительна, но тенденция очевидна.

Ну, а тот факт, что второе и четвертое места заняли команды Италии и Уругвая, связывавшие основные свои надежды с обороной, как раз и подчеркивает всю серьезность борьбы между противоположными истолкованиями футбола. Противоречия эти, разумеется, не разрешены полностью, но на чьей стороне истина, достаточно ясно.

Как же на этом фоне выглядела наша сборная?

Еще задолго до чемпионата старший тренер сборной Г. Качалин недвусмысленно заявлял, что намерен создать команду атакующего плана. Не приходилось сомневаться ни в правильности этого плана, ни в искренности тренера. Было памятно, как под руководством Качалина отважно сражалась на своем первом чемпионате мира в 1958 году наша сборная, причем ей тогда достались, как нарочно, на редкость сильные противники. Наша сборная, будучи не искушенной в такой борьбе, не уронила своего достоинства, осталась верна наступательному стилю. Спустя два года сборная во главе с тем же тренером завоевала Кубок Европы.

В преддверии мексиканского

чемпионата мы со смешанным чувством тревоги и надежды следили за своей обновленной сборной. Время шло, она играла, но нам все не удавалось понять, как же она строит игру, во что верит, на что надеется. С тем мы ее и проводили в Мексику. Оставалось ждать, что там, когда грянут ответственные матчи, она наконец раскроется.

Три первых матча в групповом турнире не были показательны, соперники попались весьма средние. И вот пришел день первой по-настоящему серьезной встречи в четвертьфинале со сборной Уругвая. Как я уже отметил, команда эта играет в медленный, мелкий, обстоятельный, скучноватый, оборонительный и грубоватый футбол. Казалось бы, все ясно, ее можно переиграть с помощью смелого широкого маневра, темпа, нарастающего движения. Именно эти достоинства традиционно были присущи нашему футболу. Да и неспроста в прошлые годы наши футболисты регулярно побеждали уругвайских. Но то, что мы увидели в тот день на поле «Ацтека», полностью противоречило всем нашим привычным представлениям и здравому футбольному смыслу. Все смешалось в доме нашей команды. Вместо атаки — оборона, вместо своего темпа — чужой, невыгодный, уругвайский, вместо размашистых комбинаций — индивидуальные единоборства, в чем противник заведомо сильнее. Роли поменялись: уругвайцы вопреки всем прогнозам вместо того, чтобы оборонять свои ворота, непринужденно шли вперед, а наша команда отбивалась силами пяти защитников. Красная цена такой игре — нулевая ничья. Но на 116-й минуте, в дополнительное время, наши все-таки пропустили единственный мяч. Сгоряча поражение объясняли зевком голландского судьи, не увидевшего, что мяч до этого перешел линию ворот. Но в такой версии мало толка, когда совершенно ясно, что 116 минут наша команда играла из рук вон плохо.

Что это, нечаянный срыв?

Да нет, уже и в матчах с командами Мексики и Сальвадора чувствовалось, что наши играют неубедительно, что команда делится на оборонительную сильную линию и слабую атакующую и что линии эти связаны между собой на живую нитку.

Как это ни грустно, но приходится признавать, что проигрыш уругвайцам был не просто неудачным матчем, он продемонстрировал наше отставание в области футбольных идей. Да, мы еще не вырвались из плена оборончества, тогда как многие другие команды продвинулись далеко вперед в поисках новых форм атаки. В этом смысле мы оказались ближе к итальянцам, чем к сборным Бразилии, Англии и Западной Германии.

Вернувшись из Мексики и наблюдая за матчами нашего чемпионата, я невольно искал в них разгадку этого отставания.

Вот три матча, сыгранные в Москве: «Динамо» (Москва) — «Динамо» (Киев), «Торпедо» (Москва) — «Динамо» (Киев) и «Торпедо» (Москва) — ЦСКА. В этих матчах были заняты четыре знатных клуба, возглавлявшие в тот момент турнирную таблицу. Все матчи закончились с одинаковым счетом — 1 : 0.

Сам по себе этот распространенный в футболе счет, разумеется, не компрометирует команды. Напомню, что сборная Бразилии выиграла у англичан в Гвадалахаре с таким же итогом. Но разница принципиальная. Если у бразильцев и англичан этот счет возник как бы сам собой и было ясно, что ни одна из сторон не планировала минимальной победы, а, напротив, была бы не прочь забивать и забивать, что подтверждалось непрерывными острыми атаками, то в трех матчах наших лидирующих клубов чувствовалось, какое сильное влияние оказывал на них этот единственный мяч. Те, кто его забивал, выказывали полное удовлетворение, считая свою задачу выполненной, и не прочь были оставшееся до конца время провести в обороне. Те же, кто пропустил, только тогда и кидались вперед, как пришпоренные, словно до этого момента можно было особенно и не стараться.

Есть тут и еще один существенный момент. Какую игру мы вправе рассматривать как атакующую? Если команда гонит мяч на чужую половину поля, но при этом неизменно застревает где-то возле линии штрафной площади и не тревожит вратаря соперников, то это работа вхолостую, это видимость активности, которая не дает оснований ни тренеру, ни футболистам заявить: «Но мы же наступали». Атака реальна, когда штрафная площадь становится районом боевых операций, когда в нее врываются нападающие и обстрел ворот ведут неожиданно и с близких дистанций. Только тогда голы неотвратимы.

Эту оговорку я считаю необходимой, потому что уж очень часто слышны эти самые оправдания: «Но мы же наступали». Попытки выдать за атакующий футбол розыгрыш комбинаций на подступах к штрафной площади смещают понятия, сбивают с толку. Бразильцы делали по десятку передач в середине поля, но едва улавливали благоприятный момент — шли на внезапный завершающий взрыв. Не раскидка мяча, а эти взрывные операции сделали их чемпионами. Перекидываться же мячом достаточно хорошо умели и уругвайцы. И даже сальвадорцы.

После чемпионата мира у нас принято проводить ревизию всего футбольного хозяйства. Нет сомнений, что в каждом поражении в той или иной мере отражаются различные пробелы и недоработки. Мне же хотелось здесь обратить внимание лишь на то, что особенно бросалось в глаза на «Ацтеке» при сравнении игровых принципов нашей сборной с теми принципами, которыми руководствовались команды, задававшие тон на чемпионате. Думаю, что в неудаче нашей сборной в конечном итоге отразилась и невысокая результативность наших клубных команд и то, что обороняться они все-таки умеют лучше, чем атаковать, и, во всяком случае, делают это охотнее, увереннее.

Общие интересы требуют поощрять поиски атакующего футбола и стимулировать их. Уроки чемпионата должны заставить нас ориентироваться на здоровые силы в нашем футболе и критически отнестись к той «солидной» нулевой игре, которая ныне становится бесперспективной.

ПАМЯТИ ДРУГА

Бывает дружба, о которой невозможно рассказать словами. Она не заключается ни в веселом застолье, ни в деловых связях, ни в общности каких-то чисто житейских интересов... Наша дружба с Вано Ильичом Мурадели была именно такой: жизнь вот уж около двадцати лет шла буквально бок о бок, дверь в дверь. И только теперь я понимаю, как каждое утро мне был необходим ровно в восемь утра его первый аккорд, который неизменно слышал я все эти годы, когда Вано Ильич садился за рояль... По утрам я опять прислушиваюсь, все жду... но аккорда нет и больше никогда не будет! Вано Ильича Мурадели больше нет с нами. Нет больше с нами человека кипучей энергии, искрометного темперамента, того, кто уже присутствием своим зажигал сердца огнем неуемной деятельности, великой трудоспособности, жизнелюбием. Песни Вано Мурадели, такие, как «Бухенвальдский набат», «Марш молодежи мира», цикл песен «В единстве наша сила»,— ярчайшее выражение его натуры, его гражданственного отношения к жизни. И если их поет весь мир — значит беспредельной была широта его натуры, ее всечеловеческий охват.

Непрост был путь композитора в искусство. Старинные народные песни, которые в семье страстно любили, стали первыми уроками музыки для Вано. Это они разбудили душу мальчика для творчества, неодолимую тягу к искусству песни. Что мог он показать в музыкальном училище, куда пришел после школы? Он умел только петь! И его приняли... на вокальное отделение. Потом Тбилисская консерватория, композиторское отделение Московской консерватории, и вот в 1936 году звучат по радио первые песни Мурадели — «Грузинская песня», «Праздник в колхозе», «Песня пастуха» — музыкальные новеллы о людях, вместе с которыми прошло детство композитора.

Молодежь давно поет его песни, песни борьбы за мир, целинные, колхозные, матросские. Он все умел писать: и симфонию, и оперу, и песню, и танец, и оперетту! Причем все получалось добротно, художественно.

У него все звучало, все пелось... Были довольны и артисты и слушатели... Это ли не композиторское счастье?!

Мурадели отдавал много времени общественной работе, понимая ее как вторую сторону нашего творческого дела, как естественную необходимость!

Нельзя забыть наши творческие собрания в Союзе композиторов, различные вечера, на которых Вано всегда блистал ораторским искусством, остроумием, обаянием.

Уж давно существуют объемистые партитуры симфоний Мурадели, о композиторе написаны книги... Мы говорим: «Он будет жить для нас в своей музыке!..» Но что может заменить утраченное нами счастье человеческой близости, искреннего пожатия руки, тепла дружеской улыбки. И, скорбно склонив головы, мы снова и снова мысленно перебираем воспоминания, пересматриваем встречи с человеком, значение которого в нашей жизни было так велико.

Композитор
Анатолий НОВИКОВ

ЛЕСТЕР — ЭТО ПОБЕДА!

Всю неделю внимание любителей спорта было приковано к английскому городу Лестеру, где проходил чемпионат мира по велосипедному спорту на треке и шоссе. Исключительно удачно выступили советские спортсмены.

Серия их замечательных побед началась с того, что Галина Царева завоевала золотую медаль в спринтерской гонке на треке, а ее подруги по команде Галина Ермолаева и Валентина Савина получили призовые медали двух следующих достоинств. Таким образом, на пьедестале почета ни для кого больше не оказалось места.

Советские велогонщицы продолжили свой победный путь, не отдав никому первенства и в других номерах программы. Тамара Гаркушина стала чемпионкой мира в индивидуальной гонке преследования на 3 километра, а дебютантка чемпионата Анна Конкина победила в семидесятикилометровой гонке. Две призовые медали завоевала и Раиса Ободовская.

Советские трековики добились всего лишь одной призовой медали (С. Кравцов — третье место в гите на 1000 метров), но зато наши шоссейники под занавес чемпионата достигли поистине сенсационного успеха. В командной гонке на 100 километров Валерий Лихачев, Владимир Соколов, Борис Шухов и Валерий Ярды прошли дистанцию за 2 часа 12 минут 18 секунд, оставив позади команды Чехословакии и Голландии. После победы Виктора Капитонова в стокилометровой гонке на олимпиаде в Риме это второй успех наших шоссейников такого масштаба.

Виктор Капитонов готовил нашу славную четверку к выступлению на дорогах Англии.

В. АРХИПОВ

История — герой — биограф

Прозаически это называется так: «Жизнь замечательных людей. Серия биографий. Основана в 1933 году М. Горьким». Выпускается издательством ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».

Это краткое наименование. Но сейчас, когда порядковый номер серии, перевалив отметку 400, неуклонно приближается к 500-й и скоро будет штурмовать эту вершину,— сейчас ограничиваться краткой аннотацией серии (в которой, кстати, нет решительно ничего «серийного»!) уже нельзя. Сейчас мы обязаны сказать, что перед нами значительное явление советской социалистической культуры, наследующей, критически усваивающей, по слову Ленина, все запасы знания, которые **человечество** выработало под гнетом капиталистического общества, помещичьего общества, чиновничьего общества.

Таков пафос горьковского начинания в его реализации.

И все это, безусловно, обязывает. Большая популярность этой серии предъявляет к ней повышенные требования и научно-методологические, и технико-издательские (в чем, кстати, достигнуто немало: книги серии, как правило, оформлены интересно и своеобразно), и строго научного комментирования.

Но, говоря так, мы имеем в виду все что угодно, кроме стандарта. Не исключая и методологического. Марксистско-ленинская методология — методология бескрайнего простора исследования. Самое главное ее требование — идти за предметом, понять его в его общности и особенности, во всей прелести его живой жизни. Не в этом ли суть основного положения диалектики, на котором настаивали Гегель, Плеханов, Ленин,— **истина конкретна!** Не потому ли Энгельс не скрывал презрения к тем, кто к материалистической диалектике относился как к всеобщей отмычке, не требующей знания предмета?!

Полагаем, что все это — непременное условие данного издания вообще, говорим ли мы о таких авторах, как Моруа, Стефан Цвейг, Карл Сэндберг или Луначарский, Паустовский, Чуковский. Последние книги — «Силуэты» Луначарского, «Современники» Чуковского,— написанные мастерами слова, стали классикой портретной живописи. В них запечатлены неповторимые черты деятелей русской литературы и революции, схваченные на лету, в действии, в простоте и естественности великих дней, в период высшего проявления личности. Здесь никто никому не позировал, не говорил «улыбнитесь», «спокойно — снимаю», здесь жизнь запечатлена, как она есть. И еще: здесь замечательные люди рассказывали о замечательных людях. Рассказывая о других, рассказывали о себе — писали свой автопортрет, автосилуэт, писали современность, еще не ограненную, не прокорректированную годами.

Эти книги представляют особую ценность и значимость. А издание их — особую трудность. В них волей-неволей может просочиться мимолетное, случайное, что не утвердилось и не подтвердилось временами; в них может быть наносное, субъективное, стоящее за пределами изображаемой личности. Такие книги требуют выверенного, научного комментирования.

Следовательно, аппарат серии должен соответствовать достоинству издания, его идее, его характеру, должен быть на уровне целого. Коротко говоря, он должен быть объективным, чуждым пристрастия и не преследовать вненаучных целей.

А цель издания, как она представлялась Горькому и как она выявилась за (почти) четыре десятилетия существования серии, возвышенна и благородна: формировать человека нашего общества, повышать культуру его, воспитывать патриота-интернационалиста, воспитывать современников подвигами предков. Здесь историческая героика сближается с героикой наших дней, проясняет и оплодотворяет ее. Здесь история становится современностью, а современность раскрывается в своей всемирно-исторической значимости. Эта слиянность истории и современности, при которой еще продолжающееся событие уже возвысилось до уровня исторического свершения, отражено в ряде книг серии и в последней из них — «Полководцы и военачальники Великой Отечественной».

Эта книга написана видными военными деятелями — генералом армии С. М. Штеменко, маршалом М. В. Захаровым, генералом армии П. И. Батовым, генерал-полковником артиллерии Ф. А. Самсоновым — о боевых друзьях Антонове, Малиновском, Рокоссовском, Головко, об их подвиге. Книга эта является как бы продолжением другой книги — «Герои гражданской войны» и составляет вместе с ней одно повествование о защите советским народом социалистического Отечества, о том, как революция разбудила массы, о патриотическом подвижничестве миллионов. Наконец, книги эти — волнующий рассказ о талантливости нашего народа.

С точки зрения философии истории здесь жизнеописание замечательных людей перерастает в описание жизни замечательного народа. И в связи с этим можно сказать, что революция, движение масс положили конец пресловутой теории «героев и толпы».

Совершенно очевидно — мы только в самых общих чертах пытаемся определить политическое, философское, историко-культурное и воспитательное значение знаменитого горьковского начинания. Оно развивается, продолжает жить, не исключено, что возникнет в этой орбите нечто новое — новые формы, новые жанры.

И они возникают. Я имею в виду такие книги, как «Грузии сыны», где рассказано о ярком созвездии сынов древнего талантливого народа, представлен цвет нации.

Видимо, к этому же типу следует отнести и сборник «Сподвижники Чернышевского» — плод труда многих авторов. Подобные книги подтверждают историческую о б я з а т е л ь н о с т ь появления и характера деятельности поэта, ученого, политика.

Дорогу делает не первый, дорогу делает второй — счастливая находка поэта Сергея Орлова. Она тоже формулирует мысль об обязательности истории, о перерастании подвига отдельного героя в движение масс, о связи последующего с предыдущим, о том, что работа замечательного человека является ответом на требование времени.

В книге «Сподвижники Чернышевского» работа великого русского демократа раскрывается как этап национального развития. «Оглядываясь на славный путь, пройденный нашей страной за последнее столетие, мы видим у истоков этого стремительного процесса славную плеяду революционеров», поднявших знамя борьбы против всякой эксплуатации. Они пролагали дорогу к истинно научной теории — марксизму, к новым формам «экономической жизни России»,— говорит составитель (Ю. Куликов), четко характеризуя место в истории Чернышевского и его соратников.

Книга написана взволнованно, как об очень близком и дорогом. И что замечательно: книгу писали 8 человек, есть у нее и составитель, но она не похожа на сборник, в ней достигнуто определенное единство стиля. Качество, несомненно, положительное и не частое в подобных изданиях. Горьковская серия заявила о себе как требование стиля, как явление стиля.

Но здесь обязательно следует сказать и о том, что некоторые книги, вышедшие в серии, не соответствуют ни ее характеру, ни замыслу ее основателя. Они идут наперекор горьковской идее, они не рассказывают об истории, а переиначивают ее. В них не ищите истории, не отыскивайте черт замечательного человека и его времени. В них в лучшем случае пристрастие автора к излюбленной мысли, олицетворенной в том или ином герое. Испытываете вы, например, род недуга, тяготение к скептицизму как некоему животворящему историческому началу — тогда создавайте апофеоз Чаадаеву, ведите от него всю русскую литературу, отдавайте ему в ученики Пушкина и Гоголя, Лермонтова и Герцена, оправдывайте его болезненное тяготение к Западу вообще и католицизму в особенности, как это сделал А. Лебедев в книге «Чаадаев» (о чем в свое время убедительно писал академик Н. Дружинин на страницах журнала «Коммунист»). Процитируйте к тому же софизмы Чаадаева о России — и вы сами не заметите (или заметите?), как будет перечеркнута вся история народа от начала до конца, его настоящее, прошедшее и будущее.

К тому же такие операции могут быть хлестко, броско, занятно сделаны. Но какими бы способностями ни обладал автор подобных книг, единственным результатом его работы может быть только искусная фальсификация истории. В подобных случаях историческая личность выступает не в своей собственной роли, а принимает участие в некоей «постановке по сценарию», созданному литератором отнюдь не с целью познания исторической истины. Об истории здесь и говорить нечего — она превращена в комедийную храмину. Ее функция подчиненная, чисто служебная. Истории дано задание «агитнуть» за какую-нибудь залежавшуюся, подмоченную идейку. Только и всего.

Но встречаются и другого рода отклонения от горьковского замысла. Некоторые книги, изданные в серии, не выпали из нее, как это случилось с книгой А. Лебедева, но и не вошли в нее органически, хотя имеют порядковый номер и соответствующую обложку. Речь идет не об историческом маскараде, не о произвольном сближении фактов, когда современность насильственно заставляют смотреться в зеркало прошлого, а прошлое искусственно проецируют в настоящее без учета угла преломления, без знания законов оптики временных расстояний. Речь идет о том, что герои некоторых к н и г н е п р о п и с а н ы в и с т о р и и. Что же, они не имели такой прописки или потеряли ее по своей вине или, может быть, по вине «паспортиста»? Очевидно, что определить личность — значит очертить пафос ее деятельности в отношении к пафосу национального развития, без этого человек превращается, по выражению Белинского, в беспачпортного бродягу,— у него нет вида на жительство, он вычеркивается из истории своей страны и, следовательно, из истории вообще.

Чтобы вести этот разговор предметно, обратимся к одному из последних выпусков серии — к книге Феликса Кузнецова «Публицисты 1860-х годов. Круг «Русского слова». Григорий Благосветлов, Варфоломей Зайцев, Николай Соколов».

Как видим, книга посвящена деятельности трех крупных представителей русской демократической мысли, которые после Чернышевского и Добролюбова в условиях спада общественного движения продолжали дело русской революции. Книга вполне может служить материалом для выводов и заключений. Автор ее — сложившийся историк русской журналистики и публицист, очень чуткий к духу времени. И книга его — плод многолетнего, кропотливого труда и терпеливых архивных поисков, в результате чего воскрешены подробности прошлого, уточнены факты, установлены личные связи, казалось бы, разобщенных лиц — восстановлена фактура истории. Имея пристрастие к изучению общего, Феликс Кузнецов счастливо соединяет это с любовью к реставрации мелочей жизни, умением угадать интересное.

И при всем том книга не состоялась. В ней нет ответа на главный вопрос: в чем национально-историческое значение журнала «Русское слово» и его участников. Какую особую роль они выполнили, какую идею несли, что сделали в направлении генерального развития нашей истории — на перевале от второго этапа освободительной борьбы, революционно-демократического, к третьему, пролетарскому? А ведь в этом суть всей эпохи, в которой жили и работали Благосветлов, Зайцев, Соколов. В их поисках и сомнениях, разочарованиях и надеждах, падении и взлетах зачастую в зыбкой и противоречивой форме рождалась великая идея века, подготавливался переход к марксизму как единственно правильной революционной теории, выстраданной (Ленин) Россией.

И вот этого-то, главного, в книге Кузнецова и нет. А без этого нет и книги. Высказав абсолютно верную мысль о различии форм революционно-демократической идеологии и их изменчивости в зависимости от ситуации, автор тут же объявляет «отступления» героев своей книги от позиции Чернышевского потерей «истинности» мировоззрения; отсутствие у них веры в близкую победоносную крестьянскую революцию — падением с теоретических высот, достигнутых классиками революционной демократии; то, что они не считают патриархальную крестьянскую общину ячейкой будущего социалистического общества, без дальних рассуждений квалифицируется как «неорганичность» утопий публицистов «Русского слова».

Если мы сюда прибавим «растерянность», «снижение» уровня, «философскую необразованность», «ошибки» и другие подобные определения в качестве объяснения теории «реализма» Писарева, веры знаменитого критика в «мыслящий пролетариат» или для уяснения антиэстетизма и утилитаризма Зайцева, то мы получим довольно полное представление о методологических просчетах данной книги. Ибо современная историческая наука иначе смотрит на эти проблемы. Не ошибки, а концепция, говорит она, не растерянность, а выход за границу данного воззрения и поиск нового ответа «на проклятые вопросы» времени, не просто «снижение уровня», а поиск новых высот, не движение вспять, а развитие по спирали; и не «философская необразованность», а своеобразие социальных взглядов, возникших на низком уровне развития производительных сил. Именно это лежит и в основе гонения на искусство, которое объявлялось ненужной роскошью.

И «Русское слово» и сменившее его «Дело» не были дублерами «Современника». В их отходе от традиций знаменитого журнала, в молчаливых несогласиях и спорах с ним, в отказе от идеи крестьянской революции все яснее и яснее рисовались контуры нового мировоззрения — в этом сложном процессе рождалась мысль о всемирно-исторической роли пролетариата как факте истории русской общественной мысли, отражавшей развитие рабочего класса в России и выделение его из общей массы угнетенного народа.

Феликс Кузнецов не видит своеобразия этого перехода. Для него «Русское слово» — тот же «Современник», но чуть похуже; соратники Писарева походят на сподвижников Чернышевского, но капельку послабее; все они, разумеется, революционные демократы, но второго, так сказать, сорта.

Даже тогда, когда сам материал наталкивал автора на существенно иные выводы, они сделаны не были. Прочитайте, например, на 130-й странице о книге Берви-Флеровского «Положение рабочего класса в России», высоко оцененной Марксом, или там же о «пристальном внимании» журнала «Дело» «к жизни рабочих, фабричных масс»; припомните, что в «Русском слове» печатались «Очерки по истории труда» Писарева, в которых речь шла о рабочем классе и рабочем вопросе,— и станет ясным, что самое главное и основное данного периода развития народной жизни осталось за пределами концепции автора книги.

Изучая эту эпоху, мы все время находимся в атмосфере движения, поисков, неудовлетворенности найденным, что так характерно для переходного времени. Это и должно было стать идеей книги, идеей, способной слить воедино весь материал, чего, к сожалению, не произошло. Отсюда — чересполосица, лоскутность, внутренняя противоречивость, обилие повторений, перегруженность второстепенным и совершенно неуемная страсть во что бы то ни стало «оправдать» во всем своих героев. Верный признак того, что главное не обнаружено.

Порой дело доходит до курьезов. Сколько затрачено сил, чтобы доказать, что Благосветлов не был эксплуататором, а был революционным демократом. И что же оказалось? Благосветлов эксплуататором не был, а был... предпринимателем. Говорят, что он бил рабочих. И здесь готово оправдание: подобных поступков «он сам же стыдился».

Или: отношения Благосветлова и Писарева рисуются как отношения единомышленников. И вдруг: «Писареву с его интенсивностью духовного развития стало тесно и душно в благосветловском «Деле» (131). Душно! — очень энергичное слово, от него единомыслием как-то не веет.

Или еще: в ссылке Соколов пристрастился к «зеленому змию». Эта слабость в эмиграции развилась «и погубила его как публициста» (321). Казалось бы, ясно: трагедия, гибель. Но нет: «Несмотря на пристрастие к «зеленому змию», авторитет Соколова в революционных кругах до последних лет жизни был очень высок». Возможно, даже возрастал? Это Ф. Кузнецов должен уточнить. Или еще: Соколов, пишет автор, как известно, защищал идеи Бакунина «не только словом. В 1873 году он жестоко избил В. Смирнова, помощника Лаврова по редакции журнала».

И все это на полном серьезе...

Не удержался Феликс Кузнецов и от соблазна впасть в противоречие с самим собой,— возможно, для того, чтобы при случае дать урок истории.

Соколов, пишет он, предстал перед судом и «держал уголовный ответ не за деяние — за слово, за свою книгу «Отщепенцы» (244).

И это говорит автор книги о «Русском слове», которое, по его собственному мнению, было революционным делом, деянием!

Великие эпохи не молчат. Молчание — первый признак отсутствия дела. Ибо «слово — полководец человечьей силы» — афоризм, рожденный в пору великих народных свершений. «Из слов системы создаются»,— давным-давно сказал Вольфганг Гёте. «Последнее слово революционной мысли» — так Ленин характеризует подведение итогов деяния всемирной истории. Последнее слово науки — это выражение, вошедшее в обиход, говорит о деле, о подвиге ученых мира. О подвиге, закрепленном в слове и только поэтому ставшем практическим достоянием общества.

Серия Горького должна пристально следить за этим «последним словом», за исторической преемственностью, за движением и развитием литературы, искусства, науки, политической мысли. Она, как богини античного мира Парки, прядет нить человеческой жизни — нить истории. С тою лишь разницей, что не обрезает ее, ибо бесконечна жизнь, бесконечен подвиг познания.

Возьмите книги последних лет. Их герои — Римский-Корсаков, Диккенс, Делакруа, адмирал Лазарев. Здесь представлено все, но не в смеси имен и лиц, а в строгом единстве, в легко обнаруживаемой последовательности. За Пироговым идет Боткин, за Лобачевским — Чаплыгин, его сменяет Курчатов, за Шаумяном следует Димитров...— представители разных стран, разных областей знания.

Это единая цель восхождения. Пафос борьбы, труда, самоотверженного служения народу и истине — общая черта всех биографий «замечательных людей» мира, раскрывающаяся в горьковской серии. История замечательных лиц есть история народа. Биография великого человека есть биография нации. Именно это, как нам представляется, стремился показать авторский коллектив, создавший серию, при всей своей пестроте и различии почерков.

Кирилл ОБОЛЕНСКИЙ

Фельетон

Дай, МНЕ положено!

Вы его прекрасно знаете. Это он на остановке трамвая или троллейбуса, мощным торсом оттеснив очередь, влезает первым. Это он на лодочной пристани сажает свою подружку в лодку, которая приготовлена вам. Это он ныряет в подошедшее такси, ловко отстранив женщину с двумя ребятишками. А на все негодующие возгласы полублатным (с хрипотцой) голосом развязно бросает:

— Щтё такое?! Мне положено!

Ничего ему не положено, но он твердо, искренне уверен в обратном. Ведь это — Он, а кругом — они! Такому Пупу земли кажется даже зазорным считаться с окружающими. А его «Щтё такое?!» — просто способ запугивания, как примерно вставшая дыбом шерсть и дурное мяуканье кота. Но такой прием приносит удачу исключительно в быстротечных конфликтах. Наглость обезоруживает, только не на длительное время. Можно схлопотать и по шее да и метелку в руки получить суток на десять. Поэтому, когда общение с окружающими рискует затянуться, тактика нашего «героя» резко меняется.

Как правило, в таких случаях он уже не расталкивает локтями очередь, допустим, в гастрономическом магазине. Подпрыгивая сбоку, как вратарь, делающий разминку, Пуп земли помахивает в воздухе чеком и несколько раз громко спрашивает:

— Эти консервы восемьдесят копеек стоят? Я правильно выбил?

Продавщице надоедают воздушные манипуляции. Она подает банку и забирает чек.

— Вы что-то много заплатили,— тут же недоумевает она.

— А мне еще полкило сыру... Только, пожалуйста, порежьте. И ветчинки триста граммов, выберите попостнее... Колбасы «докторской» — двести. Можно куском.

Скрипя зубами, очередь молчит.

«Черт с ним, с этим пронхиндеем!» — размышляет один.

«Ведь нервные клетки не восстанавливаются»,— успокаивает себя второй.

Не было бы страшно, если бы эти «внеочередники» встречались нам только на улицах и в магазинах. К сожалению, попадаются они на нашем пути в других местах, и значительно чаще, чем этого хотелось бы. Уверовавшие в свое превосходство над окружающими («Мне положено!»), они проявляют эгоизм во всех сферах. Именно во всех.

Эгоцентристу наплевать на всех. У него своя мораль, свои лозунги: «Дай, МНЕ положено!», «Отодвинься — Я первый!», «Как нельзя? А МОИ заслуги?!» И Пуп земли уже расталкивает очередь не на автобусной остановке, а в комиссии по распределению квартир и на заседании месткома при обсуждении кандидатур на бесплатные путевки. Это он осаждает горсоветы, райпотребсоюзы, облисполкомы, вплоть до высших правительственных органов с требованием немедленно, именно сию минуту вручить ему мотоцикл, дефицитный гарнитур, автомашину...

Благосостояние советских людей выросло. У многих нетерпеливо шевелятся приличные сбережения, и промышленность просто не успевает наделить каждого

предметами его вожделения. Но Пуп земли с пеной у рта расталкивает всех, кричит, требует. При справедливых отказах, ссылках на очередность он может грозно заявить:

— Щтё такое?!

Разумеется, любимая реплика трамвайного нахала звучит теперь только как подтекст. В заявлении, состряпанном по всем правилам квалифицированного кляузника, все выглядит благопристойно. Для чего оно пишется? А это ведь тоже способ оттолкнуть законного очередника или получить то, что совсем не положено. И в надежде протиснуться пробивные деятели пишут десятки, сотни жалоб-заявлений. Но думается, что всесоюзный рекорд по нахрапу и назойливости побил некий Мартиросян из Армении.

«Колхозник из села Овит, Ахурянского района», как скромно себя именует заявитель, требуя немедленно продать ему автомашину «Волга», написал 3 603 (три тысячи шестьсот три!) заявления в различные учреждения. Свой последний опус в адрес Комитета народного контроля СССР А. Т. Мартиросян так и начинает словами: «...По настоящее время мною подано 3 602 заявления, и все осталось безрезультатно».

Ему отвечали письменно, объясняли устно:

— Приобретайте в порядке очереди у себя, на месте.

— Какая еще очередь?! Дайте мне машину сегодня же, и в Москве!

В Армению приезжал работник министерства торговли Российской Федерации и пытался вразумить эгоиста-графомана. Куда там!

— Сейчас же продайте «Волгу»! Другие люди дожидаются? Какое мне до них дело?!

Обуреваемый жаждой обладания собственной машиной, новоявленный Пуп земли берет измором буквально все центральные организации, попутно жалуясь на нечуткость предыдущей инстанции. На мало-мальски обоснованное заявление требуется потратить как минимум два часа. А на все 3 603 петиции? Получается без малого три года! Три года надо сидеть за этой писаниной при 8-часовом рабочем дне, за исключением выходных и праздников! И возникает законный вопрос: когда же колхозник Мартиросян трудился в колхозе?

После таких размышлений както невольно захотелось посмотреть на живого эгоцентриста с каннибальской философией.

Среди заявлений, направленных для принятия мер в министерство торговли, наше внимание привлекло письмо, адресованное в один из высших правительственных органов Российской Федерации. Текст его вполне заслуживает быть опубликованным полностью, и только недостаток места заставляет нас привести его с весьма значительными сокращениями. Для полноты впечатления сохранены стиль, пунктуация и орфография заявителей.

«Наша семья жизнями, делами, кровью заслужила в нашем обществе автомобиль бесплатно. Мы всю жизнь собирали деньги, собирали, а купить то, что нас устраивает, зам. пред. исп. Московского областного Пушков не дает. Председатель исполкома вообще... не стал с нами разговаривать. В это время хотел изложить просьбу инвалид Отечественной войны II группы майор Слепых Николай Алексеевич (вторая группа пожизненно дана). Второй был — просился на прием Козловский Вячеслав Францевич — доброволец, участник партизанского движения на Белоруссии, соединившись с армией добивал фашизм — дошел до логова врага, ныне не живу, а существую, мучаюсь радикулитом, ревматизмом. Как проеду на мотоцикле и чуть простыну, ужасно мучаюсь — жмет ломит поясница, ноги крутит...»

Далее следует подробное описание здоровья Козловского, его тещи (последняя жена Н. Слепых), собственной матери и семилетнего сына. Тут же происходит переход на практические рельсы:

«...Что б с плеч долой Зам. Облисполкома дает «Запорожец» на семью в 6 человек. А он четырехместный, воздушное охлаждение! Бесплатно не нужен Запорожец. Ведь инвалид второй группы пожизненный получил бы его если б желал. «Фиат» тоже слабоват на нашу семью.

Мы скромно ждем 25 лет после Отечеств. войны.

Дорогой т. Председатель!!!

Мысленно прикиньте насколько СКРОМНО, терпеливо ждет инвалид, доброволец, участник партизанского движения, случайно мы остались в живых и на шестом, на пятом десятку лет нам отказывают за наши трудовые деньги.

...Стоим на очереди 4002. «Фиат» никому не нравится в нашей семье. Обращались в Райисполком в Подольский, чтобы через Потребсоюз помогли, обесчали, но не помогли, обращались в Горисполком тоже осталась наша просьба. Обращались в Министерство торговли РСФСР. Деньги экономим давно, не делаем дни рождения никому, ждем — ждем «Волгу», праздники скромно проводим...

По поручению семьи: В. Козловский и Н. Слепых».

Итак, мы в Подольске, где проживают наши «внеочередники».

— Козловский?! — всплескивает руками председатель горплана Л. Г. Иванова.— Да кто же его у нас не знает! Года четыре назад он у нас в городе появился. С тех пор замучил! То квартиру ему дай, то холодильник, то «Волгу».

— Да ведь кричит на всех,— жалуются работники отдела.— Как что, так: «Я с министрами за руку здороваюсь, мне положено без очереди!..»

Желание тоже поздороваться «за руку» привело нас на улицу Чехова, дом № 4-а, где «не живет, а существует, мучаясь радикулитом», Козловский и ухаживает за ним его «полутесть» Слепых.

Шикарная трехкомнатная квартира, оформленная по канонам сверхблагополучия, предстала перед нами во всем своем великолепии.

«Уже сумел кого-то обскакать и в Подольске»,— невольно мелькнула первая же мысль [1].

— Это мужу на строительстве дали за ударный труд,— суетливо поясняет Лидия Ивановна Козловская.— Только он сейчас там не работает... К сожалению, нет дома ни его, ни Слепых... А мамы наши временно в деревне живут.

Оставляем Козловскому записку с просьбой, если он будет по своим делам в Москве, зайти в редакцию, и отправляемся на его новую работу.

— Был у нас такой шофер, еле от него избавились,— шумно вздохнув, говорит начальник отделения Подольского госпожарнадзора Петр Александрович Емельянов.— Посудите сами — за полтора года, что он у нас проработал, восемь взысканий получил! Его и товарищеским судом судили и в должности понижали — ничего не помогло. В конце прошлого года по пункту «Г» статьи 47 КЗоТа уволили... Где он сейчас? Понятия не имею! Знаю только, что осудили его однажды за хулиганство на пятнадцать суток.

— Что же он все-таки за человек? — невольно вырывается вопрос.

— Ничего сложного в нем нет,— хмурится Емельянов.— Раскусили мы его довольно быстро. Скажу напрямик: девиз Козловского — все с общества и ни грамма обществу. У этого стяжателя нет ничего святого. Ради дела, ради товарищей он палец о палец не ударит. Даже минимальные обязанности, за которые он получает деньги, и то ведь не выполнял.

— Какой он общественник! — усмехнулась секретарь месткома М. Л. Фурсова.— Да он и в профсоюз-то отказался вступить. «Что,— говорит,— я от этого буду иметь? У вас даже бесплатных путевок нет!..» Нигде он долго не держался. Вы посмотрите его личное дело — за шестнадцать лет сменил двадцать одно место! Все только вздыхает: «Как мне «Волгу» достать!» Одного не понимаю: получал он у нас сто рублей, двум женам платил алименты. Откуда у него деньги на машину? [2].

Может быть, ему тесть собирается помочь? Скопил трудовые и дает?

Нет, это исключалось. Нам хорошо была известна подлинная биография «инвалида Отечественной войны II группы пожизненной майора Н. А. Слепых», как скромно именует его «полузять».

...Долгожданная встреча состоялась на следующий же день. В редакцию явились оба.

Глядя на эту парочку, просто невозможно было не вспомнить «детей лейтенанта Шмидта»! И невольно возникало сравнение — насколько те были скромнее!

— Надеюсь, пресса нам поможет — нужна только «Волга»,— взял быка за рога Козловский.

И он протянул два официальных документа.

Нам очень не хочется упоминать фамилии их подписавших в одном ряду с нахрапистыми стяжателями. Скажем только, что разрешение на внеочередное приобретение «Запорожца» дал один из заместителей председателя Мособлисполкома, а на «Москвич» — один из заместителей министра торговли Российской Федерации. Видимо, безотказно сыграли свою роль и слезные перечисления радикулитов и безапелляционное «Дай, мне положено!».

— Почему бы вам не воспользоваться «Москвичом»? — осведомляемся мы.

— Помилуйте, — возмущается Козловский. — Вы не знаете, каких размеров у меня мать супруги!..

Но, спохватившись, что комплекция тещи не особенно веский аргумент, переходит к пространному изложению истории партизанского движения в Белоруссии.

— Вот даже записано: с сорок третьего по сорок четвертый был в партизанском отряде,— гордо заявляет он, протягивая военный билет.

— Что же вас наградами обошли, даже партизанскую медаль не выдали? — интересуемся мы, проглядывая записи в билете.

— Неоднократно наградные листы самолетами в Москву посылали,— не моргнув глазом, поясняет Козловский. — Только ни один не долетел. Немцы сбивали.

— А у меня награды хоть и не вписаны в военный билет, но получены,— вмешивается в разговор до того времени молчавший «майор запаса с пенсией пожизненно». — Можете переписать.

И Слепых с вдохновением перечисляет:

— Два ордена Красной Звезды, орден Красного Знамени, медаль «Двадцать лет РККА», орден Отечественной войны I степени... Ну и по мелочи разные там медали. А после войны просто, без всяких наград, честный труд на благо Родины.

Н. А. Слепых и не подозревает, что нам известно и о наградах (в действительности есть только одна награда) и о «честном труде» после войны: десять лет лишения свободы за растрату, два года — за хищение имущества и три года исправительно-трудовых работ как тунеядцу.

— Что же вы хотите? — еле сдерживаясь, интересуемся мы напоследок.

— Только «Волгу»! Нам положено! — твердо, в один голос изрекают оба.

Все. Достаточно. Выводы пусть делает каждый, в зависимости от своей должности и обстоятельств. Никому не положено лезть без очереди ни за квасом, ни за квартирой, ни за автомашиной. Нормы жизни для всех одинаковы.

Крикунов, демагогов, вопящих о своих заслугах (мнимых и подлинных), не так уж мало. Но в большинстве случаев считающие себя Пупом земли оказываются такими, как Козловский и Слепых.

...Не хочется об этом думать. Но на минуту себе представим далекий сорок первый год, когда около военкоматов выстраивались очереди добровольцев, рвущихся как можно скорее попасть на фронт...

Вот такая очередь всегда была и будет единственной, которую пробивной «внеочередник» не захочет расталкивать, чтобы записаться первым.

В этом нет никакого сомнения!

---

[1] Обстоятельства, при которых новоявленному подольчанину предоставили такое жилье, горисполкому, вероятно, будет полезно проверить.

[2] Вопрос не праздный. И, возможно, кого-нибудь он тоже заинтересует.

Задача критики, что известно со времен Белинского, состоит в том, чтобы определить пафос творчества писателя. Без этого, какие бы кунштюки мы ни открывали у поэта, как бы полно ни коллекционировали его приемы, он все равно останется для нас величиной неизвестной. Только определение пафоса определяет поэзию, ибо пафос — сущность поэзии, он улавливает ее сокровенное.

Но не в том ли состоит существо определения и всякой человеческой деятельности? Определить суть работы замечательного человека — значит определить **пафос** его работы. Без этого нет деятельности, нет характера, а есть поступки, есть отдельные черты, нечто распавшееся и разрозненное, о чем любой и каждый может сказать: чудак, колобродит.

Пафос — это цельность, единство, личность в ее завершенности.

Но задача исторического исследования (а автор жизнеописания великого человека — прежде всего историк) этим не исчерпывается. Определить сущность человеческой деятельности означает установить ее ориентиры в пространстве истории — во времени, в истории своего народа.

Отсюда: определить сущность жизни «замечательного человека» — значит определить пафос его деятельности в отношении к пафосу исторического развития нации. Только такое рассмотрение дает право данному человеку на звание исторического деятеля, определяет масштаб и направление его работы. Разорвите это единство — и у вас или история примет безликий, мистический, внечеловеческий характер, или сам человек станет вневременным, внеисторическим.

Заслуга авторов замечательной серии в том и состоит, что они в своем подавляющем большинстве избежали подобного разрыва — не пересаживали людей, не вырывали их из родной почвы. Отсюда — и объективность рассмотрения, без чего история перестает быть историей.

И что характерно: оставаясь на почве своей страны и своего народа, «замечательные люди» отправлялись поистине в кругосветное путешествие, неся радость познания и созидания народам мира как дар своей родины.

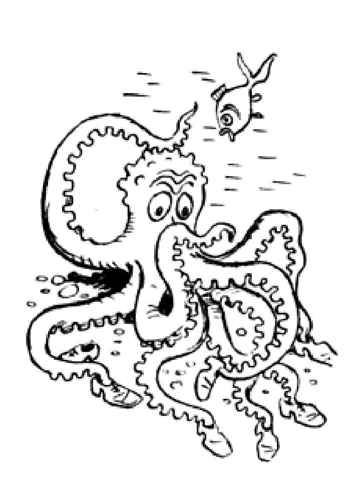
Вот почему горьковская серия растит не только героизм и дерзание, но наглядно, лично, как факт человеческой деятельности **выращивает чувство интернационализма на почве любви к своей родине.**

Иными словами, горьковская серия призвана сыграть (и играет) важную политическую роль. Она помогает решать и проводить в жизнь те задачи, о которых говорил Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев в докладе «Дело Ленина живет и побеждает». «Еще древние говорили,— читаем мы в докладе Л. И. Брежнева,— что ученик — это не сосуд, который надо наполнить, а факел, который надо зажечь. Задача состоит в том, чтобы научить молодых людей творчески мыслить, подготовить их к жизни, к практической работе».

Зажечь факел. Чтобы он освещал путь в будущее, чтобы от него брали огонь неугасимый другие факелы...

МАЛО ИЛИ МНОГО?

Восемь ног у осьминога.
Это мало или много?
«Много! — цапля говорит. —
Даже жаль его немножко».
«Ой, как мало! Просто стыд! —
Говорит сороконожка. —
Стыд и срам! Хоть прочь беги!
Он внушает мне тревогу.
Целых тридцать две ноги
Не хватает осьминогу!»

Сидя в море, осьминог
Загрустил и занемог.
День и ночь решал задачу
И решить ее не смог.
В самом деле, это мало
Или много — восемь ног?

ЗАЙКА

— Зайка, сыграй-ка
На балалайке! —
Гости сказали
Серому зайке.
Он поморгал
И ответил им так:
— Я бы сыграл,
Да нельзя мне никак.
Знаете, кто
У меня
Соседи?
Волки,
Лисицы
И даже медведи.
Скажут они:
«Это что же такое?
Нет от него
Никакого покоя!
Надо нам зайца
К порядку призвать...»
Так они скажут.
А мне что сказать?
В этих условиях
Серому зайке
На балалайке
Трудно играть.

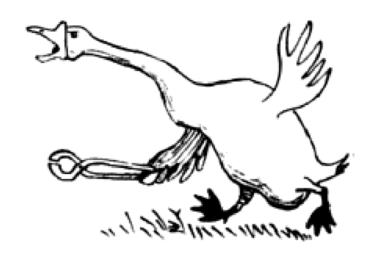
КАКОЙ СЕРЬЕЗНЫЙ

Кот проснулся спозаранку,
Встал, умылся, съел баранку
И пошел купить у цапли
Валерьяновые капли.
— Здравствуй, цапля!
— Здравствуй, кот!
— Все торгуешь?
— Круглый год.
— Не продашь ли валерьянки?
— Сколько лить?
— Налей полбанки.
— Есть рецепт?
— Да вроде был.
— Где он?
— Дома позабыл.
— Так сходи за ним.
— Ну, что ты!
— Разве трудно?
— Нет охоты:
Будешь бегать взад-вперед —
Несерьезный, скажут, кот.

НУ И ГУСЬ

Ну и гусь,
Вот так гусь
Ходит около пруда!
И сердит-то он всегда,
И шипит-то он всегда,
И к пруду не подпускает
Никого
Никогда.
Сам же не купается,
Ходит и ругается...
Как тебе не стыдно, гусь!
Отойди
От пруда!
Поглядел гусь, гусь,
Зашипел гусь, гусь;
Что ему ни говоришь —
Все как с гуся вода.

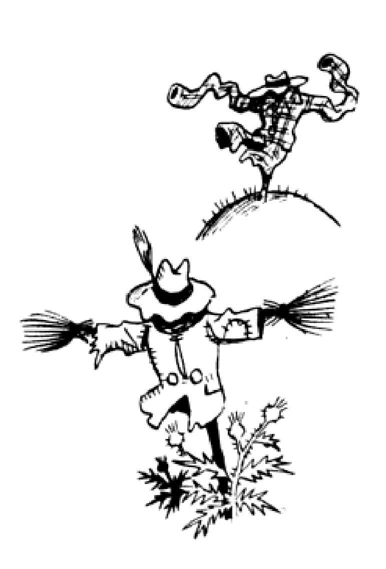
ОГОРОДНАЯ ПЕСЕНКА

Сажали в огороде
Петрушку и горох,
А вырос в огороде
Один чертополох.

Среди чертополоха
Два пугала стоят,
Ворон пугают плохо:
Работать не хотят.

Два пугала друг друга
Пугают целый день,
Но даже от испуга
Им шевелиться лень.

А шапки их линяют,
На пятках вырос мох.
Ох! Плохо охраняют
Они чертополох.

ПЕСЕНКА О

Жил на свете котелок,
котелок,
Все смотрел он в потолок,
в потолок,
Мух считал он день и ночь,
день и ночь.
День прошел, и ночь прошла —
сутки прочь.
Сутки прочь, а супа нет,
каши нет.
Где же завтрак? Где обед?
В чем секрет?
И ответил котелок,
котелок:
«Сам ты смотришь в потолок,
в потолок,
Посмотри-ка лучше ты
на меня:

БУКАШКА

У букашки
Нет рубашки,
Нет ни пояса,
Ни пряжки
И сапожек тоже нет.
— Где рубашка?
— В магазине.
— Где сапожки?
— На витрине.
— Ну, а пояс где и пряжка?
— Это тоже не секрет:
Посмотрите в магазине,
Поищите на витрине,
И уж если не найдете,
Это значит: там их нет.

СКАЗКА, У КОТОРОЙ НЕТ

Стояла у крыльца
С зонтиком овца,
Стояла час,
Стояла два,
Стояла у крыльца.

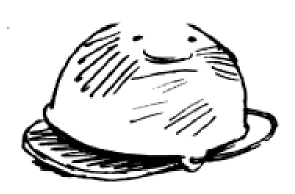
Ей говорит прохожий:
«На что это похоже?
Тебе не нужен зонтик,
Поскольку ты овца».

Овца в ответ молчала
И головой качала...
Теперь начнем сначала:
У сказки нет конца.
Стояла у крыльца
С зонтиком овца,
Стояла час,
Стояла два,
Стояла у крыльца...
(и так далее, пока не надоест).

Михаил КУДИНОВ

Рисунки Е. ВЕДЕРНИКОВА.

КОТЕЛКЕ

Что сварю я без воды
и огня?
Как же ты понять не смог,
в чем секрет?
Раз не варит котелок,
ничего
нет!»

КОНЦА

БЫТ,
ТОРГОВЛЯ,
ЭКОНОМИКА

Хлеб и балерины

Хлеб предстал перед судом строгой современной науки. На нашем снимке старший техник технологической лаборатории ВНИИ хлебопекарной промышленности Валентина Монахова.

Фото А. Бочинина.

П. РОГОЗИНСКИЙ

В Институт хлебопекарной промышленности обратились с необычной просьбой:

— Совершенно необходим хлеб для балерин. От пшеничных батонов они полнеют. Что делать?

Специалистов Всесоюзного научно-исследовательского института хлебопекарной промышленности просьба служительниц Терпсихоры не удивила. Здесь родилось множество новых сортов хлеба.

— Можем создать хлеб и для балерин,— заключили в институте.

Почему же все-таки возникла такая проблема?

— Дело в том, что даже лечебно-диетические булочные изделия далеко не полностью отвечают научно обоснованным нормам питания,— ответил директор института Р. В. Кузьминский.— Всесторонне изучать состав хлеба ученые стали сравнительно недавно. А история хлебопечения насчитывает почти столько же веков, как история самого человека.

Современная хлебопекарная промышленность выпускает около пятисот сортов и видов хлебобулочных изделий. Но наш отличный пшеничный хлеб в основном изготовляется по той же рецептуре, которой пользовались и хлебопеки фараонов.

Из чего состоит пшеничная мука? На 70—75 процентов из крахмала, на 11—13 процентов из белковых веществ и из небольшого количества сахара, жира. Но ведь пищевая ценность хлеба в основном определяется количеством и качеством содержащихся в нем белков и тем, как использует их организм. Эффективно усваивается всего лишь половина белков. Другая же половина либо идет на отложение ненужного организму жира, либо вообще не принимается организмом.

Для того, чтобы все полезные вещества, поступающие в организм с хлебом, расходовались более рационально, необходимо сбалансировать их по аминокислотному составу. Этого можно достичь, если правильно подобрать состав хлеба. Насыщенный белком хлеб весьма питателен, но полнеть от него не будешь.

Хлебопекарной промышленности уже предложено несколько рецептов изготовления хлеба повышенных пищевых качеств разных лечебных сортов.

В такой хлеб входят ценные добавки. Важнейшая из них — сухое обезжиренное молоко. Оно содержит очень нужное белковое вещество, практически ничем не заменимое,— лизин, а кроме того, в хорошо усвояемой форме кальций и фосфор.

В прошлом году Институт питания Академии медицинских наук провел целый комплекс исследований — клинико-физиологических, биологических и иммунологических — большой группы школьников, которые получали батоны и булочки, выпеченные с сухим молоком. Что же выяснилось? Употребление такого хлеба положительно влияет не только на физическое, но и на умственное развитие подростков. Весьма полезен он и пожилым людям. Достоинства его уже оценили в Белоруссии, где примерно половина хлебных изделий выпекается с добавкой молочных продуктов. Молочную сыворотку используют и в Москве, Московской области, в Таллине, Вологде, Новосибирске, Туле.

А как в других местах?

Плохо, даже очень плохо. Производство молочного хлеба тормозится из-за недостатка сухого обезжиренного молока. Предприятия Министерства мясной и молочной промышленности СССР выпускают его в малом количестве — всего несколько десятков тысяч тонн в год. Между тем наладить широкое производство сухого молока не так уж сложно. А использование его сулит настолько большой народнохозяйственный эффект, что этой проблеме следует уделить серьезное внимание.

Другая ценная примесь, предложенная институтом,— соевая мука. Она втрое богаче белком и другими ценными питательными веществами, чем пшеничная. Правда, ей свойствен некий специфический запах. Но его устраняют, подвергая муку специальной обработке. В диетических булочках соевой муки может быть ровно столько же, сколько и пшеничной.

Для многих людей такой хлеб просто необходим. Но и он изготавливается в ограниченном количестве. Причина та же — недостаток сырья. Правда, мука из сои в известной степени может быть заменена гороховой. Однако и ее хлебопекарная промышленность получает недостаточно.

Мне предлагают отведать хлеба с добавлением 30 процентов соевой и гороховой муки. Хорош! Приятен на вкус и ароматный, вроде ничем не отличается от хорошего пшеничного хлеба. А содержание белка в таких булках в полтора-два раза выше, чем в обычном хлебе.

В некоторых районах Средней Азии население предрасположено к заболеванию щитовидной железы — так называемый эндемический зоб. Болезнь вызывается отсутствием в почве — а раз так, то и в пище — солей йода. В таких случаях врачи рекомендуют йодистые препараты. Принимать их полезно и людям, предрасположенным к сосудистым заболеваниям.

— Не проще ли подмешивать йодистые вещества в хлеб,— рассудили в институте,— и тем самым предупреждать заболевания? Такой хлеб — либо лепешки для жителей Средней Азии — уже выпекают, по вкусу он тоже ничем не отличается от обычного.

Много и других полезнейших сортов хлебных изделий создано за последние годы. Но почему же мы не видим их на полках магазинов?

Институт составил целый «Сборник технологических инструкций по производству хлебобулочных изделий повышенной пищевой ценности и диетического назначения». Министерство пищевой промышленности СССР выпустило эти инструкции в свет. Однако где же сами новые сорта?

Ответ на этот вопрос, видимо, нужно искать в Министерстве пищевой промышленности СССР, и я направился туда.

Начальник Главхлеба министерства Г. В. Строганов сказал, что в этом году хлебобулочных изделий с добавлением молока изготовят около миллиона тонн. И тут же заметил:

— А можно было бы и в пять раз больше.

— Что же мешает?

— У нас,— поясняет Г. В. Строганов,— хлебные изделия обогащают преимущественно молоком цельным, сывороткой и обратом. А в них — девяносто четыре процента воды. Вот и приходится возить не белок, а воду. Где уж тут напастись транспорта. Конечно, в тех местах, где хлебные и молочные заводы соседствуют друг с другом, доставка сыворотки в цистернах вполне целесообразна. А вот в Средней Азии, в Закавказье и на юге России климат не позволяет долго хранить молочные продукты. Там без сухого обезжиренного молока и сухой сыворотки не обойтись. Между тем хлебопекарная промышленность получает их всего около ста тонн в год. А это капля в море.

Почему же нужных продуктов вырабатывают так мало? Еду в Министерство мясной и молочной промышленности СССР. На десятом этаже башни из стекла и бетона — кабинет начальника Главмолпрома Л. С. Косова. Он говорит:

— Выработка сухого молока растет из года в год. Вот цифры...

Действительно, из года в год цифры растут. Но вовсе не так быстро, как это намечается планами. Причина для Льва Сергеевича ясна.

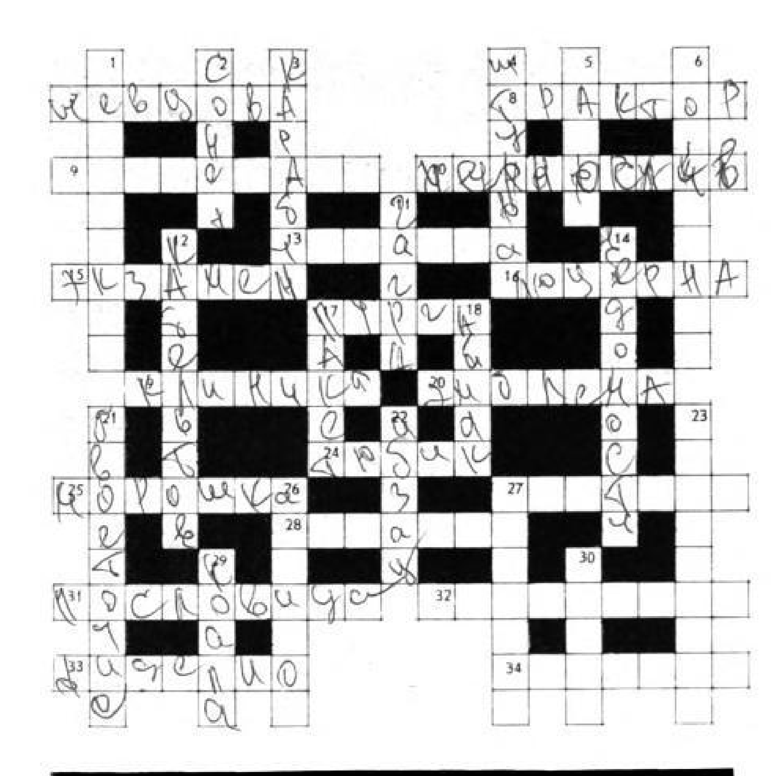
— Не хватает производственных мощностей. Вот уже несколько лет подряд задания по строительству заводов сухого молока не выполняются. В минувшем году, например, вместо четырнадцати заводов построено всего семь.

При этом Л. С. Косов умалчивает о том, что и многие действующие заводы работают лишь вполсилы. Но зайдем к строителям. Они в этом же здании, рядышком. Начальник главка капитального строительства Григорий Петрович Кикоти также не затрудняется выяснением причины неурядиц:

— Подводят подрядчики: Министерство сельского строительства и Волгогидрострой. С ними заключены договора, подрядчики их не выполняют. С них и спрашивайте.

Но... стоит ли выяснять, где же тот стрелочник, на которого главки союзных министерств стараются в конечном счете свалить все грехи?

Наука доказала, сколь необходим хлеб, обогащенный белком. Все возможности к его производству имеются. Об этом говорят принятые на сей счет решения. Но некоторые ответственные командиры молочной промышленности вот уж сколько лет отмахиваются от важнейшей проблемы. А решения ее ждут не только балерины. Ждут миллионы советских людей.

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Персонаж романа А. Фадеева «Молодая гвардия». 8. Сельскохозяйственная машина. 9. Город в Азербайджане. 10. Сушеный плод. 13. Река на Кольском полуострове. 15. Проверочные испытания. 16. Бобовое растение. 17. Сильная метель, вьюга. 19. Медицинское учреждение. 20. Условное или символическое изображение. 24. Упаковка для пасты и клея. 25. Северная ягода. 27. Полуостров во Франции. 28. Неоконченная драма А. С. Пушкина. 31. Меткое народное изречение. 32. Созвездие северного полушария неба. 33. Опера Л. Бетховена. 34. Химический элемент.

По вертикали: 1. Советский химик, академик. 2. Стихотворная форма. 3. Охотничья винтовка. 4. Рулевое колесо. 5. Давно не паханная земля. 6. Многоголосие в музыке. 11. Курорт в Абхазии. 12. Морская мера длины. 14. Первая русская печатная газета. 17. Бумажный кулек. 18. Административно-территориальная единица в Монгольской Народной Республике. 21. Знак препинания. 22. Красная строка. 23. Арифметическое действие. 26. Художник-передвижник. 27. Роман Л. Леонова. 29. Сумчатый медведь 30. Грамматическая категория некоторых частей речи.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 33

По горизонтали: 7. Волейбол. 8. Стенолаз. 9. Ласкер. 10. Анализ. 11. Вагай. 14. Готика. 16. Босфор. 17. «Прозаседавшиеся». 22. Яблоня. 23. Выборг. 24. Атлас. 25. Соната. 27. Огурец. 28. Косеканс. 29. Аналогия.

По вертикали: 1. Ротатор. 2. Реактив. 3. Обер. 4. Вега. 5. Можайск. 6. Рагимов. 12. Абонемент. 13. Альмавива. 15. Абхазия. 16. Бакшеев. 18. «Обломов». 19. Токарев. 20. Облучок. 21. Арлекин. 26. Арат. 27. Опал.

На первой странице обложки: Солистка республиканского молодежно-эстрадного ансамбля «Гульдер» Гульжан Толпанова. Казахская ССР.

Фото Ю. Куйдина (АПН).

На последней странице обложки: Алма-Ата. Парад спортсменов общества «Трудовые резервы» на открытии республиканской спартакиады. Внизу: участники самодеятельности профессионально-технических училищ исполняют казахский танец.

Фото Г. Копосова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Л. И. ШУМАНА

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 250-56-88; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 4/VIII-70 г. А 00439. Подп. к печ. 18/VIII-70 г. Формат бумаги 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1386. Тираж 2 100 000 экз. Заказ № 2177.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

ЖРЕЦЫ КРА

Говорят, что даже снежные люди ходят стричься к цаплям, у которых клюв — отличные ножницы. Людям же цивилизованным без вмешательства парикмахера прожить ну просто немыслимо.

Искусство жрецов прически совершенствуется так стремительно, что им приходится ежегодно собираться для обмена идеями и навыками. Вот и в Москву съехались лучшие специалисты из Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Румынии, СССР, Чехословакии и Югославии на VIII Международный смотр парикмахерского мастерства социалистических стран. Два дня Дворец спорта в Лужниках напоминал огромный парикмахерский салон. Надо сказать, что и среди зрителей преобладали представители этой древней и всегда молодой профессии. Чемпионов по условиям смотра не называли, но всем было известно, что наибольшее количество очков среди женских мастеров набрала Долорес Кондрашова (СССР), а среди мужских — Кенень Ференц (Венгрия).

А главный итог смотра, несомненно, будет подводиться целый год, до новой встречи. И итогом этим станет возрастающее мастерство служителей красоты.

Ю. КРИВОНОСОВ
Фото автора.

На суд зрителей.

Повседневная прическа-70.

Очки, очки...

СОТЫ

Лучший мужской парикмахер Кекень Ференц (слева) и его модель.

Одна...

За минуту до финиша.

На полпути к красоте.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663.